

ТЕПЕРЬ, МИР, ПРОСНИСЬ.

ВГЛЯДИСЬ В ДЕЛО ПОКОЙНОГО, ЕСЛИ ТЫ НЕ МОГ ПОЗНАТЬ ЖИВОГО.

НЕ ОДИН ЧЕЛОВЕК ПЕРЕЖИВАЛ ЗДЕСЬ, КАК СТРАХ ПЕРЕХОДИТ В БЛАГОГОВЕНИЕ. ЭТОТ ВЕЛИКАН ВЫКОВАЛ СВОЙ МОЛОТ НА ТВЕРДЕЙШЕМ СОПРОТИВЛЕНИИ ПОТЕРЯВШЕГО ДУХ ВРЕМЕНИ, НА ЖЕСТКОЙ МЫСЛИ, И ЭТИМ МОЛОТОМ ОН МОГУЩЕСТВЕННО УДАРИЛ ПО ВРАТАМ ДУХА. И ОНИ РАСПАХНУЛИСЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ЗАКРЫВАТЬСЯ; И ЕСЛИ ВЫ И ОСЛЕПЛЕНЫ ЕЩЕ ЯРКОСТЬЮ СВЕТА, ТО ВСЕ ЖЕ — ПОМНИТЕ ТВЕРДО:

ВРАТА РАСКРЫТЫ.

КАРЛ УНГЕР
1 АПРЕЛЯ 1925 ГОДА
ДОРНАХ

Rudolf Steiner

**СВЯТАЯ РАДОСТЬ
СЕРДЦА МОЕГО...**

Rudolf Steiner

Rudolf Steiner

**Святая радость
сердца моего...**

Рудольф Штайнер (Штейнер, нем. Rudolf Steiner, 1861–1925) — современный ученый; доктор философии, педагог, художник, писатель, режиссер, реформатор теории познания и практически всех сфер человеческой культуры, включая естественные и точные науки, а также медицину. Основанное им философско-практическое направление, которое впервые с момента развития современного материализма является также и духовным, назвал Духовной наукой, или Антропософией — наукой о человечности в человеке и о законах человеческого развития, о взаимосвязях духовного и материального миров, о месте и роли человека в обоих мирах. Организовал открытое Всемирное антропософское общество, которое объединяет специалистов в различных областях, поддерживающих и развивающих его начинания и связывающих будущее планеты с одухотворением научного мировоззрения.

Свет Духа пронести в ночь мировой зимы —
Святая радость сердца моего,
Чтоб зерна душ, сияя,
Укоренились в мире,
И Слово Божье в темный разум
Светило смыслом Бытия.

Рудольф Штайнер, Календарь души,
Тридцать седьмая неделя (15–21 декабря 1912 г.)

L. Sieben und dreissigste Woche (15. Dec. — 21. Dec.)
37. Zu tragen Geisteslicht in Weltwinternacht
Errebet selig meines Herzens Trieb.
Dass leuchtend ~~Denkungsanfänge~~ ^{Seelenkeime}
In Weltengründen wurzeln
Und Gotteswort im Sinnesdunkel
Verklärend alles Sein durchtönt.

...сотням людей он помог выбраться из безнадежной пустыни и подняться к жизни, исполненной глубокого духовного смысла.

Габриэлла Ройтер

Современная безысходность только тогда найдет свое разрешение, когда научное объяснение Вселенной и человека будет соответствовать инстинктивной доверию к безусловной ценности отдельной личности и будет выработан взгляд на религию, не отрицающий сверхъестественные моменты верования, но включающий религиозные представления в научную картину мира. Большинству ученых это кажется невозможным, а многие религиозные мыслители считают предосудительной саму попытку найти такое разрешение.

Факт остается фактом: такой ответ был дан человеком, чья мысль в огромной мере опиралась на научное знание, кто всегда думал, говорил и писал как ученый. Этот человек — Рудольф Штайнер.

Артур Пёрсл Шеферд

Рудольф Штейнер является одним из самых значительных людей нашего столетия. Во многие области жизни — педагогику, медицину, сельское хозяйство, искусство — работы Штейнера дали новые импульсы, опередившие свое время, актуальность и правомерность которых с течением лет блестяще подтверждаются. Многие вопросы, актуальные сегодня, Штейнер видел еще в первой четверти XX столетия. И многие его идеи получили сегодня мировое признание и распространение. Но еще важнее тот факт, что практическим преодолением материализма Штейнер внес в мир новый духовный импульс, импульс, по-новому ориентирующий мышление, укрепляющий душу и открывающий путь, на котором чистый дух может реализовать себя на практике.

Кристоф Линденберг

Беспристрастный взгляд на его обширное наследие позволяет увидеть одного из величайших мыслителей всех времен, овладевшего современными науками в столь же поразительной степени, что и древним знанием. Штайнер — не более мистик, чем Альберт Эйнштейн, он прежде всего ученый, но такой, который отважился проникнуть в тайны жизни. <...> Как может возродиться вера в двадцатом веке? Ответ Рудольфа Штайнера гласит: вера может вернуться в нашу жизнь лишь благодаря прогрессу в области познания.

Рассел У. Дэйвенпорт

Он видел рост нищеты и предлагал пути выхода из экономического кризиса. Он видел наступление голода и закладывал основы нового сельского хозяйства. Он видел деградацию господствующего научного материализма и ориентировал своих учеников на естествознание в новом духе. Он видел тяжелое положение подрастающей молодежи и разрабатывал новую систему воспитания. Он видел беспомощность современной медицины, особенно в области душевных болезней и заболеваний мозга, и предлагал использовать для исцеления достижения гуманитарных наук. Он видел религиозно-моральное одичание и помогал дезориентированным людям обрести надежную религиозную опору.

Фридрих Риттельмайер

Штайнер являет — даже для тех, кто отрицает его открытия — такие способности разума и качества сердца и воли, которые могут конкретным примером убедить нас в том, что провозглашенный им путь не есть нечто недостижимое для человека, по крайней мере, в будущем. В Штайнере мы можем наблюдать, как начинается реальная трансформация *homo sapiens* в *homo imaginans et amans*¹.

Оуэн Барфилд

Слушать его было целым переживанием, потому что образование у него было потрясающим и, в противоположность нам, у которых оно ограничивалось литературой, невероятно разносторонним; после его лекций или некоторых частных разговоров я всегда возвращался домой одновременно восхищенным и несколько удрученным.

Стефан Цвейг

Наряду с его глубокой серьезностью в его обращении с людьми сильней всего выступала эта излучающаяся от него теплота. Своей приветливостью и юмором он всегда старался перекинуть мост через пропасть, которую мы чувствовали между ним и собой.

Маргарита Сабашникова-Волошина

Встреча с Рудольфом Штайнером заставила меня впредь не терять его из виду, все время отдавая себе отчет в его значимости. Мы оба одинаково чувствовали необходимость вновь обратиться к подлинной внутренней культуре. Меня радуют те свершения, которыми его великая индивидуальность в своей глубокой человечности одарила мир.

Альберт Швейцер

В моей внутренней жизни нет ни единой грани, которая не была бы заново освещена высоким учением Рудольфа Штайнера и не испытала бы его благотворного воздействия. <...> Велика моя благодарность за это безмерное богатство. <...> Поистине прекрасно стать еще раз учеником в мои годы. Всем своим существом я ощущаю омоложение, дающее силу и обновление также моей музыкальной деятельности.

Бруно Вальтер

Более поразительного и гениального лица, чем у него, я никогда не видел в жизни, и та история мира, которую он раскрыл в своем курсе... поразительна и необычайна. Это грандиозный синтез точного знания с боговдохновенностью.

Максимилиан Волошин

Этот человек, несомненно, совсем особое явление, которое надо попытаться принять со всей серьезностью. Он выдвигает несколько учений, в которые я давно поверила, — среди прочего в то, что нашему времени не соответствует религия, построенная на недоказуемых чудесах, что ей надлежит быть наукой, опирающейся на доказательства; теперь надо уже не верить, а знать. И еще: человек может сам добыть знание о духовном мире благодаря упорной, сознательной, систематической работе мысли. Не сидеть сложа руки, подобно

---

¹ Человек видящий и любящий (лат.)

мечтательному мистика, но, призвав всю мощь мышления, сделать видимым обычно скрытый от нас мир. Все это истинно и достоверно, к тому же все у него внушает доверие, все умно и не имеет ничего общего с шарлатанством. Через несколько лет его учение будет провозглашаться с церковных кафедр.

Сельма Лагерлёф, 1921 г.

Сначала меня отпугивало, что Рудольф Штейнер, такой научный ум, руководил секцией Теософского общества. Теперь я поняла, почему он так поступал: только в этом кругу он мог найти людей, для которых проблемы конкретного духовного пути что-то значили. Им он и хотел указать путь, соответствующий нашей эпохе, — последовательное развитие естественнонаучных методов. Штейнер взял на себя руководство Германской секцией Теософского общества с условием, что он будет вести свою работу совершенно самостоятельно и давать духовноведение, проистекающее из его собственных духовных исследований. Из этого источника, а не из традиций, он черпал свою христологию. То, что давал тогда Штейнер, было для того времени совершенно ново. С тех пор многое, о чем он писал и говорил, оказало влияние на культуру — независимо от того, сознают это люди или нет. Даже те, кто считали своим долгом бороться с учением Рудольфа Штейнера, зачастую обязаны ему более живым пониманием догматов, которые они сами отстаивают.

Маргарита Сабашникова-Волошина

В 1909 году... я однажды видела маленькую фотографию Рудольфа Штейнера. Тогда же произошел мой первый разговор с Бугаевым. «Посмотрите: это немецкий ученый, который утверждает, что можно познать духовный мир с помощью научного метода», — сказал он мне тогда. «Отважный ученый», — ответила я. Но в этих чертах выражалась не только отвага, но и огромная серьезность, какая-то не поддающаяся словесному определению сила.

Ася Тургенева

Что же меня больше всего поразило в этом облике? Это была какая-то энергия прямизны, которой, казалось, целиком был охвачен этот человек. Когда он упругими шагами пересекал аудиторию, его голова в этом движении оставалась в покое; шея была откинута назад, как у орла. «Как может человек так ошеломляюще походить на орла?» — думала я.

Маргарита Сабашникова-Волошина

...его стройная, подвижная фигура в черном сюртуке словно была окружена атмосферой XVIII века. Сквозь его черты просвечивали величие и трагизм ушедших эпох. Старец, ученый, художник, борец, юноша — его обличье постоянно менялось. На его лице всегда присутствовал некий отпечаток, который встречается только в величайших произведениях искусства. Он влиял на окружающих подобно портретам Рембрандта, показывающим скрытую сущность так же отчетливо, как и чувственно воспринимаемое. Его легкая, ритмичная походка производила такое впечатление, что Земля присоединяется к этому ритму. Корпус его был очень прямой, но подвижный, с подвижными руками и быстрыми поворотами; голова слегка откинута назад и при этом несколько наклонена вперед. Такая осанка присуща только орлу, — на память приходил и орлиный взгляд, стремительный и острый, или же широко открытый глаз орла, взирающего на Солнце, но при этом полный бесконечной боли и тепла. Многие пытались описать доктора Штейнера, но ни

наши слова, ни наша кисть не могли преодолеть той пропасти, которая отделяла его от нас, — даже его внешность. Но он встречал эти попытки с самым естественным дружелюбием. Вновь и вновь приходилось изумляться этой естественности.

Ася Тургенева

Он считал вежливость необходимой чертой в общественных отношениях, как и во всех формах внешней жизни, недостаток корректности являлся для него признаком недостаточной внутренней дисциплины. У него, правда, корректность сливалась с врожденной благожелательностью, — сердечная доброта рождала формы. Но там, где не хватало тонкости чувств, он тем более требовал уважения к внешней форме, во избежание вульгарности и грубости, которые не замедлили бы появиться.

Мария Штайнер

В проступках против себя доброта его не знала границ. Мария Яковлевна говорила ему: «*Сострадание* имеет границы». Он отозвался: «Нет, — *сострадание* границ не имеет».

О любви же он говорил: это — *дающая* способность: чем больше даешь, тем больше имеешь дать; всякая настоящая любовь, по его словам, имела свойство: безграничного расширения.

И он — расширялся.

Андрей Белый

От него исходила мудрая доброта, которая наполняла все вокруг.

Фридрих Риттельмайер

Человек должен учиться не просто преклонять колена перед алтарем и молиться из своего эгоизма, человек должен научиться совершать служение Богу во всем, что он совершает в мире.

R.S., GA 196, лекция №13

Ни одна религия не стоит выше истины.

R.S., GA 284

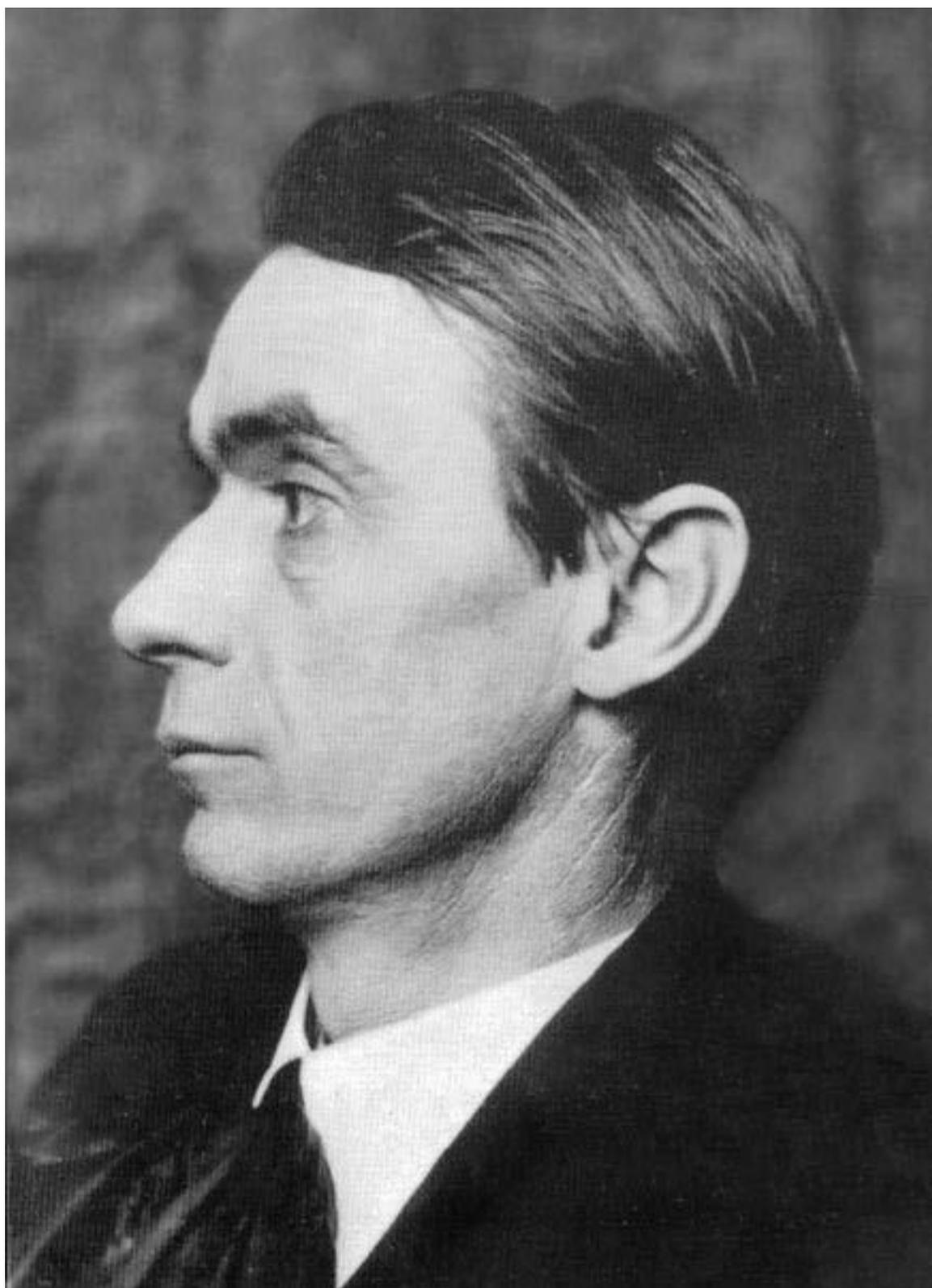
В мире ничто не происходит дважды. Такого бытия, как сейчас на Земле, никогда не было. Бытие Земли означает космос любви, бытие предшествующей планеты — космос мудрости. Мы должны развивать любовь от самой простейшей до самой высшей. Мудрость глубоко сокрыта в основе земного бытия. Поэтому нельзя говорить о «низшей» физической природе человека, ибо она до некоторой степени является наиболее совершенной формой человека. <...> Астральное тело² находится ниже. Оно наслаждается, постоянно подвергает атакам мудро построенное сердце. Ему нужно еще много времени, чтобы стать таким же совершенным и мудрым, как физическое тело. Но оно должно стать таким. В этом и заключается развитие. Физическое тело тоже развивается. <...> Развитие мудрости предшествует развитию любви. Любовь еще не стала совершенной. Но её можно найти во всей природе. У растений, у животных, у человека, от низшей половой любви — до высшей, одухотворённой любви. Бесчисленное количество существ, подверженных любовному влечению, гибнут в борьбе за существование. Повсюду, где есть любовь, происходит борьба. Появление любви влечет за собой борьбу, необходимую борьбу. Но любовь, преодолев её, преобразует войну в гармонию. Мудрость характеризует физическое бытие. Но только там, где эта мудрость пропитана любовью, начинается развитие. Те, которые достигнут цели земного развития, принесут на следующую планету любовь как природную силу; так была когда-то принесена на Землю и мудрость. Люди Земли смотрят на богов как на носителей мудрости; человек последующей планеты будет взирать на богов как на носителей любви.

R.S., GA 55

Нам нужно только произнести одно слово, и мы узнаем то положение, которое человек должен принять при взгляде на свое бессмертие: это слово — любовь. Все то, что мы говорили относительно слова «бессмертие», мы можем теперь связать с тем, что определяется любовью. Любовь это не то, что мы приобретаем через волю или через мудрость. Любовь обитает в области чувствований, и мы знаем, что не достигнем идеала

---

² Рудольф Штайнер, считая необходимым придерживаться традиционной терминологии, наполняет ее, однако, собственными, гораздо более современными, смыслами. Под телами он подразумевает (в предельно упрощенном описании) некие целостности, дискурсы, нечто подобное математическому множеству. Так, даже говоря «физическое тело», он имеет в виду не то, что общепринято подразумевать в этом случае. Физическим телом Рудольф Штайнер называет узнаваемую смысловую структуру человеческой индивидуальности, удерживающую материальные вещества в уникальной, свойственной только этой индивидуальности форме (это именно та смысловая структура, что позволяет нам узнавать другого человека или себя самих по прошествии семи лет, в течение которых материальные вещества полностью заменяются другими). Под эфирным телом он подразумевает силы, или законы (сейчас, к сожалению, привычнее услышать «механизмы», и даже «программы»), формирующие и движущие рост, развитие и в некотором отношении судьбу живого организма. Под астральным телом подразумевается психоментальная, душевная составляющая человека; в ней рассматривается отдельно ее неосознаваемая часть, имеющая животную природу (что подтверждается современной этологией), и более цивилизованная (при здоровом развитии расширяющаяся) часть, преобразованная человеческим Я. Само Я — в данном ряду является четвертой, самой молодой и чисто человеческой структурой (ее наличие отличает человека от животного), которая может и должна пребывать в непрерывном осознанном самостановлении. — *прим. сост.*

Около 1910

человеческой души, если эта душа не будет пронизана любовью. Но теперь предположим, что наша индивидуальность теряется, соединяясь с некой вселенской Божественностью. Мы были бы тогда растворены в ней. Мы не смогли бы больше любить божество, мы — в нем. Любовь не имеет смысла, если мы бессознательно слиты с божеством. Если бы мы не несли через смерть нашу сознательную индивидуальность, у нас после смерти не было бы любви, потому что если индивидуальность прекращается, — прекращается и любовь.

Один может только тогда любить другого, когда отделен от него. Если мы несем нашу любовь к богу через смерть, то мы можем нести с собою через смерть и то, что родило эту любовь, — нашу индивидуальность. Ни воля, ни мудрость не могут дать человеку то, в чем он нуждается, только любовь это дает.

R.S., GA 155

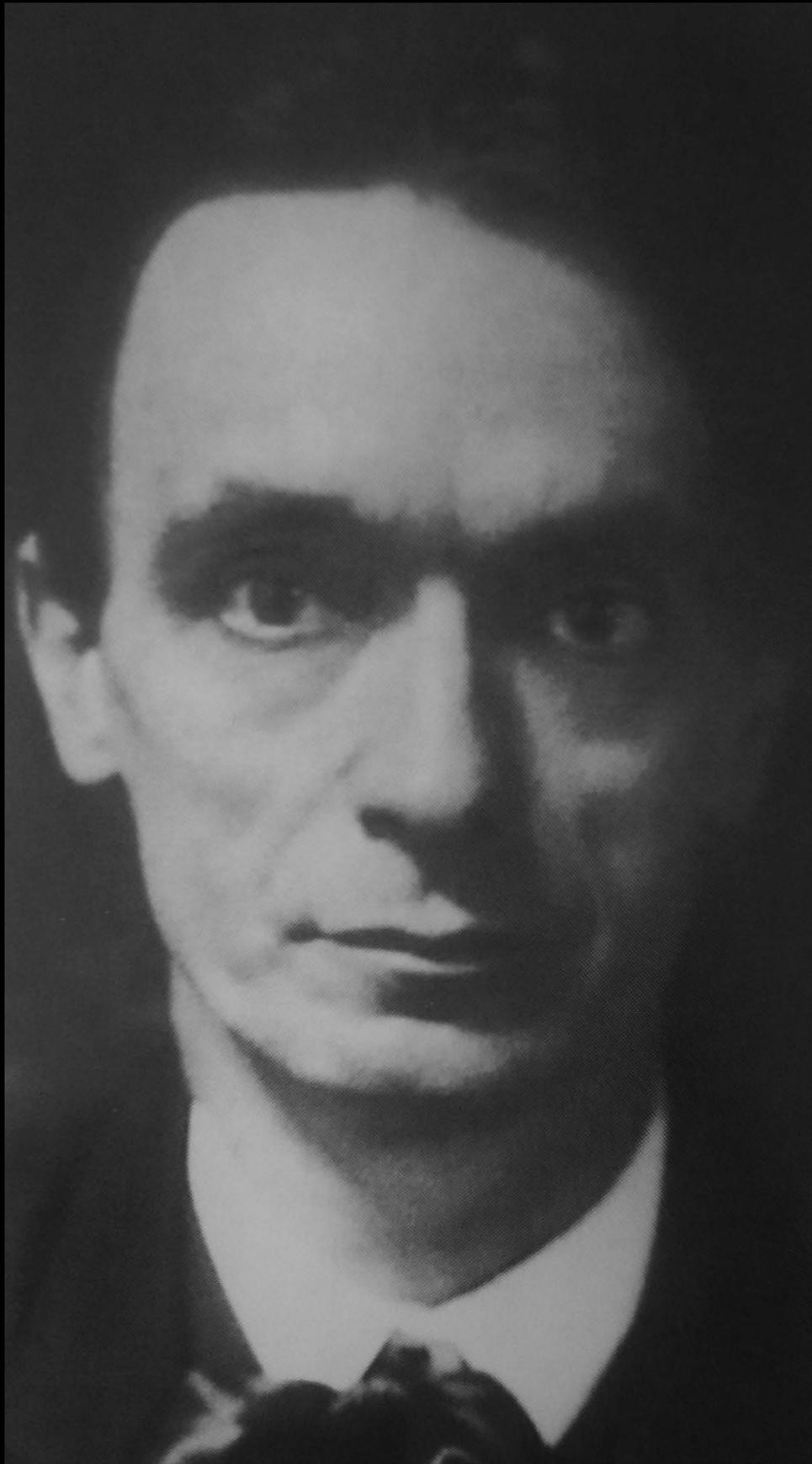
Двадцать девятая неделя (20–26 октября)

Себя в огне мышленья
Сжигая собственною волей,
Читать пережитое
Очами Мирового Духа —
Вот летнее мое наследство,
Затишье осени, зимы надежда.

29. *E. Neim und zwanzigste Woche (20. Oct. - 26. Oct.)*
Sich selbst der Deutens Leuchden
Im Innern Kraftvoll zu entfassen
~~Statt~~ Erlebtes fimmvoll deutend
Aus Wellengeißtes Kräftequell
Ist mir nun Sommererbe
~~Und~~ Ist Herbstesruhe und auf Winterhoffe

1907

1907

Его лица невозможно передать, потому что оно все — пламя воли, но не неподвижной и не внешней, а горячей изнутри и каждый миг изменяющейся.

***

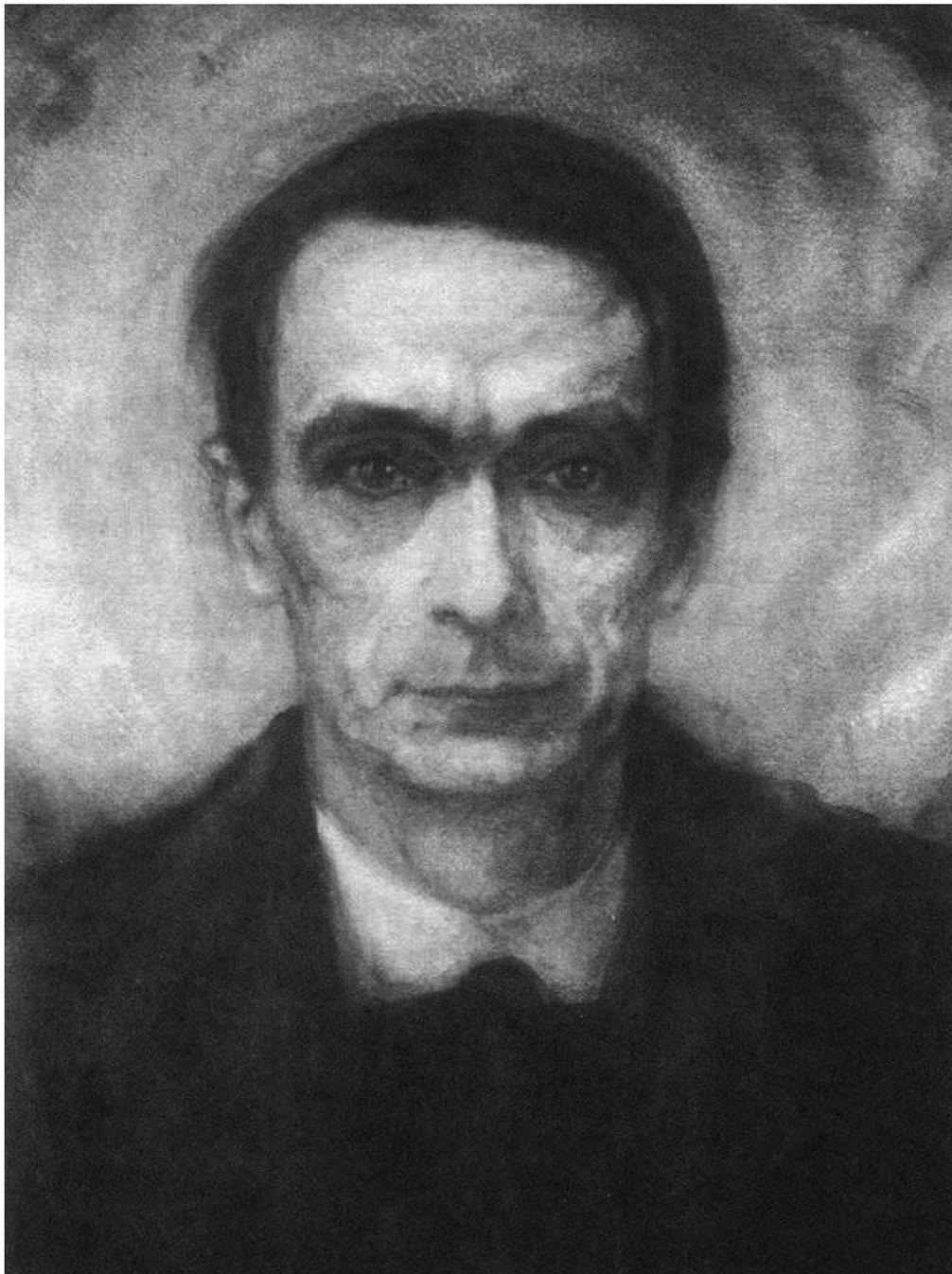
Снова
Мы встретились в безлюдьи. И как прежде
Черт твоего лица
Различить не могу. Не осужденье,
Но пониманье
В твоих глазах.
Твое уединенье меня пугает.
Твое молчанье говорит во мне:
Ты никогда ни слова
Мне не сказал, но все мои вопросы
В присутствии твоём
Преображались
В ответы...
Ты встречный, ты иной,
Но иногда мне кажется,
Что ты —
Я сам.
Ты приходил в часы,
Когда отчаянье молчаньем просветлялось.
Тебя встречал я ночью, или
На закате... и ветер падал.
Ты живешь в пустынях,
Пути усталости вели всегда к тебе.
О, если б иначе тебя увидеть,
Если б ты пришел
В момент восторга,
Чтоб разглядеть я мог
Твое лицо.

9 августа 1914

Максимилиан Волошин

Он [Михаил Чехов] говорил о лице Доктора, что это единственное человеческое лицо в полном смысле; как он добр! Но какая строгость в этой любви; каждая черта говорит иное, и в этом лице сразу одновременно то, что в других бывает последовательно во времени.

Маргарита Сабашникова-Волошина

*Портрет Рудольфа Штайнера
работы Маргариты Сабашниковой-Волошиной,
1920-е годы*

Одну из лекций цикла Рудольф Штейнер читал на острове. При переезде через фьорд я случайно оказалась в одной лодке с ним и Марией Яковлевной. <...> Мне бросилось в глаза, что лицо Рудольфа Штейнера в этом ясном свете было совсем иным, чем окружающая природа. Оно заставляло вспоминать об угле и алмазе.

Маргарита Сабашникова-Волошина

...он был легко-мыслящий, резво-мыслящий (символами, парадоксами, шутками); легкий и острый.

Но, повторяю, его *шаловливость* — явление горного порядка; о ней можно говорить лишь условившись о том, что фон этой *шаловливости* установлен точно и прочно: раз навсегда; он — огромная серьезность, огромная строгость, огромное страдание, огромная любовь.

Андрей Белый

Я нашла Рудольфа Штейнера очень изменившимся. Больным он не выглядел, но я ощутила какую-то хрупкость его физического существа, подобную хрупкости стекла. Как будто оно удерживалось от распада только силой духа, а его движения, казалось, еще больше, чем прежде, вызывались его волей, действующей от периферии.

Особенно поразил меня его взгляд, которым он время от времени окидывал сидящих в зале, как будто чего-то искал среди них. В этом вопрошающем взгляде была такая боль, что страшно было с ним встретиться.

Маргарита Сабашникова-Волошина

Чтобы написать хороший портрет, необходимо найти связь с тем духом, который создал для себя эти формы, отдаться ему и как бы в нем проснуться.

<...>

Когда пишешь портрет, собственные мысли и чувства молчат. Полностью отдаешься чистому восприятию, и в этом свободном пространстве, в этой, можно сказать, самоотреченности действует нечто другое. Чем дольше работаешь, тем яснее всякая черта лица и все лицо в целом являют тебе закономерности этой индивидуальности, становятся «явлением» истины — красотой. Начинает действовать «объективная любовь» к этому человеку, не имеющая в себе ничего личного, — утверждение его существа в становлении. Есть ли это «ангел» во мне, который таким видит другого, или это «ангел» другого, который хочет таким открыться, — не знаю. Но я слишком часто это переживаю, чтобы усомниться в реальности этой тайны.

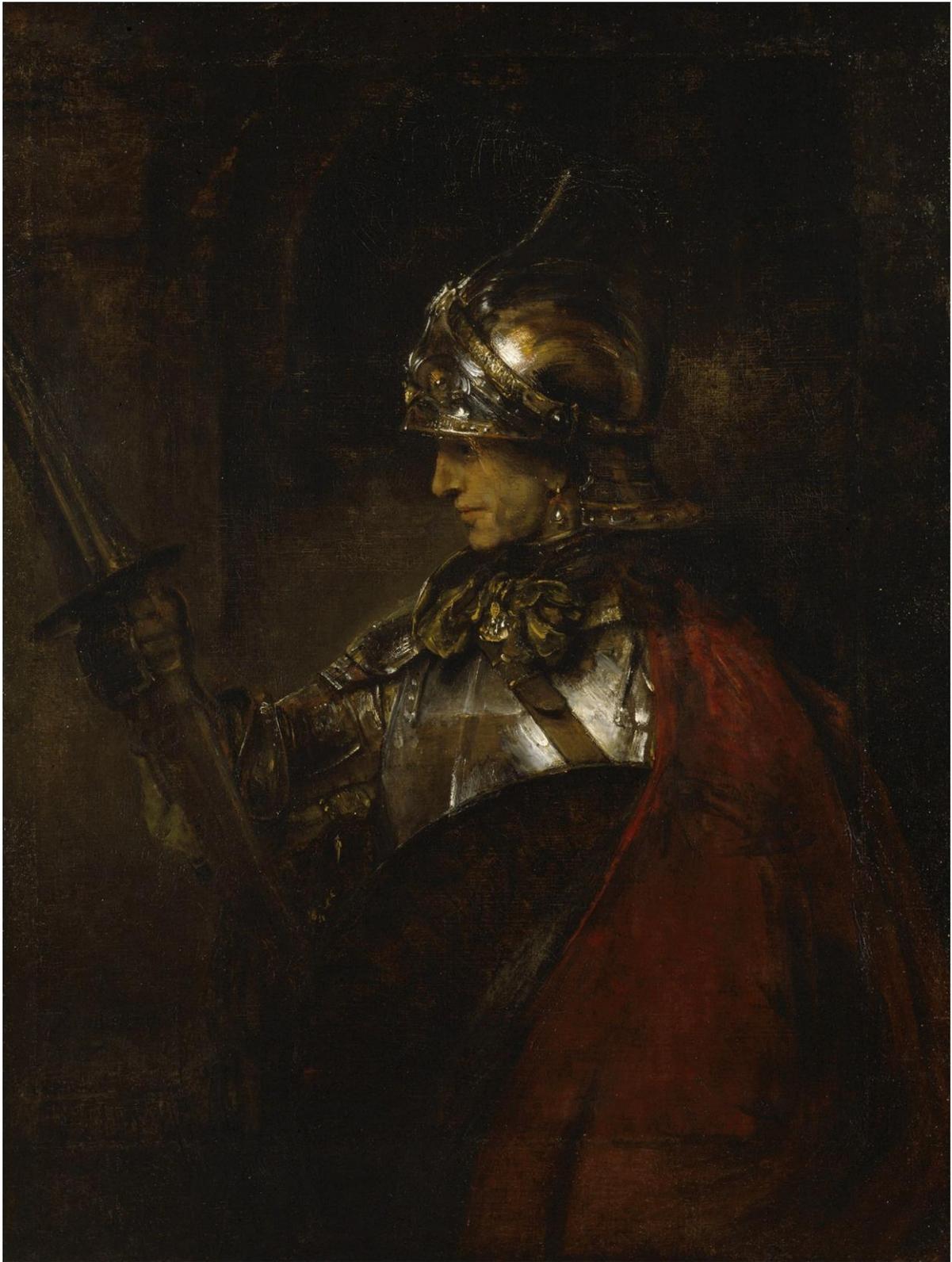
Маргарита Сабашникова-Волошина

В начале нашего знакомства я встречала его в некоторых литературных кругах. Он всегда резко отличался от окружающих его людей. Он казался принцем духа среди неотесанных бревен, и хотя он часто бывал окружен очень замечательными людьми, он отличался от других, как хорошо закаленная сталь от необработанного металла... Ни один из портретов Штейнера не походил так на него — в те дни, когда на его лице еще не было глубоких морщин, рожденных заботами, горем, непрерывной умственной работой и бессонными ночами, — как картина Рембрандта «Ein Krieger in Rüstung». В этой позе он мог сидеть, задумавшись, вернувшись со своих лекций или отложив перо, которым он только что исписывал страницы почерком, который я любила называть «звездным» (stellaire).

Мария Штайнер

Für Marie Steiner

Sterne sprachen einst zu Menschen,
Ihr Verstümmeln ist Wellenfischfal;
Des Verstümmelns Wahrnehmung
Kann Leid sein des Erdensmenschen;
In der stümmen Stille aber reißt
Was Menschen sprechen zu Sternen;
Ihres Sprechens Wahrnehmung
Kann Kraft werden des Geistesmenschen.
25. Dez. 1922. Rudolf Steiner.

Солнце дает
Растениям — свет,
Ведь Солнце
Растения — любит.
Так — свет души
Человек человекам
Дает, ибо любит их...

R.S., GA 40

Однажды мы что-то обсуждали между собой, когда поэт Петер Хилл, абсолютный бедняк, подсел к нашему столику и заказал кофе. Мы все знали, что у него не было ни копейки, и спрашивали себя, как он выпутается из положения. Уходя, он, однако, подозвал кельнера. Кельнер подошел и сказал: «Все уплачено». Пораженный Петер Хилл воскликнул: «Тут, верно, ангелы летают. Кто из вас это сделал?» Это был не я, а Штайнер заявил, что он был уже доволен и тем, что смог заплатить за свой кофе. Так как больше никого уже не было, Петер Хилл ушел, качая головой.

На заре мы со Штайнером отправились домой, и он сказал мне с покорным видом: «Я должен идти пешком, у меня нечем заплатить за трамвай». Со своей стороны я ничем не мог ему помочь и предложил проводить его. Он жил за Берлином. Мы шли и вели интересный разговор, и он заметил: «Вот видите, Саксерль, как хорошо, что я сыграл роль ангела. Если бы не это, мы не имели бы такой прекрасной прогулки на заре».

Вольдемар Сакс

О проявлениях сердечности можно было бы написать томы. Велика была «мудрость», поставленная между любовью и долгом, но сила любви превышала порою и мудрость: количество приемов ширилось; час, способный вместить шесть свиданий от готовности выслушать — вмещал двенадцать свиданий; придешь по специальной записи: хвост ожидающих; выходишь: и — тот же хвост; автомобиль ждет; упакованы вещи, а доктор сидит и выслушивает; и — как выслушивает.

В такой обстановке протекало мое последнее свидание с ним; до меня — *хвост*; и после — *хвост*; автомобиль уже был подан (доктор из Штутгарта уезжал в Дорнах); когда он вышел ко мне и ввел меня в комнату, мы уселись за столиком; на нем — лица не было; трудно выслушать толпу сменяющихся людей, пришедших каждый со своим главным; его ответы звучали конкретно, попадая в *цель*, но развертывались лишь в годах; все то мелькнуло в последнем свидании; он, повернув ко мне переутомленный лик с добрым орлиным носом, покосился с непередаваемою улыбкою: «Времени-то мало: постарайтесь сказать кратко все, что у вас на сердце». Двадцатиминутная беседа живет, как многочасовая — не оттого, что я сумел сказать *все*, а оттого, что он мимо слов ответил на *все*...

<...>

Однажды я показал доктору схему, изображавшую двух *престолов*; мое неумение нарисовать просто человеческое лицо выявилось в том, что вместо *престолов* в поле зрения доктора появились две здоровенные рожи с лепешистыми щеками, старательно раскрашенными; лицо доктора вспыхнуло молниями смеха, но он их подавил, сказав лишь: «Ого!» И перешел к обсуждению уже не «Рожи», а сути схемы; но в лице его долго еще бегали искорки смеха потом: он был смешливый.

Проявление искорок этой смешливости на фоне строгой до огромности скорби, с которой он ходил, неудержимость этих искорок, производили особенно острое, странное впечатление, белая искорка на черном фоне — ослепительнее, чем на фоне цветном. В искорках веселости выглублялась за ними стоящая молчаливая и будящая совесть глубина строгости.

<...>

Доктор был таким *весельчаком*; он умел, где нужно, перед учениками ходить с духовной наукой, как с «*веселой наукой*»; он весь в эти минуты делался легконогим; и — кстати сказать; походка его была легкая, как ветер; издали глядя, как он поднимался утрами на дорнахский холм, можно было бы подумать: вот взбегает вверх легкий юноша; странно, что этот юноша — в сюртуке, развевающимся по ветру; тогда лишь соображалось, что это — доктор; с легкостью порою взлетал он на холм; и начинал носиться по холму от одного рабочего барака к другому; легко взлетал по лесам, быстро оказываясь под куполом, где, подчас он вскарабкивался на ящики, чтобы очутиться рядом с работающим и наглядно ему объяснить свою мысль о форме; когда он шел с М.Я., то он — медленно — *плыл* с нею под руку; когда, бывало, один возвращался, то — быстрыми, легкими шажками слетал, вернее, сносился с холма, перегоняя медленно идущих рабочих, стремительно сворачивал на углу; и с развевающимися фалдами сюртука влетал в палисадник виллы «Ханзи»; эта картина — сколько раз мною видана: ведь наш домик был против домика доктора.

<...>

И — между прочим: было в нем что-то явно венгерское: жгучее, огненное; ведь он был, что называется, — жгучий брюнет; он казался для своего возраста иным *подглядывателям* — неприлично черным; ни одного седого волосика. И они подшептывали: «Красится». Только в 23-ем году, при последнем моем с ним свидании, я подглядел непроизвольно: жгучая чернь его волос слегка испестрилась: седыми волосиками; — «Бедный, — и тут тебе не давали покою: как смеешь ты не сесть». Вид этих «седых волосиков» переполнил мое сердце приливом неожиданного волнения: бурной любовью, радостью, что я *видел* такого человека — бурной благодарностью; в душе прошлось: «Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо тебе: за все-все-все-все! И — главное за то, что ты — такой».

Наступило прощанье; и я — мне нисколько не стыдно в этом признаться: я поцеловал ему руку. Ведь этот неудержимый жест, непроизвольный, есть выражение сыновней любви.

Он это понял: не удивился: ведь он же, прощаясь со мной, в 16-м году, так же непроизвольно: обнял, поцеловал, перекрестил, и это — жест отчей любви.

Андрей Белый

Его советы отличались особой осторожностью и добросовестностью. В эти моменты он бывал максимально сосредоточенным и бдительным. Я часто видел его таким. Добросовестность его не имела себе равных. Все, что он предлагал, было глубоко продумано. Каждое слово, каждая интонация взвешивались с учетом тончайших духовных состояний собеседника. И выражалась эта осторожность в непосредственной человечности и доброте.

Вы можете проникнуться доверием к врачу, видя его у постели больного. И точно так же люди проникались глубоким доверием к Рудольфу Штайнеру, наблюдая, как он рекомендует свои упражнения (я наблюдал за этим как нельзя более пристально).

Я беседовал с сотней людей, побывавших на приеме у Штайнера. Снова и снова приходится удивляться, сколько человеческих жизней прошло через его душу, какое участие проявлял он к ним, как уверенно и проницательно руководил ими.

Иногда меня просто изумляли рассказы людей о том, что именно посоветовал им Рудольф Штайнер, как молниеносно озарял его совет самую суть человека. Никто и никогда, даже в самой доверительной беседе, не говорил о каком-либо вреде, причиненном советами Штайнера. Все, кто последовал его советам, отзывались о нем с чувством величайшей благодарности. Они получили важнейший жизненный стимул, надежные указания пути вверх, самые глубокие душевные радости, озаряющие опыты постижения духа.

Фридрих Риттельмайер

...однажды заметив, что инженер чем-то расстроен, Штейнер спросил его о причинах горя. Оказалось, что глазной врач обнаружил у него в одном глазу катаракту, грозящую захватить и другой глаз. На вопрос, была ли у него тяжелая юность, инженер ответил утвердительно. «Эта болезнь — ее следствие, — сказал Рудольф Штейнер, — но мы попробуем остановить процесс. На другой глаз он ни в коем случае не перейдет». Он посоветовал ему пить настойку из трав в виде чая через определенные промежутки времени и вместе с тем дал ему медитацию. В дальнейшем инженер никогда не жаловался на болезнь глаз. Насколько я знаю, зрение у него сохранилось до глубокой старости.

Маргарита Сабашникова-Волошина

...я попросил врача, сотрудничавшего со Штайнером в течение двенадцати лет, сказать мне совершенно откровенно, как часто Штайнер ошибался. Врач задумался и ответил: «Не припомню ни одного случая».

Фридрих Риттельмайер

Связь Рудольфа Штайнера с землей, с сельскохозяйственным трудом уходила своими истоками в детство, когда ему приходилось постоянно помогать родителям в работе на небольшом садовом участке. Характерен в этом отношении его ответ некоему восторженному слушателю, который после одной из лекций подошел к нему со словами: «Своими потрясающими откровениями вы, конечно же, обязаны основательному изучению философии!» — «Я думаю, — возразил Штайнер, — скорее тому, что в детстве привык сам чистить свои башмаки».

Йоханнес Хемлебен

...рассказывают, как на одной железнодорожной, узловой станции произошла путаница с принятием поездов; выскочил испуганный начальник станции, не понимая, что следует предпринять, чтобы избежать неминуемой железнодорожной катастрофы; вдруг около него вырастает фигура бритого господина, вмешиваясь в инцидент; не проходит и минуты, как фигурка уверенно распутывает создавшуюся ситуацию; еще минута: и начальник станции, выведенный фигуркою из тупика, отдает быстрые приказания: уже поднимаются сигналы к стрелочникам; передвигаются стрелки; и наконец, без катастрофы пронесется мимо станции поезд. Фигурка, предотвратившая катастрофу, — Штейнер.

Андрей Белый

«Доктор» бывал повсюду, находил решения для всего, давал указания художникам, устанавливавшим в большом городском зернохранилище свои километры холстов и свои щетки и кисти. Музыканты получали от него мотивы для оркестровки. В мастерских, где писали, лепили, шили, вышивали, столярничали, репетировали, он брал в руки карандаш, кисть, молоток, поправлял драпировку костюма, интонацию реплики. Все напряженно старались понять его намерения, так как каждое из них, успешно реализованное, поражало своей жизненностью и подлинностью. Он давал каждому войти в дух его роли, сыграв ее раз перед ним с таким реализмом, который раз и навсегда определял ее основное зерно. Еще сегодня большинство жестов, и даже интонаций, которые кажутся личной особенностью актера, идут от этого творчества Рудольфа Штайнера на сцене в Мюнхене, переданного с силой, до сих пор еще не иссякшей.

В те минуты, когда он так играл для исполнителя какую-либо деталь его роли, чувствовалось «веяние духа». В персонаж воплощалась духовная реальность, и потому

присутствовавших так потрясало это творчество. Этот жест, эта интонация были *истинны*, другими они быть не могли.

Симона Риуз-Короз

Надо было слышать живую речь Рудольфа Штайнера, чтобы понять его глубокую внутреннюю связь с языком. Естественное звучание его мягкого голоса было приятно окрашено венским диалектом, а широкий интонационный диапазон позволял во время репетиций... озвучивать роли всех персонажей.

Йоханнес Хемлебен

Для художников-профессионалов, предложивших свою помощь, трудность заключалась в том, чтобы преодолеть условные привычки. Наброски, эскизы Доктора ставили их перед лицом подлинного, но во время исполнения все загружалось банальной красотой, и произведение теряло удивительный оттенок зримой истины. Художники понимали это сами. Они охотно смывали свои создания и протягивали ему кисть. Таким образом, он был вынужден, от темы к теме, переделать всю живопись малого купола. Но он вкладывал в это столько деликатности, смешанной с тонким юмором, такое уважение к произведениям других, что никто не чувствовал себя умаленным, наоборот, были счастливы учиться у такого мастера.

Симона Риуз-Короз

...когда мы сами с инструментами стояли за работой, нас поразила выдержка доктора Штейнера. Мы были вынуждены каждые полчаса делать паузы, пальцы у нас были изранены, все шло так, как будто в дерево вгрызалась мышь. Но он стоял на своем ящике часами, спокойно и ритмично ударяя по стамеске, лишь время от времени бросая быстрые взгляды на небольшую гипсовую модель. Целиком уйдя в работу, он словно вел диалог с деревом или вслушивался в происходящее, — и форма все сильнее выступала из древесной массы, как бы освобождаясь от оболочки.

Ася Тургенева

На лекциях в Париже в 1906 году он говорит о кометах, он описывает их состав и утверждает, что они содержат в своей атмосфере газообразные соединения класса цианидов. Спектральный анализ установил только в 1910 году, что спектр комет совпадает со спектром синильной кислоты.

Механическая теория кровообращения, по которой сердце, действуя, как насос, толкает кровь, была энергично оспариваема Рудольфом Штайнером. Это не сердце, — говорил он, — приводит кровь в движение, это динамизм крови приводит в движение сердце. С тех пор эти представления были радикально пересмотрены и подтверждают сегодня слова Рудольфа Штайнера. Он восставал против абстрактной теории деления нервов на двигательные и чувствительные, от которой отказалась современная физиология.

Симона Риуз-Короз

...он мог, беря в руки камни, металлы, или ступая по почве, указывать их особенности; целое ювелирное искусство оправления драгоценных камней в родственные им металлы родилось впервые из этих указаний.

Он воспринимал геологическую природу земель и одарил сельское хозяйство драгоценными открытиями о воздействии известняка, кремнезема и других веществ, составляющих почву. Более пятидесяти лет уже с успехом применяются его данные о сродстве каждой почвы с растениями, которые произрастают на ней, и о сродстве растений между собой и т. д. Он мог указать, как, считаясь с действием почв, растений и времени года, увеличить способность брожения, которая активизирует жизнь чернозема. Целый метод возрождения почв возник отсюда. Он сумел воспринять и отметить в свою эпоху жизнь тел, которые тогда считались неодушевленными. Он смог утверждать: земля внутри Космоса — организм, который живет и дышит, и находил средства доказать это.

Эта способность чувствовать излучение вещества сказалась особенно ярко при указании лекарств, соответствующих больным органам. Он умел проследить жизнь человеческого организма до чрезвычайной степени сложности, еще не подозреваемой официальной медициной. В случае болезни он узнавал зарождение, природу изменения, открывал связь органа с минеральным, растительным или даже с животным веществом, воздействие которого восстановило бы равновесие функций пораженного органа. Это вещество он умел доводить при помощи тонких манипуляций до максимальной степени эффективности. Забрасываемый вопросами, тысячами частных случаев, он давал огромное количество сведений, самых драгоценных, самых редких, о лечении болезней веществами, которые соответствуют им в природе. Клиники и лаборатории вдохновляются сегодня этими данными, но материал так обширен, что его не исчерпали еще и по сей день. О некоторых растениях, телах, случаях вам говорят: «Да, об этом существуют указания Доктора, но мы еще не умеем ими пользоваться».

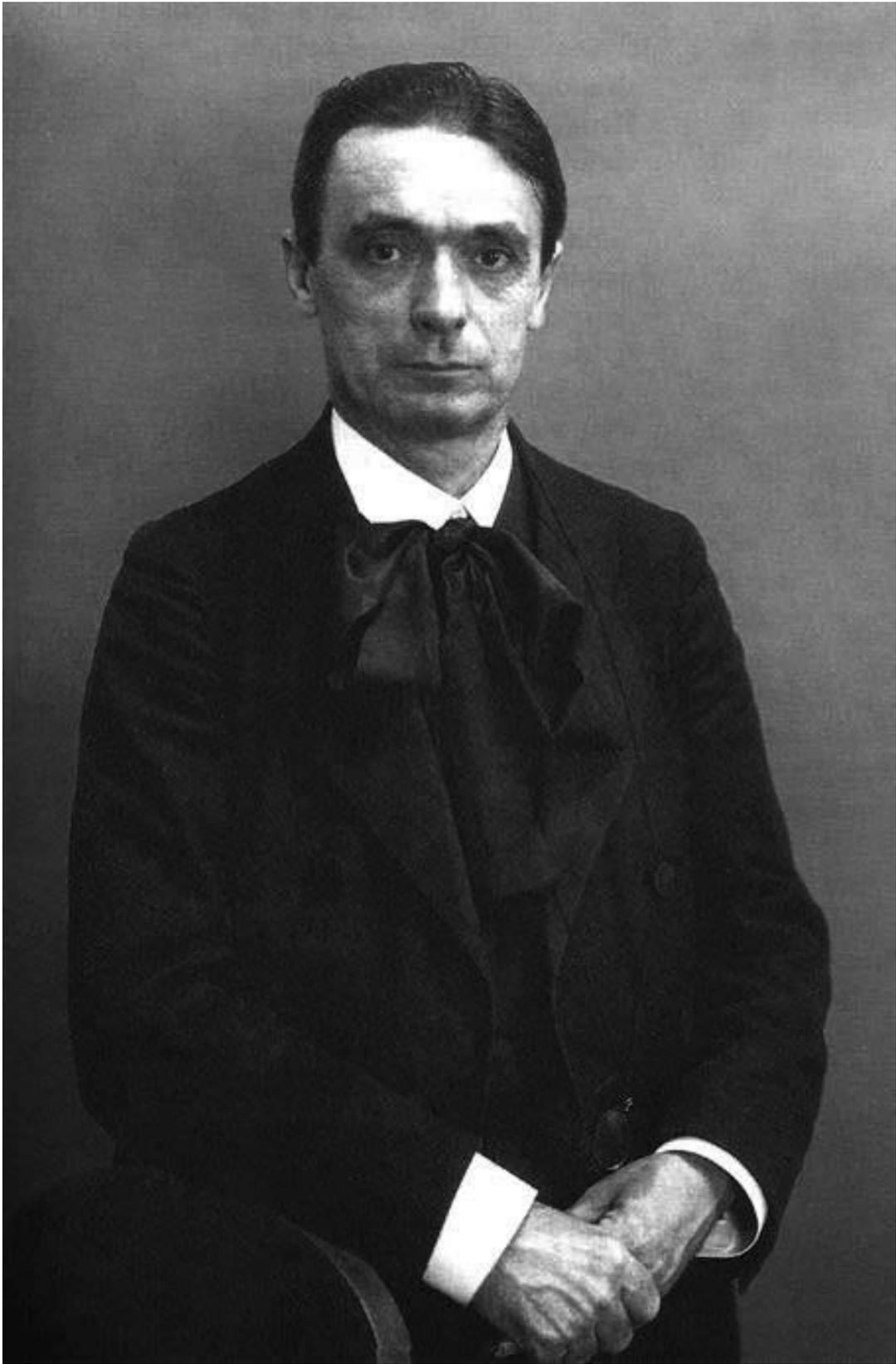
Симона Риуз-Короз

Достаточно сказать: чем больше вы узнавали Рудольфа Штайнера, тем с большим доверием относились к его делу.

<...>

Меня всегда поражало, сколько тайн он носил в себе и сколько их он унес в могилу. Ни один человек не знал этого. Не только потому, что никто и никогда не сумел выманить хотя бы намек на хранимые в его сознании секреты. Ведь мог же он проговориться случайно? Но он ни разу не проговорился. Он говорил лишь то, что могло помочь, и избегал того, что могло навредить, даже в будущем. Его большие темные глаза становились еще более внимательными, строгими, бдительными. Он взвешивал каждое слово с таким сознанием ответственности, больше и чище которого нельзя вообразить. Казалось, он незаметно вступал в некий храм, где за ним наблюдают глаза высших сил. На это действие хотелось созвать все человечество, всех восприимчивых людей, чтобы они хотя бы увидели, что это такое.

Фридрих Риттельмайер

1915

Духовная наука — это именно то, что жизненно необходимо стремиться распространять сегодня из сострадания, из внутреннего сочувствия к человеку.

R.S., GA 178

Под Антропософией я понимаю научное исследование духовного мира, которое прозревает односторонность как просто природопознания, так и обыкновенной мистики и которое, прежде чем пытаться проникнуть в сверхчувственный мир, сначала развивает в познающей душе бездеятельные в обычном сознании и обычной науке силы; они-то и делают возможным такое проникновение.

R.S., GA 35

Это зло, когда естественнонаучно мыслящий человек ворчит на мистика; ибо все, что он тогда говорит, — вздор. Но глупым вздором также является, как правило, и то, когда не знакомый с естествознанием мистик ворчит на него.

R.S., GA 184, лекция №5

Научная эпоха, начинающаяся с середины XIX века, видит, как мыслительная деятельность человека опускается во все более низкие области природы, и даже проникает в подприроду (электричество, магнетизм, радиоактивность). Мир техники (машины и промышленность) сам порождает подприроду.

В противовес человек должен найти своими собственными силами знание Духа, которое поднимет его столь же высоко в сверхчувственное, сколь низко он опускается технической деятельностью ниже уровня естественного. Этим он создает в себе самом силу не потонуть.

R.S., 1925 г.

...так обстоит дело с упражнениями в логике для желающего проходить высшее развитие. Он должен потратить некоторое время на выработку привычки к логическому мышлению, но затем он должен от него отказаться, быть в состоянии перейти к мышлению сердцем. <...>

Человек становится другим человеком, если вначале на физическом плане занимается мышлением как школой, как упражнением. Он занимается этим мышлением не ради того, чтобы постигать высшие миры, но чтобы из себя самого сделать другого человека. И в логическом мышлении переживают, прежде всего, определённый род совести. Существует род логической совести, и если человек её выработал у себя, тогда он вообще в своей душе получает чувство ответственности по отношению к истине и неистине. <...>

Однако это может и должно у него иметь место лишь как следствие логического самообучения, при котором вырабатывается привычка к совестливости в отношении узнавания истины — в том числе в высших мирах.

R.S., GA 119

...составители Oxford Dictionary обратились к Рудольфу Штайнеру с просьбой дать для этого справочника определение, что такое Антропософия. Рудольф Штайнер написал по-английски: «Anthroposophy is a knowledge produced by the Higher Self in man» (Антропософия есть познание, рождаемое в человеке его высшим Я). Это объяснение, в сущности, предназначено для широкой публики, для людей, которые пожелали бы ориентироваться по справочнику. Уже из этого определения следует, что Антропософия не есть догма и не наука

в обычном смысле, но такая наука, для создания которой должны быть использованы познавательные силы, глубже заложенные в человеке.

Совсем другой ответ дал Рудольф Штайнер в другом случае, когда этот ответ предназначался для людей, хотевших ближе подойти к Антропософии, иными словами — для учеников Антропософии. Вот этот ответ: «Антропософия есть путь познания, стремящийся привести духовное в человеке к духовному во вселенной».

Карл Унгер, 1929

<...> Я уже говорил вам: сегодня человек хочет все превратить в кинофильм, он хочет сделать из всего кинофильм, чтобы все поступало к нему внешним образом.

Если человек хочет правильным образом духовно продвигаться вперед, ему надо обратить внимание на то, что все, принятое им от мира, он должен переработать. Вот почему к духовности будут приходить по большей части те, кто в будущем по возможности откажется все превращать в кинофильм, но захочет интенсивно со-мыслить, думать совместно с тем, что будет им говорить мир. Вы видите, что я никогда не показывал вам фильмов. Конечно, время для этого еще не пришло, но даже если оно бы и пришло, я бы не пытался продемонстрировать вам эти вещи с помощью фильма. Нет, я делаю для вас рисунки, которые возникают по ходу изложения, где бы вы могли видеть, что я хочу выразить каждым штрихом, где бы вы могли со-мыслить происходящее, мыслить совместно с ним. Это то, что сегодня следовало бы вводить на уроках для детей; как можно меньше готовых рисунков, как можно больше того, что возникает в данное мгновение, когда ребенок видит каждый возникающий штрих. Благодаря этому ребенок принимает внутреннее участие в работе, благодаря этому люди будут побуждаться к внутренней активности, которая ведет к тому, чтобы они больше вживались в духовное и лучше понимали это духовное. Также нельзя предлагать детям совершенно законченные теории, так как тогда теории приобретут характер догматов; их исходный материал надо предоставлять для самостоятельной деятельности. Благодаря этому даже все тело ребенка станет раскованнее, свободнее.

R.S., GA 350

Человек до 28 лет не может сам себя отгадать: он должен быть отгадан старшими людьми.

R.S., Д. 23

В том, как ребёнок выступает в своей первой организации, явлен ещё несовершенный образ духовной индивидуальности. Она заложена в нём. Её можно оставить без внимания, но можно и расколдовать её, постепенно извлекая её из плоти, из хода жизни, извлекая её из судьбы. Но в этом состоит задача человека, и в будущем задачей человека всё больше и больше будет становиться: не дать духу впасть в упадок. Мы не можем убить дух, но мы можем позволить ему опуститься, впасть в упадок, если принуждаем его идти по другому пути, нежели тот, которым он идёт в том случае, если мы освобождаем его.

R.S., GA 182, лекция №3

...если бы, по крайней мере, можно было избавиться от прохождения через современную школу; то вы увидели бы воплощенными в современных людей посвященных прежних времен.

R.S., GA 235, лекция №13

Умные люди современности говорят: «Мы не хотим больше врать нашим детям насчет того, что их принес аист. Им следует все объяснить». — Но это объяснение как раз и было бы ложью. Наши потомки вновь узнают, что детская душа действительно как птицеподобное духовное образование спускается вниз из высших миров... и нет для этого лучшей имажинации, чем история с аистом.

R.S., GA 130, лекция №15

Покажите ребенку гусеницу, потом как она окутывается куколкой, как затем из куколки появляется бабочка — это прекраснейший пример для показа, как возникает из матери ребенок.

R.S., GA 96, лекция №4

Мы ослабляем волю человека, когда заставляем его изучать и делать нечто, несоизмерное его способностям.

R.S., GA 130, лекция №8

Представьте себе детей, которые в течение всего года по случаю самых разных празднеств получают подарки, завалены подарками. Они тогда получают больше, чем способны разрушить. Этот поток незаслуженных подарков надламывает определенные силы стремления, которые рождают здоровое самочувствие. До времени это может дремать в человеке... а однажды выступит в форме боязни пространства.

R.S., GA 57

Тридцать первая неделя (3–9 ноября)

Свет из глубин духовных
Сияет Солнцем восходящим:
Он станет мощной волей к жизни,
Он пережжет все помраченья,
Высвобождая силы,
Что в творческую мощь души томленья
В деяньях претворить позволят.

Тридцать вторая неделя (10–16 ноября)

Так силы множатся мои,
Себя готова миру в дар;
Так существо мое окрепнет
К прозрачности алмазной
В живом судьбы плетенье.

31. E. Einunddreissigste Woche (3. Nov. – 9. Nov.)
Das Licht aus Geistesiefen
Nah außen krabbt es sonnenhaft
Es wird zur Lebenswillenskraft
Und leuchtet in der Sinne Dämmerkeit
Um Kräfte zu entbinden
Die ~~Wahrheits~~^{Schaffensmächte} aus ~~Wahrheit~~^{Sieles} trieben
Im Menschenwerke reifen lassen.

32. F. Zweiunddreissigste Woche (10. Nov. – 16. Nov.)
Ich fühle fröhlich meine Kraft
Sich stärkend mit der Welt verleißen
Mein Eigenwesen fühle ich Kraft und
Zur Klarheit sich zu wenden
Im Lebens Schicksalsweben.

1908

*Шнеберг (Schneeberg) — самый высокий горный массив Нижней Австрии (2076 м).
В ясные дни вершину Шнеберга можно увидеть из Вены (65 км по прямой).*

Верхушка хребта горного массива Вексель (Wechsel, 1743 м)

Отца назначили начальником маленькой южной станции Потшах в Нижней Австрии, недалеко от штирийской границы. Здесь я жил с двух- до восьмилетнего возраста. Детство мое протекало в чудесной местности. Вокруг возвышались горы, связывающие Нижнюю Австрию со Штирией: Шнееберг, Вексель, Раксальп, Земмеринг. Обнаженная скалистая вершина Шнееберга первая озарялась лучами солнца, которые достигали затем и маленькой станции, принося с собой в эти прекрасные летние дни первый утренний привет. Серый хребет Векселя составлял со всем этим окружением навевающий серьезное настроение контраст. Местность кругом была покрыта зеленью, которая нежно ласкала взор и еще более оттеняла эти горы. Вдали — исполненные величия горные вершины, а в непосредственной близости — все очарование природы.

И все же интересы маленькой станции сосредоточивались на железной дороге. Поезда в то время курсировали в этой местности с большими промежутками, но когда поезд прибывал на станцию, здесь собирались обитатели села, жаждавшие хоть какого-нибудь разнообразия в жизни, протекавшей у них буднично и монотонно. Здесь можно было встретить школьного учителя, священника, счетовода из имения, часто — бургомистра сельской общины.

Думаю, что детство, проведенное в таком окружении, имело для моей жизни важное значение. Ибо мои интересы в значительной степени оказались связанными с механической стороной бытия. И я знаю, как они все время пытались приглушить в детской душе идущее от сердца влечение к чарующей и величественной природе, в даях которой все снова и снова исчезали подчиненные механизму поезда.

R.S., GA 28 «Мой жизненный путь»

Железнодорожная станция в Потшахе (Pottschach)

Ну, что ж...
Жил-был на свете мальчик,
И был единственным он сыном лесника.
В уединении он рос.
Почти что никого он, кроме
Родителей, не видел.
Сложенья хилого он был,
Имел прозрачное лицо,
В глазах же он своих таил
Чудес духовных откровенья.
И хоть немногих он знал
В лесном своем уединеньи,
Все ж не нуждался он в друзьях.

Когда в горах высоких
Пылало солнце золотое,
Его задумчивое око
В себя вбирало злато Божества;
И становилось сердце
Подобно утренним лучам.
Когда ж сквозь сумрак тучи
Луч утренний не проникал,
И горы мрачные окутывала скорбь,
Взор мальчика тогда тускнел,
И тихо он грустил.
Так отдавался он душой
Духовным силам своего мирка,
С которыми не менее был связан,
Чем с членами своими.
Деревья, травы и цветы
Он также чувствовал друзьями.
Духовные созданья говорили
В их пестиках и чашах,
И понимал он этот шепот.
И чудеса миров незримых
Пред мальчиком вскрывались,
Когда общался он душой
С тем, что безжизненным
Казалось большинству.
Родители не раз по вечерам
Его искали понапрасну.
Поблизости тогда он пребывал,
Где из скалы струился горный ключ,
Дробясь тысячекратно,
Швырял об скалы капли водяные.
Когда серебристый лик луны
В волшебных бликов красочной игре
В потоке отражался водяном,
Просиживал у родника
На скалах он часами.
И образы существ духовных
Он ясновидчески переживал

В бурлящих водах
и в мерцаньи бликов лунных.
Слагались эти образы в трех жен.
И с ним беседовали жены
О том, к чему душою он стремился.
Когда однажды летней ночью он
Опять у родника того сидел,
Одна из жен, собравши мириад пылинок
Из водяных стоцветных капель,
Второй жене вручила их.
И вот, серебряную чашу
Из пыли водяной создав,
Та третьей отдала ее.
И, влив в нее серебристый свет луны,
Вручила третья чашу
Ему. Все это видел он
Очами духа своего.
В ближайшую же ночь
Во сне ему приснилось,
Что он драконом грозным
Волшебной чаши был лишен.
Трехкратно лишь впоследствии ребенок
То чудо ключевое видел.
С тех пор же он не видел жен,
Хотя подолгу их он ждал
У родника в мерцании луны.

И триста шестьдесят уж трижды
Прошло недель. Давно ребенок
Мужчиной стал. И на чужбину
Из хижины лесной родителей своих
В далекий город перебрался.
И вечером однажды,
Измученный работой,
Задумался он над своею жизнью.
И вдруг почувствовал внезапно,
Что к роднику перенесен.
И водяных тех жен он пред собой увидел.
И их на этот раз услышал.

Одна жена сказала:

«О, помни обо мне всегда,
Когда ты одиноким будешь.
Я увлекаю взор души
В эфира даль и в звездные просторы.
Кто чувствует меня,
Тому надежд напиток подношу
В своей волшебной чаше».

Вторая изрекла:

«Не забывай меня в мгновенья,
Грозящие твоей отваге.
Порывы сердца направляю
Я в высь духовную и в глубь души.
Кто силы ищет у меня,
Тому кую броню житейской веры
Я молотом чудесным».

И так заговорила третья:

«Ко мне ты возноси духовный
Свой взор, загадки разрешая.
Мысленя нити я сплетаю
В житейских лабиринтах
и в душевных недрах.

Того, кто доверяет мне,
Того любви лучами озаряет
Чудесное мое веретено».

В ближайшую же ночь
Вдруг сон ему приснился:
Все крался по кругам ужасный
К нему дракон, но до него
Дракон не мог добраться.
То защищали от дракона
Его те существа, которые за ним
От родника на скалах
Перебрались на дальнюю чужбину.

*Легенда из драмы-мистерии
«Испытание души»
R.S., GA 14*

Деревья в солнечном воздухе, рисунок Рудольфа Штайнера

Деревья в шторме, рисунок Рудольфа Штайнера

В жизни есть много такого, что трудно переносить. Но для того, в ком живет глубокое сознание человеческой способности сверхчувственного познания, наиболее труднопереносимо слышать о сверхчувственном познании в абстрактных и теоретических выражениях. Это вызывает боль... подобную физической боли, если палец сунуть в огонь³.

R.S., GA 231, лекция №5

Тот, кто говорит о холоде мира идей, может быть, умеет мыслить идеи, но не умеет их чувствовать. Когда становишься соучастником настоящей жизни идей, чувствуешь в себе действие сущности мира с таким теплом, которое нельзя сравнить ни с чем.

R.S., GA 6, «Мировоззрение Гете», 1897

Всякое действительное познание рождается из печали, из боли, из страдания. Истинного, глубокого познания не рождается из удовольствия.

R.S., GA 226, лекция №5

Доказательство духовного состоит в переживании; не в понимании.

R.S., GA 185, лекция №3

Божественное может быть познано в своём величии и могуществе лишь тогда, когда его не высылают из чувственного мира, но признают за ним силу действовать в этом чувственном и проникать в него своим творческим воздействием.

Ссылать божественное в высоты абстракции, в недостижимые заоблачные выси — это значит обесценивать его...

R.S., из архивных записей

Вся свободная религиозность, что в будущем разовьется в среде человечества, будет покоиться на том, что в каждом человеке, в непосредственной жизненной практике, а не в теории, будет виден образ божий. Тогда не сможет существовать никакое религиозное принуждение, оно станет невозможным, ибо тогда каждая встреча человека с человеком станет религиозным действием, таинством, и ни у кого не будет нужды в особой церкви, во внешнем устройстве на физическом плане, чтобы придерживаться религиозной жизни. Церковь может, если она правильно себя понимает, иметь намерение сделать себя ненужной на физическом плане, и всю жизнь сделать выражением сверхчувственного.

R.S., GA 182, лекция №6

---

³ Эдит Мэрион к Рудольфу Штайнеру, 1923: «Пришло Ваше письмо из Хариджа. Мне было тем более неприятно узнать об опоздании Вашего поезда, что я как раз почему-то волновалась, как бы с Вами чего не приключилось, — так и виделось, что Вы палец обожжёте или ещё какая-нибудь напасть. С Вами и вправду всё в порядке? Пожалуйста, ответьте. <...> Пожалуйста, напишите, что у Вас всё хорошо, и — правду!» — *прим. сост.*

Посудите сами, ведь человечество состоит из групп людей, и если вы сложите все группы вместе, то получите все человечество. <...> ...каждый, кто выступает от лица какой-то односторонней структуры, может рассчитывать на определенное сочувствие и любовь. Но если человек выступает от лица истины, то поначалу он имеет против себя все человечество. Истина должна, даже если к ней не проявляют никакого интереса, завоевать себе место. Вот почему в действительности ничто так сильно не ненавидят, как Истину, неприкрашенную Истину.

R.S., GA 254, лекция №5

1910

Быть вялым, ленивым означает не любить творческий принцип, Отца. Быть эгоистичным — значит не любить жизнь, Сына. Не любить истину — значит не любить принцип Святого Духа.

R.S., GA 266

В прошлом всегда осознавалось, что целение и познание суть одно и то же; во всяком случае они — вещи одного порядка. Во времена, когда познание и религия были единством, познание воспринималось никак иначе, как указание человеку по поводу того, как ему обрести исцеление.

R.S., GA 343

Чем в большей мере человек в состоянии отказаться от себя и искать понимания общемирового, всеобщечеловеческого, тем больше находит он в познании целительное средство.

R.S., GA 174, лекция №19

Человек сегодня должен изучать естествознание. Почему? — Когда он смотрит в микроскоп, то он знает, что такое не дух. Когда он через телескоп смотрит в мировые дали, то открывает то, что не есть дух. Когда он другим образом экспериментирует в физико-химической лаборатории, то ему открывается, что такое не дух. В чистом облике открывается ему все, что является не духом.

R.S., GA 223, лекция №5

Сегодня человек стоит в начале нового пути, где он понимание человека должен расширить до понимания мира.

R.S., GA 186, лекция №11

Почему люди говорят о различных мнениях? — Потому, что между истиной и тем, что человек принимает в свое внутреннее, вклинивается эмоция, эгоистический предрассудок и искажает суть дела. Люди поистине различаются эмоциями, а не понятиями, идеями.

R.S., GA 188, лекция №12

Взгляните на [наше] научное направление... Оно должно было бы найти точки соприкосновения с самыми последними данными официальной науки. Я дал указания, взяв за исходную точку именно тот рубеж, где остановилась современная физика; этим внешняя наука не отрицалась, а, наоборот, утверждалась.

R.S., лекция для рабочих 06.02.1923, Штутгарт

Когда мы изучаем очень трудную книгу, то дело заключается менее в понимании ее содержания, а более в том, чтобы войти в ходы мыслей автора и научиться со-мыслить с ним. Поэтому ни одну книгу нельзя считать слишком трудной; говорят о трудности, имея в виду просто привычку мыслить удобно. Лучшими книгами как раз являются те, которые приходится все снова и снова брать в руки, которые нельзя понять сразу, которые нужно

изучать предложение за предложением. При изучении не особенно важно заниматься «что», но — «как». Через большие истины, такие, как, например, планетные законы, мы создаем себе большие мыслительные ходы, а это-то и существенно.

R.S., GA 95, лекция №14

Истинное познание — это исследование природы на предмет пути к духу, а исследование духа — это есть открытие глаз на тайны природы.

R.S., GA 36

Естествознание на почве природы может праздновать какие угодно грандиозные триумфы — ...человеческое существо оно разрушает до основания, ибо оно порождает антисоциальные потребности, роет пропасти между человеком и человеком.

R.S., GA 192, лекция №11

Терпеть не могу материализма в жизни, в искусстве и в науке. Он — тормоз для всякого углубления, для любого духовного подъема.

R.S., GA 38

...вместо теории относительности, которая постоянно предполагает переход от одной системы координат к другой, было бы, вероятно, лучше обосновать теорию абсолютного, повсюду занимающуюся исследованием тотальных систем, о которых следует говорить в том же смысле, в каком говорят о тотальности организма. Нельзя говорить о тотальности периода силура в эволюции Земли, но его в совокупности с другими геологическими периодами можно свести в тотальную систему. Точно так же невозможно говорить о тотальности одной человеческой головы.

В геологии мы описываем период за периодом, как если бы они, будучи взятыми по отдельности, были действительностью. Но такого нет. Они являются действительностью лишь в целом Земли и именно таким образом, каким целостностью является организм, из которого нельзя вырезать ни одной части. Было бы целесообразней вместо того, чтобы наши процессы привязывать к какой-либо системе координат, привести их в связь с их собственной внутренней действительностью; тогда мы пришли бы к тотальной системе. И тогда мы смогли бы вернуться к некоего рода монадизму. Мы бы преодолели теорию относительности и пришли бы к теории абсолютного. Мы увидели бы тогда, что теория Эйнштейна есть, собственно говоря, лишь последнее выражение абстрактных устремлений (ума).

<...>

Если человек с воспитанным мышлением, с воспитанной жаждой познавать реальность читает выкладки Эйнштейна, его теорию относительности, то он... испытывает при этом муку. ...математически все эти вещи выведены последовательно, но не имеют никакой связи со смыслом действительности.

R.S., GA 324a

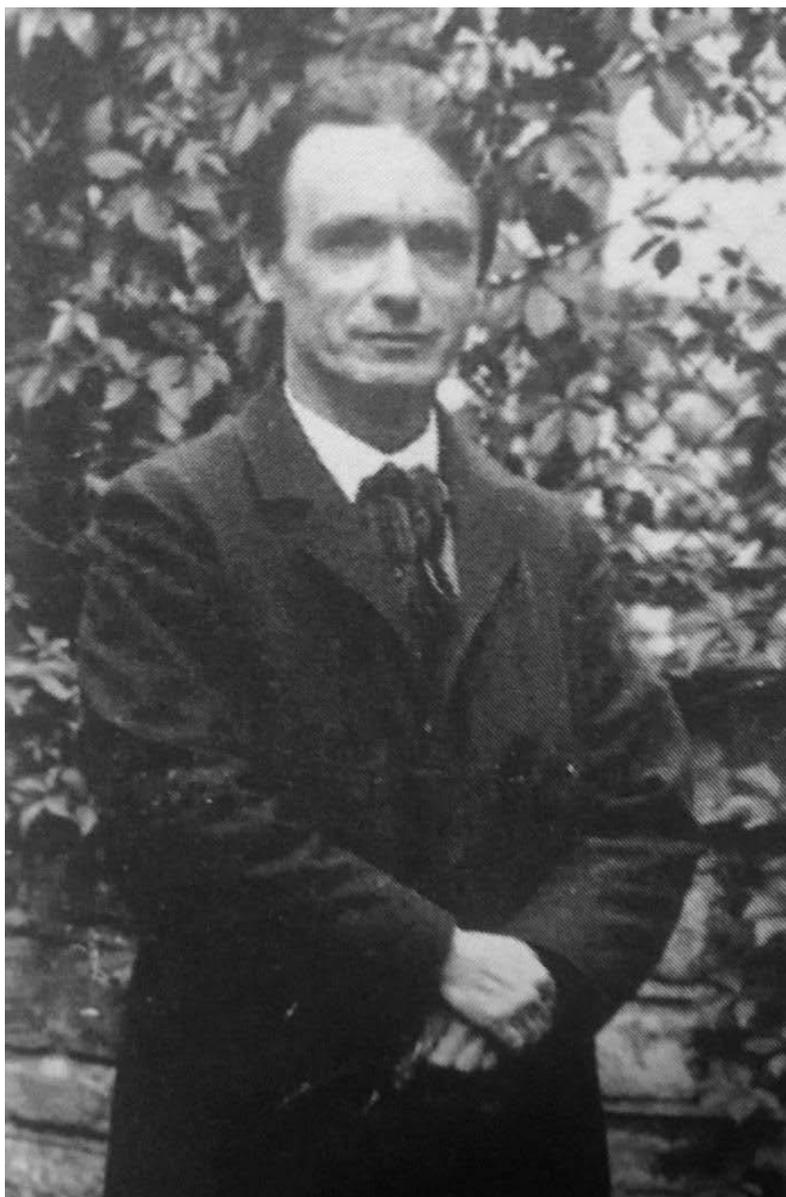
То, что сегодня выступает как психоанализ, поистине есть примитивнейший дилетантизм. Ибо, во-первых, это психологический дилетантизм: психоаналитик не знает, что на определенном уровне внизу физическая и духовная жизнь образуют единство, а рассматривает в абстрактных понятиях то, что плавает на поверхности душевной жизни, не

доставая до тех подоснов, где душевная жизнь, творя, созидая, волнообразно живет в крови, живет в дыхании, то есть составляет единство с так называемым материальным воздействием. Психолог рассматривает душевную жизнь по-дилетантски. А во-вторых, психолог так же по-дилетантски рассматривает физическую жизнь, когда оценивает её исключительно с точки зрения внешнечувственного и не знает, что повсеместно в чувственной жизни, прежде всего в человеческом организме, присутствует духовное. И когда эти два дилетантизма направлены таким образом, что один дилетантизм должен освещать другой, как это делает психоанализ, тогда дилетантизмы не просто складываются, а умножаются друг на друга: получается дилетантизм в квадрате.

R.S., GA 258

Социализм без людей, воспитанных для братства, — все равно, что деревянное железо.

R.S., из разговора

1915

Каждый человек является каналом, через который изливается духовный мир.

R.S., GA 53, лекция №14

Бациллы могут быть опасными лишь тогда, когда человек их взлелеивает. <...> Взлелеиваются они самым интенсивным образом тогда, когда в состоянии сна человек вбирает одно лишь материалистическое настроение... Нет лучшего средства лелеять бациллы, как засыпать лишь с материалистическим настроением... Человек может жить в гуще эпидемических или эндемических (местных) болезней и не видеть ничего, кроме образов болезней вокруг себя, быть целиком наполненным ощущением страха перед этими болезнями. Это, конечно, также хорошее средство для того, чтобы заболеть. ...в душе тогда бессознательно возникают послеобразы, имагинации, пронизанные страхом. И это хорошее средство для взлелеивания бацилл. Если же человек в состоянии хоть немного смягчить, умерить страх путем действенной любви, когда, например, ухаживая за больным, он забывает о том, что может сам заразиться, то тогда умеряется сила, лелеющая бациллы.

R.S., GA 154

...стремиться к добродетелям — это, конечно, прекрасно; но люди стремятся не просто к добродетелям, и в наше время по большей части дело обстоит так, что само стремление к добродетели — это самоцель, если принять во внимание более глубокие подосновы, подсознательные глубины души. Человеку, стремящемуся к добродетелям, гораздо важнее представляется чувство: я бескорыстный человек, я делаю все не ради себя! Я совершенный человек, я не верю ни в какие авторитеты. После этого он начинает гоняться за всеми возможными авторитетами. Но войти в роль, что ты имеешь ту или иную добродетель, для современного человека бесконечно важнее, чем на самом деле иметь эту добродетель. Сладострастное чувство обладания добродетелью — вот что импонирует человеку больше, чем сама добродетель.

R.S., GA 177

Успех вовсе не является мерилom правильного и истинного.

R.S., GA 113

Создайте себе новое, исполненное силы и мужества воззрение на верность. То, что обычно называют верностью — очень быстро проходит. Но вот что вы сделаете своей верностью: переживите по отношению к другому человеку мгновения, быстро уходящие мгновения, когда вы видите, что он как бы наполнен и просветлён духовным прообразом.

И затем настанут, действительно настанут мгновения, настанут долгие времена, когда человек омрачится. Вы, однако, в такое время должны быть в состоянии сказать: «Дух исполнил меня силой! Я обращаюсь мыслью к прообразу. Ведь я видел его однажды. Никакая видимость не отнимет его у меня», всегда боритесь за прообраз, который вы видели. Эта борьба и есть верность. И, стремясь к такой верности, человек будет стоять около другого как бы с силами Ангела-хранителя.

Медитация Рудольфа Штайнера в передаче Христиана Моргенштерна

1 октября [1913] начался цикл о Пятом Евангелии. В ходе лекции постепенно исчезал банально обставленный зал с нарисованными на потолке голубями. Голуби упархивали прочь, а на нас сверху опускалось что-то вроде небесного свода, населенного существами из света. А внизу под нами выстраивались в ряды те, кого мы не видели, но чье присутствие можно было почувствовать.

В центре — Рудольф Штейнер, такой нежный и хрупкий в своем черном сюртуке; взгляд его широко открытых глаз был устремлен в одну цель. Так он извлекал наружу те сокровища, которые скрывались в мировой истории на протяжении двух тысячелетий. Из-за того, что он сам бывал глубоко потрясен, ему иногда отказывал голос, слова произносились с трудом и звучали неуверенно.

В конце цикла мы стояли в своем углу как оглушенные. Он издали поспешил к нам, чтобы вновь пожать нам руки и поинтересоваться нашим впечатлением. Но что здесь могли бы выразить слова!

Ася Тургенева

Я никогда не забуду устремленный в прошлое взгляд Штайнера. Его зоркая, бдительная духовность излучала такую чистоту, такую убедительную правдивость и скромность, что все мы, сидевшие в зале, ощущали себя свидетелями величайшего общечеловеческого события. ... Моральная чистота? В этой атмосфере все дышало ею. Самоотдача? ... Бескорыстие? Если спросить, как выглядит чистый, ниспосланный Богом дар? Да только так, и никак иначе.

Фридрих Риттельмайер

Главным и решающим для меня узнаванием было то, что Христос стоит в центре всего, о чем говорит Рудольф Штейнер. Антропософия открылась мне как современная форма Христианства. Эта встреча с Антропософией была самым счастливым периодом моей жизни.

Михаил Чехов

...я пришел к твердому убеждению, что в Рудольфе Штайнере мы находим одну из самых истинных, самых прекрасных, самых чистых человеческих духовных индивидуальностей, когда-либо живших на земле. И его биография является Мистерией, глубины которой еще и сегодня все еще мало исследованы.

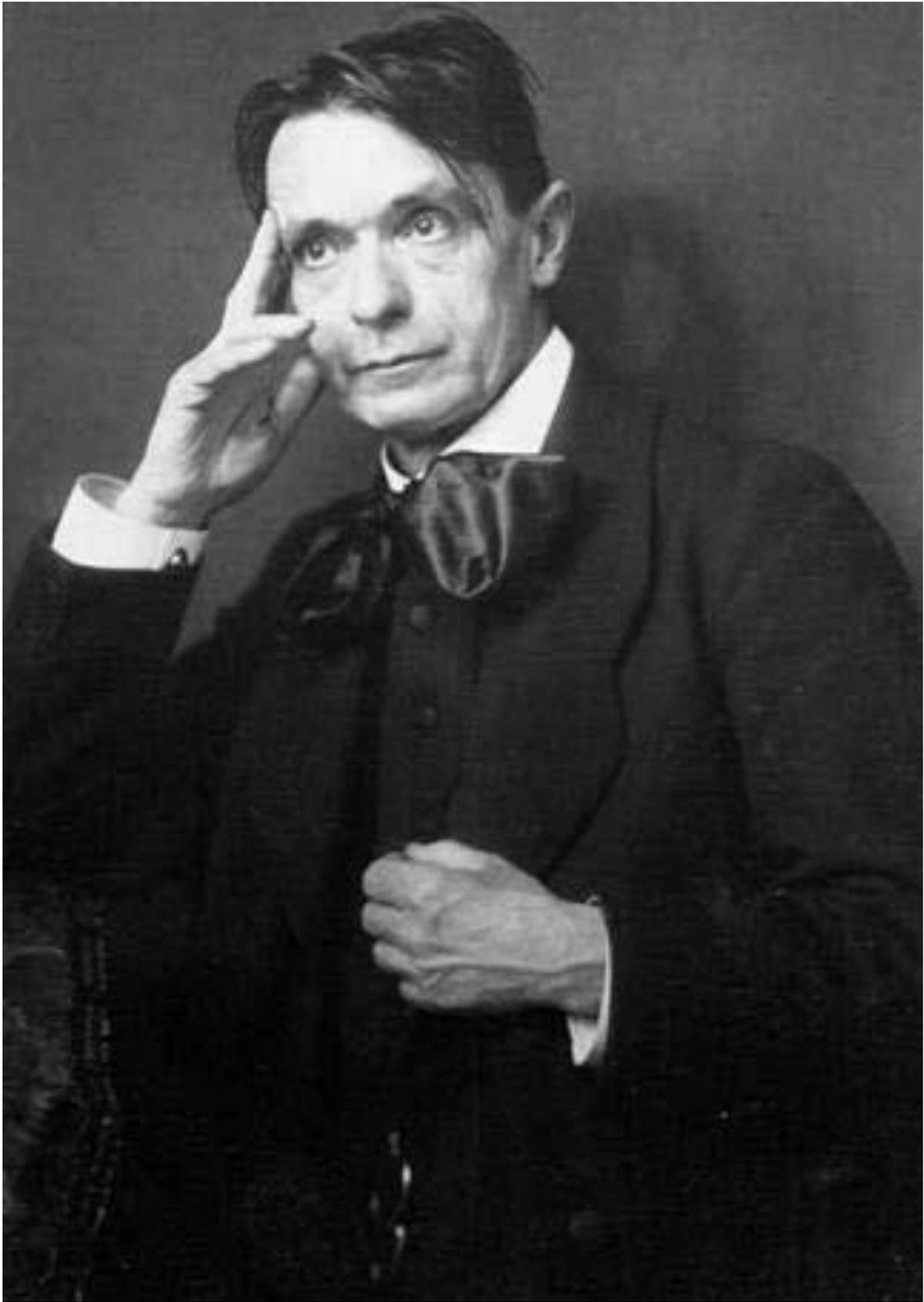
Для меня Рудольф Штайнер, как едва ли какой-либо другой человек, является тем, кто в современном подражании Христу не только говорил и писал о духовных истинах, но так же жил ими и благодаря этому нераздельно связал их со всем человеческим существом, в действительности — был ими.

Поэтому почитание, которое можно иметь по отношению к духовному существу Рудольфа Штайнера, является тем большим, чем большего человек достиг в его понимании.

Сергей Прокофьев

Говорить об Антропософии не значит говорить о вещах, которые нигде больше не обсуждаются, это значит иметь к жизни отношение, которого нигде больше нет.

R.S., 06.02.1923

1918

Когда я больше тридцати лет назад встретил Антропософию, для меня главным было не то, какие великие, новаторские идеи в различных областях жизни — например, в педагогике, искусстве, медицине, сельском хозяйстве — принес Рудольф Штайнер. Потому что это ставит его «только» рядом со многими другими значительными индивидуальностями XIX и XX столетий. Само собой разумеется, я познакомился с его достижениями с великим удивлением и высочайшей признательностью, но это было не то, что в действительности привело меня к Рудольфу Штайнеру. Для меня решающим было то, что в Рудольфе Штайнере впервые в мировой истории смог открыто действовать среди людей посвященный такого высокого духовного ранга, а именно такой, который основал свое посвящение на самых современных силах нашего времени, то есть смог исследовать и описать духовный мир с той же ясностью и точностью, с какой ученый обычно описывает природу.

Одновременно мне тотчас стало ясно, что Рудольф Штайнер как посвященный ни в чем не приспособляется к современной цивилизации, потому что в ней категория посвященного не существует. Наша цивилизация знает ученых, художников, медиков, исследователей, первооткрывателей, посвященный же для нее не существует и в общественной жизни не предусмотрен.

Сергей Прокофьев

Эдуард Шюре⁴ до конца своей жизни не мог говорить без волнения о потрясении, которое он испытал, увидев Штайнера впервые. В 1906 году Штайнер приехал в Париж в сопровождении Марии Сиверс. «Безусловно, по всему тому, что мне о нем говорили, я ожидал встретить того, кто мог стать для меня как бы собратом по оружию, но в сущности я ждал его посещения довольно равнодушно. Когда он появился на пороге, в обрамлении двери, когда я увидел его изможденное лицо, сияющее безграничной добротой и доверием, я был потрясен. Он взглянул на меня своими глазами, полными света, которые, казалось, изливали самые тайные глубины, и прежде, чем он даже успел заговорить, во мне сразу сложились два убеждения:

Во-первых, я нахожусь в присутствии посвященного. Я долго пребывал духовно с посвященными древности, историю и доктрины которых я описывал, и вот, наконец, я встретил посвященного в этом мире.

С другой стороны, я предчувствовал в течение этой минуты, когда мы, забыв все, что нас окружало, погрузились взаимно в глубину наших душ: человек этот, стоящий сейчас передо мной, будет играть в моей жизни существенную роль».

Симона Риуз-Короз

---

⁴ Автор, среди прочего, известной в России книги «Великие посвященные», издававшейся в начале XX века и — репринтно — в его 90-е годы.

1904

Доктор Штайнер вошел в зал. Невозможно забыть этот облик, этот взгляд. Я воображал, что увижу нечто вроде брамина, с черной бородой, в длинной одежде, как изображались махатмы, портреты которых я видел. Вместо этого появился человек, который скорее напоминал собою гуманистов, подобных Эразму Роттердамскому. Он не был очень высокого роста, но казался таким. У него было чисто выбритое лицо с очень прямым носом. Все его существо носило отпечаток, характерный для мыслителя, и дышало благородством. Черные и довольно длинные волосы были отброшены назад, одна прядь всегда имела тенденцию соскальзывать на левую часть лба. Он носил тогда галстук, завязанный мягким бантом. Вот он в зале и обводит глазами теснящуюся очень многочисленную публику.

Он поднялся на эстраду и начал говорить. Взгляд его, сначала направленный на аудиторию, казалось, постепенно обращался вовнутрь. Он говорил то, что созерцал внутренне. Фразы формировались постепенно, следуя ритму мысли. Слова обладали большой силой, и его манера говорить как будто таила в себе дар пробуждать нечто, дремавшее в сердцах слушателей. Каждый лично чувствовал в себе часть той силы, которая подсказывала эти выражения. Каждый чувствовал, как устанавливалась и росла связь, соединяющая нас с реальностью мира более великого, более богатого, более обширного, того мира, который его вдохновлял. Его слова доходили до сердца, потому что они исходили из сердца, полного мудрости и любви.

Бесспорное наличие австрийского акцента приносило в его речь какой-то аромат природы, земли, силы и придавало ей своеобразную прелесть. Вначале он говорил медленно, почти неуверенно, почти мечтательно, но к концу речь крепла и поднималась, как в симфонии, и в последних фразах звучала торжественным ритмом. Он закончил словами Гёте: «От власти, все живущее стеснившей, освобожден — себя лишь победивший». Сказанные им, эти слова звучали положительно, как призыв всех соединенных сил добра к борющейся душе человека.

*Свидетельство неизвестного студента на лекции 1904 года,
цитируется по Симона Риуэ-Короз, «Эпопея духа XX века»*

Другое неизгладимое впечатление этих дней — лекция Доктора к русским [05.06.1913, Гельсингфорс]. Он читал ее в номере гостиницы, очень интимно. Кроме одного стенографиста собрались только русские. Комната была переполнена. Сидели на окнах, на скамеечках, на полу, теснились у дверей. Лица всех обратились к нему, как цветы к солнцу. Одно дыхание связало нас всех. Было трудно отличать себя от соседа (говорю, разумеется, субъективно, так, как переживалось это во мне). Доктор говорил с невыразимой сердечностью и теплотой. Он касался самых заветных глубин. И ободрял, утверждал всем своим жестом. Его слова пролили свет на многое, что глухо бродило в сознании и было источником порой мучительных недоумений. Он сказал, между прочим, что слабость нашей воли — ее молодость. Она еще не проснулась, она еще не действует. Ничто внешнее в мире не может ее пробудить, не может быть ее импульсом к действию. Она откликается лишь на одно. Пробудить ее может только Христос. О, как билось сердце при этих словах! В них был ответ, в них был импульс. Все, что лежало тяжелым гнетом на душе, превратилось в оружие силы.

И чем дальше, тем теплее звучала речь Доктора. Она становилась заветом, напутствием, благословением. И вместе с тем становилось все грустнее и грустнее. Ноты сжимающей сердце печали слышались все более явственно. Почему печали, о чем?

Он закончил. И медленно стал выходить с жестом рук, который явно сказался как жест благословения. Он словно видел предстоящее нам нечто очень тяжелое, что было в нашей судьбе, чему он должен был нас предоставить. И он отдавал нам себя — все, что мог, — в этом жесте. Мы все замерли, пропуская его среди своих рядов. Тело застыло, как окаменелое. А сердце рвалось за ним. Его глаза глядели на нас, и казалось — в них слезы.

Это все не придумано после. Не отражено в тот момент рефлексией следующих лет. Нет! Было именно так, как пытаюсь сказать. Помню, как долго потом я не могла придти в себя. Я не понимала, почему после лекции Доктора мне так грустно. Я даже пыталась по-своему объяснить эту грусть. Мне думалось: я в первый раз слышу, как Доктор говорит специально к нам, русским. И грусть моя от того эгоизма, которому мало одной только лекции, а хотелось бы, чтобы Доктор еще и еще был бы с нами, и говорил нам отдельно, нам — русским. Но теперь я могу сказать: если доля эгоизма и была налицо, то не она была источником боли. Боль была вызвана жестом Доктора, его взглядом, его интонацией. Но странно, что в долгие годы оторванности от него именно этот взгляд и жест, этот тон голоса были источником моральной помощи и поддержки.

К.Н. Бугаева, «О том, как образ Рудольфа Штейнера отразился в одной душе»

Симона Риуз-Короз, фрагмент книги «Эпопея духа XX века»

В конце сентября 1912 года Рудольф Штайнер только что закончил в Базеле цикл лекций на тему Евангелия от Марка. Он был сильно утомлен. Ему был необходим отдых, прежде чем вновь отправиться в путь, туда, где его ждали: в Италию, в Австрию, затем в Берлин и Гамбург...

В нескольких километрах от Базеля, на холме Дорнаха, примыкавшем к последним отрогам Швейцарской Юры, его базельские друзья владеют загородной дачей, которую они предоставили Рудольфу Штайнеру и небольшой группе его близких, никогда его не покидавших и составлявших активное ядро общества.

Это был очаровательный уголок. И, однако, первая ночь, проведенная там «Доктором», вызвала у него пророческое потрясение. Ощутил ли он холод души, попавшей в сети судьбы? Смутился ли его дух тяжестью земли, которая должна была пристать к его ногам? Открыл ли ему тайны будущего этот холм, которому суждено было стать впоследствии его Голгофой, или, по крайней мере, его Гефсиманией? Как бы то ни было, на другое утро друзья были поражены его потрясенным видом.

Остаток времени, наоборот, прошел вполне счастливо. Работа прерывалась прогулками. Рудольф Штайнер, который очень любил ходьбу, пересекал своим упругим шагом плодородный край, где луга густой травы сменялись фруктовыми садами и отягощенными плодами виноградниками, спускавшимся по мягкому склону, лесистая вершина которого превышала тысячу метров. Он видел у своих ног извивы реки Бирзы. Справа в легком тумане он различал город Базель, огни которого загорались к вечеру. Налево — нагромождение гор с мягкими и округлыми очертаниями. За рекой долина простиралась до близлежащего Эльзаса. В ясную погоду можно было различить линию Вогезов, за которую заходило солнце. В часы заката октябрьское солнце заливало пурпуром развалины «бургов» на вершинах холмов, покрасневшую листву вишневых деревьев, тяжелые синие грозди винограда, сбор которых заканчивался. Из монастыря в долине поднимались босоногие капуцины, чтобы собирать между виноградными лозами огромных улиток. Как полон силы был этот край, и в то же время как мягок в осеннем покое земли, исполнившей все свои обещания.

Позади деревушки Арлесхайм, которая примыкает к холму Дорнаха, Рудольф Штайнер дошел до тенистой ложбины, в которую попадали через проход в скалах. Одна из них, как говорит легенда, чудесным образом сокрыла святую Одиллию от преследований ее отца. Пещеры, окружающие романтическое озеро, с доисторических времен служили убежищем многим божьим людям, ищущим одиночества. В конце концов, на скале основали обитель. Этот уголок хранил свое очарование, о котором хорошо говорит надпись, которую еще можно было разобрать на камне: *O, sola beatitudo, o, beata solitudo* (О, единственное блаженство, о, блаженное одиночество!).

Поблизости от своей виллы семья Гр. приобрела большой участок земли, составляющей между двумя ложбинами великолепную возвышенность, покрытую вишневыми деревьями и виноградниками. «Что вы собираетесь с этим делать? — спросил Доктор, — Ну, пусть будущее нам покажет, зачем мы приобрели эту землю, — ответил Гр., а жена его добавила: — Мы бы хотели построить там что-либо, что послужило бы нашему движению. — Дорнах находится в кантоне Солёр, и никакой закон не ограничивает и не определяет здесь архитектуру построек» — заметил ее муж.

Разговор на этом закончился.

Но несколько месяцев спустя, к концу февраля 1913 года, «Доктор» был в Карлсруэ. Его приезжали слушать из многих мест, например, присутствовали из Базеля г-жа Гр., из Мюнхена архитектор Ш. и доктор П. Эти последние привезли с собой, наконец, ответ Мюнхенской комиссии. Он был отрицательным. Проект не отвечал стилю города.

«Вот видите, они нас не хотят!» — сказал Рудольф Штайнер, и повернувшись к г-же Гр., заметил: «Я думаю, что в конце концов мы будем строиться у вас. Мы просто теряем

время!» Ш. хотел сделать еще одну попытку договориться с комиссией, и «Доктор» ему не препятствует, но внутренне он, по-видимому, решил, и, когда месяц спустя прекращаются переговоры с Мюнхеном, архитектор Ш. отправляется в Дорнах устанавливать планировку здания. В мае 1913 года Штайнер возвращается на Дорнахский холм. Вновь вступает он на эту крепкую землю. Своими быстрыми шагами он очерчивает круг и набрасывает первые основы плана. Здесь будет дорога, там — дом. Мюнхенский макет надо полностью переделать. Речь идет уже не о создании места, в котором одна лишь внутренняя отделка будет открыта избранным, нашедшим путь в храм.

«Когда необходимость потребовала строительства в Дорнахе, на холме, который виден издали в округе, то стало необходимым и то, чтобы внутренняя архитектура нашла свое продолжение в архитектуре, видимой снаружи».

С тех пор, как было вначале только простое желание усилить мистическую жизнь, выразив ее в искусстве, и до того, как возникло то, что в конце концов вылилось в бетонированную крепость второго Гетеанума, судьба человечества сдвинулась. Она требует того, чтобы импульс «эзотерический» принял сегодня форму, видимую всеми, «экзотерическую».

Для начала надо подумать, как приспособиться к контурам пейзажа, к буйной растительности богатой почвы, которая здесь — наливает плоды, там — взращивает сочную траву. Надо предусмотреть колонию людей, которая разобьет свои шатры на холме, где сейчас виднеются только скромные и редкие жилища крестьян. Здесь надо было мыслить не только как вдохновенный художник, но и как носитель цивилизации; то есть надо было создать помимо центрального здания и условия для существования вокруг него тех, кто — служа прежде всего Богу — будут трудиться на строительстве.

1914

С этой минуты, в добавление к изнуряющей смене путешествий, лекций, посетителей, с которыми надо говорить, рукописей, которые нужно закончить, всякий раз, когда это только

возможно, Штайнер работает над макетами. Он делает их два. Один для внешней части, который остается в Дорнахе. Второй — для внутренней, который был выставлен на фестивале в августе 1913 года в Мюнхене, в то лето, когда было поставлено «Пробуждение душ».

Эта мистерия, как мы видели, отмечает поворотную точку в развитии Общества, и это можно понять, исходя из тех проблем, с которыми сталкивается сам Рудольф Штайнер вследствие принятых на себя задач. Между третьей и четвертой мистериями Мюнхенский проект превратился в Дорнахский. Ответственность значительно возросла.

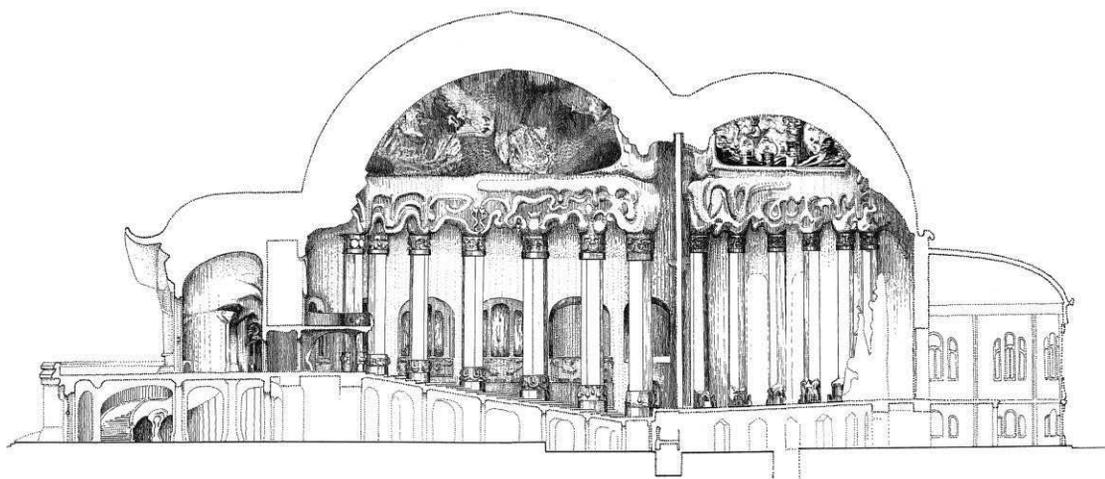
1913 год для Штайнера полон предчувствий. С тех пор, как он решил строиться, встреча с «Ариманом» вышла на передний план. В «Пробуждении душ» она принимает трагически-пророческий характер. Каждый из учеников в этой драме занимает позицию, противопоставляющую духовный мир миру современной техники. Предвидится поражение «мистиков»:

«Всякая земная деятельность отняла бы у меня силы видения, пробуждающиеся во мне» (Капезиус, стих 479). С другой стороны и поражение чистых техников: «Духовный мир затемняет взгляд на чувственную реальность... Предприятие обречено заранее...» (Начальник бюро, стих 196 и 264). И все же, как лейтмотив, повторяется слово, не являющееся указанием, но порождающее силы:

«То, что должно быть, — сбудется» (стих 320). Что же должно было сбыться?

В Дорнахе вырыт котлован и проложены дороги. Краеугольный камень будет заложен в землю 20 сентября 1913 года. Это дает повод к церемонии, имеющей более высокое значение, чем ее непосредственный смысл. Всего около сорока членов Общества собралось вокруг Рудольфа Штайнера, но через них он обращается ко всем: «...чтобы укрепить подлинные основы дела и утвердить в них присутствие Существа Антропософии...».

Физическому, материальному спуску камня в подземные области должен соответствовать тем больший подъем духа. Половина седьмого вечера, час, когда Меркурий входит в созвездие Весов. Уже темно. Вместо факелов зажигают только что вытащенные виноградные кольца, брошенные неподалеку. «Стихии точно сговорились, — пишет Мария Сиверс, — порывы ветра, потоки дождя, ноги, вязнущие в глинистой почве. Факелы, освещавшие углубление, куда должны были опустить камень, бросали пригоршни искр. Эта неожиданная атмосфера придавала всей сцене глубокую суровость и впечатление подавляющей величественности. Рудольф Штайнер говорил голосом, перекрывающим стихии. Он звучал так, словно сама судьба говорила через него».

Он торжественно открывает это освящение, призывая небесные иерархии «защитить и направить дело, которое будет совершаться сообща». Эти слова через головы слушателей обращались к божественным духам, к Троице. С этого возвышения взор свободно охватывал все четыре стороны света: север, юг, восток, запад. Он избрал эту минуту, чтобы доверить

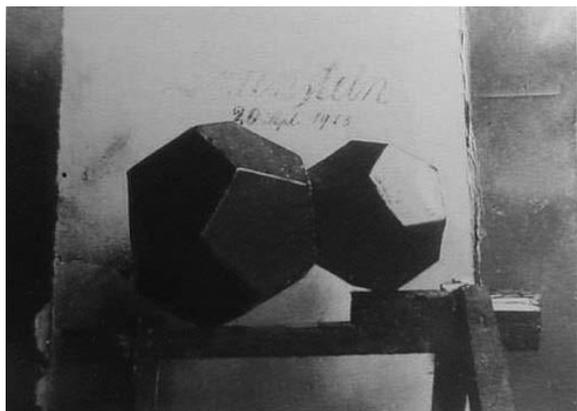
человечеству одну из величайших истин, скрытую до сего времени. Затем он обращался к духам стихий, к духам земли, воды, воздуха и огня, а потом снова к человечеству, представленному этой небольшой молчаливой группой людей, потрясенных силой и значением его слов. Затем ко всему человечеству обращается он, чувствуя себя окруженным им:

«Если мы слышим зов человечества к духу и хотим воздвигнуть Бау, где прозвучит его откровение, тогда в этот вечер мы совершенно понимаем друг друга».

«Ведомые Кармой, мы стоим на месте, где проходили могучие духовные течения. Почувствуем же в себе в этот вечер значительность этой минуты».

Он говорит о камне, который будет заложен, «как о символе человеческой души, посвящающей себя предпринятому делу». Затем камень предается самой плотной из стихий — земле, — «в которую была погружена наша душа для того, чтобы выполнить в течение земной эволюции то, что является миссией Земли».

Краеугольный «камень» на самом деле представлял собой два медных додекаэдра, спаянных друг с другом одной гранью и соответствующих двум куполам, которые должны были возвышаться, один над сценой, другой над зрительным залом. Этот камень был

положен точно под тем местом, где должна будет возвышаться кафедра оратора, откуда будет звучать Слово. Точно в этом месте пересекались оси здания. Он был положен так, что большой додекаэдр был повернут к востоку, а меньший — к западу, тогда как большой купол, наоборот, возвышался на западе, а меньший на востоке.

Два дня спустя, говоря в Базеле о том деянии, что было совершено на холме в канун осеннего равноденствия, он сказал: «Эта церемония вписана в миссию Земли». Она означает, что будет сделана попытка принести

ответ на всемирный зов, исходящий ныне от всего человечества, к полному обновлению жизни духа: «Человеческая душа кричит в своих глубинах». Была сделана попытка, чтобы она услышала в нашу эпоху послание Слова, проходящее через века. Ибо мы больше не христиане, мы живем во лжи, и когда в наши дни к человеческой душе прикасаются силы духовной природы, то это — силы демонические.

«Этот камень, который для нас есть символ знания, любви и мужественной силы, для наших противников неизбежно станет камнем преткновения и гнева... Для нас он начало действий, которые мы хотим предпринять ради истины, для распространения этой истины. Мы еще только в начале наших трудностей; будем же продвигаться со всей серьезностью и достоинством, твердо веря в победу духа. Это то, что я увидел среди разъяренных стихий, перед лицом неба, запечатлевая душам присутствующих друзей эту серьезность, это достоинство, чтобы мы никогда не могли забыть этой минуты».

Он назвал позднее «одним из самых возвышенных моментов, которые ему было дано познать», тот, когда ему было позволено сказать некие слова об оставшейся скрытой стороне христианства.

«Я не только знаю, я абсолютно уверен, со всей той уверенностью, которую можно в подобных случаях иметь, что эти слова были услышаны в божественных высотах Сущностью, носящей дух Христа, Сущностью, Которая собирает всех людей, соединяя их в единую гармонию».

Этот краеугольный камень лежит и поныне в недрах холма, на том месте, где он был заложен 20-го сентября 1913 года, после захода солнца.

Андрей Белый. Фрагменты «Воспоминаний о Рудольфе Штейнере».

Комнаты, в которых жил доктор, носили для меня отпечаток чего-то однородного, однородное для всех помещений, в которых меня принимал доктор, — крайняя простота всегда маленьких до тесноты комнаток; ни один взгляд не открыл бы априори, что в них именно живет доктор: он меня принимал и в квартире, предоставляемой ему графиней Калькрейт (в ее краснорозовом доме на Адельберт-штрассе, в Мюнхене), и около Базеля, на станцийке Ботниге-Мюде, 16', где он поселялся, и в квартире председательницы Кельнской ложи; везде — маленькие до тесноты простенькие комнатки.

Раз только он принял меня в несоответствующей гигантской комнатнице, в которой следы его жилья занимали едва ли шестую часть комнаты; прочие пять шестых — холодно и казенно расставленная мебель; это было в отеле «Фенниа», в Гельсингфорсе; и он, такой небольшой при сидении вплотную с ним, испытывал точно растерянность себя ощущения в «комнатнице».

Еще особенность помещений, занимаемых им: это — случайно разбитые палатки; никакого оседлого быта; никакой тенденции к комфорту; почти — ни лишнего предмета; это не означало, что в комнатах неуютно; это означало: ему не нужно ничего лишнего; стол, стул, книги (или чемодан с ними, если он у кого-нибудь гостит), постель: все! Ну там шторы на дверях. Крайняя простота, крайняя незатейливость!

Впечатление от его берлинской квартиры, где он жил много лет, и где привратник дома относился к нему, как к некоей домовой константе, — несколько комнат-палаток (все маленькие) для несения необходимых функций, умственных и приемных; остальное все напоминало походный штаб: комнатка, где вечно стучал ремингтон и откуда слышались голоса барышень «канцелярии»; вылетали отсюда (мое впечатление, что стрелой) или фрейлейн Леман, или фрейлейн Ганна, или фрейлейн Мюкке (бывшая социал-демократка — необходимый орган при библиотеке и квартире, отданной «Геозофише-Филозофише-Ферлаг», помещавшихся в том же подъезде: в других этажах); и отсюда: впечатление постоянной шнырки влетающих и вылетающих барышень из комнатки-канцелярии по коридорчику, через маленькую переднюю в дверь, выводящую из квартиры, на лестницу; и — постоянная беготня по этой лестнице: из квартиры в квартиру; ведь весь подъезд на протяжении ряда этажей был занят антропософскими квартирочками; кроме квартиры доктора, тут были: библиотека, издательство (и тут, и там сидели заходившие по делу, а иногда и без дела), квартира Зеллинга, тут искони обитавшего и вместе с Мюкке выросшего в берлинскую ветвь всем существом, более ж всего выросшего в «Моц-штрассе, зибцен», и добрым стихийным духом выраставшего отовсюду с помощью, со справкой, с библиотечной книгой и т.д.; тут же была квартира прекрасного, умного, всегда немного чудаковатого Курта Вальтера и его доброй жены; тут же, если не ошибаюсь, жили Ганна и Мюкке; и — кто еще? Обитатели квартиры доктора: две барышни Леман, воспитанные с детства доктором и М.Я., Мария фон-Сиверс, в то время его многолетний секретарь, друг, спутник по курсам, одновременно церемониймейстер всех сношений, записей, ремингтонов, корреспонденции и прекрасная, благородная, всегда стремительная до экстравагантности художница, голландка Валлер, встряхивающая короткими кудрями и выглядящая пламенным оруженосцем, готовым в любую минуту выхватить меч, обласкать, или дать резкий и всегда неожиданный отпор; она иногда сопровождала доктора вместо М.Я.; а иногда же, в редкие времена отсутствия М.Я., была, так сказать, физической опорой доктора, отличавшегося крайней рассеянностью (раз он в рассеянности поставил свою ночную туфлю на полочку книжного шкафа вместо взятой оттуда книги и очень горевал, что придется ему купить туфли). Валлер, отворявшая дверь в квартиру доктора, или Валлер, с розами, или Валлер в белой тунике и такой же атласной столе; перегнувшаяся через перила лестницы и громко разговаривающая с кем-то внизу, а дверь в квартиру доктора открыта, — какие это знакомые картины, ставшие родными в воспоминании.

Все эти обитатели квартир под — и над — доктором вместе с обитателями квартиры доктора носились по этажам в вечной спешке с бумаженками, ремингтонными копиями и трещали машинками и телефоном. У меня создалось впечатление, что дверь квартиры доктора вечно незаперта; она производила впечатление ячейки рабочей коммуны, которой не до комфорта; все минуты разобраны: и «дела», «дела», «дела»; здесь читают корректуру, там распределяют билеты на курс, там выдают книги, здесь отвечают на корреспонденцию; и между всем этим — кого-то устраивают, что-то распутывают. Весь подъезд — квартира доктора; и обратно: в его квартире — ряд квартир.

И мимо этих переплетенных и охваченных переполохом квартир, под ноги сбившимся с ног барышням аппарата, и текут, и текут, и текут те, кому назначены свидания, в сущности чужие люди этому «всекипению». А ведь каждый из текущих течет по делу, которое ему кажется важнее важного; иные текут в первый раз; и — как на исповедь, переживая волнения необычайные и испытывая подчас удивление: вместо торжественности им под ноги иногда громкая и кажущаяся нарушением «церемониала» кипучка; звонят с замиранием сердца, а дверь — открыта: отворяет не прислуга, которой нет, а кто-нибудь из случайно оказавшихся здесь: Валлер, Леман, иногда сама М.Я. И — попадают в маленькую приемную, где все стулья (мягкие) заняты ожидающими. Комнатка — в несколько шагов: столик, шкафчик, стулья, две двери, закрытые портьерами, кажется, кофейно-коричневыми, весьма простыми и... не первой молодости; одна дверь в переднюю и коридорчик, откуда — маленькая столовая, а сбоку, помнится, комнатка в три шага, с диваном, где бывали у нас беседы сэпаре с М.Я.; это, вероятно, и есть «гостиная»... и посетитель в первый раз со своей «исповедью» невольно вздрогнет: как, тут рядом, — доктор. Почему-то заранее кажется, интимный прием у «учителя» как-то парадно обставленным; а тут — простота и почти обидная для «учителя» и «ученика с исповедью» будничная атмосфера кипящей работы, которой не до парадов; ведь, вероятно, в одной из невидных комнат — беспорядок раскинутых чемоданов (вчера приехал из Швейцарии, а завтра едет в Ганновер); а кто-нибудь снаряжает в дорогу «его».

И вдруг, в нос, из-за «таинственно» простой обстановки нетаинственно молниеносно настезь распахнутая дверь; и выскочивший доктор, немного встрепанный, с бледным усталым лицом и с пленительной светскостью внимания, почти, как кавалер, провожающий даму, с «ну я», с «эс вирд шон геен», или «ауфвидерзеен, ауфвидерзеен» делает приветственный жест рукой, ее поднявши перед собой с порога комнаты, если сам не проводит в переднюю, где зажжет электричество, чуть ли не подаст шубу и запрет за дамой дверь; и потом «та-та-та» — по коридорику мимо приемной, на мгновение выставив голову из-за портьеры с улыбающимся «айн момент» вместо того, чтобы вернуться в приемную: «ту-ту-ту» — в столовую: может быть выпить наскоро кофе (приемы длятся часами, — ни поесть, ни прийти в себя).

Посещающему «квартирку» это все кажется, как снег на голову: более чем простота, более чем просто трезвость, и более, чем скромность. Особенно удивляет темп быстроты пробега доктора, его невзначай высунутой головы, его старание быть любезным по-светскому. Иногда ему не до улыбок, и он, промелькнув из приемной, даже и не посмотрит, а с серьезно-строго-печальными глазами несется мимо, чтобы снова встать с «кто следующий»; и со следующим замкнуться: или — надолго, или — на пять минут.

Иногда посетитель издалека и ни слова по-немецки; тогда доктор уносится за М.Я.; и тут же снова появляется с ней; она, знающая все языки, его постоянный толмач; он сам с усилием и с акцентом кое-как объясняется по-французски (почти до радости меня трогала эта черта в нем: неуспешность в языках; языки ему откровенно не давались; в этой «бездарности» к разговорному иностранному языку в нем, я даже черпал какие-то устои: страшно говорить с человеком, не знающим затруднений ни в чем).

На нем маленький, короткий пиджачок: пиджачок долгого употребления; иногда он в туфлях; пенсне разлетается и пляшет на ленточке, зацепляясь за портьеры, когда он несется.

И вот вы в приемной: маленькая комнатка, черная мебель, книги, стол, кресло; все скромно; тут я запутался бы в перечислении предметов; попадая сюда я мгновенно переставал видеть что-либо, кроме него, сажающегося рядом и точно подставляющего ухо (на одно ухо он плохо слышал): для темы моего посещения.

Поражает в эти минуты его близкий профиль, весь перечерченный морщиночками, — не глубокими, а проведенными точно тончайшей гравюрной иглою; такой испещренности лица морщинками, такого количества их, такой произвольной игры и их бега ни у кого я не видел; они-то и содействовали впечатлению от лица его, что оно перманентно течет и закрепить его нет никакой возможности; а уже на расстоянии 15 шагов — ни морщины: гладкое лицо.

Сидя рядом с ним (рот в щеку, или, вернее, «к уху»), невольно поражаешься морщинистостью; и он кажется не пятидесятипятiletним, а... пятьсотлетним; особенно вычерчивается и заостряется нос; и кажется грифиным каким-то; то эта «грифиность» — добрая; впрочем, бывали молниеносные переходы, вернее, отсутствие переходов от пленительной улыбки к грудному и громко-четкому «нехорошо, очень нехорошо это», что от «нехорошо», часто тут же смягченного, люди плакали ночами напролет; и раскаивались не месяцами, а — годами.

<...>

Бывал я и посетителем «приемной» не раз; бывал я и приглашенным просто на «кофе» к М.Я. Сидишь в маленькой столовой, простой, как все, подносишь чашечку кофе ко рту, и знаешь: сейчас выйдет доктор, из-за кабинетной ли работы; из-за приема ли. Помню его, вышедши из кабинета, едва заметившего кофе, М.Я. и меня: присел, и стал отхлебывать из чашечки, попутно поймал меня на легкомысленной фразе, ужасно отодрал за умопостигаемый вихор (походя, не отрываясь от мысли): и встал из-за стола, не допив кофе: вероятно, спешил к письменному столу.

***

...бывало, шепчет в уши ему семидесятилетняя старушка о том, что она во сне увидела мышь, — а доктор, склонив ухо к ней (на одно ухо он плохо слышал), слушает ее с огромной серьезной заботой, приговаривая нараспев: «Зоо... Зоо... Зоо...»⁶. И в склонении головы, и в моргающих добродушною озабоченностью глазах, — искренняя печать: любви к старушке.

***

Я останавливаюсь на квартире доктора, потому что квартира носит печать личности, в ней обитающей; стиль комнат, которые занимал доктор и в которых мне приходилось бывать, носил эту неуловимую печать: непритязательности, бешеного темпа работы, здесь происходящей, вечных разъездов; и тем не менее электрических искр бодрости до веселья, до возможности: гомерически расхохотаться здесь. И чувствовалось: посади доктора в прочно расставленный быт, он тотчас взвернет его; и даже в своем собственном летучем быте, вероятно, кто-нибудь... следил за ним: вплоть до водворения его в берега. Рассказывают: и... ему... *влетало*... от М.Я.; и она восклицала; так передают мне одно восклицание ее: «Ах, вы эдакая...» далее слово уже вполне гротеск: М.Я. была человек порыва, взрыва; начало ее деятельности сцена; в ней вместе с выдержкой, кажущейся в иные минуты холодной гордостью, бились пламена чисто вулканических взрывов; она могла быть и горячим, безудержным порывом ласки, и неприятно выглядевшей, придирающейся к мелочам, и Этной, покрытой северным льдом; выйдет, бывало, фрейлейн фон-Сиверс — лед, резервэ: сиверко (не даром «Сиверс»!). А из-под льда блистают огромные глаза: лаской или гневом.

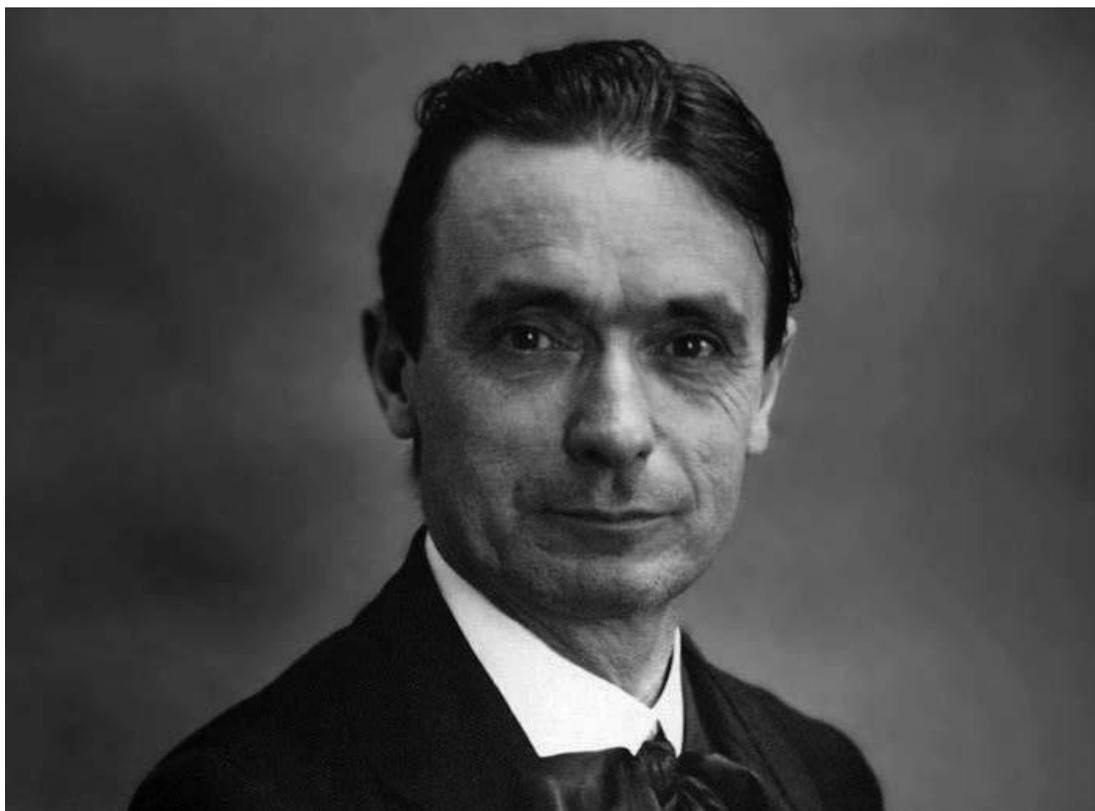
⁶ «Так... так... так...»

<...>

Многие из теток не понимали этого соединения «бурных стремлений» с замкнутой чопорностью: «Этна, покрытая льдом» вызывала ряд недостойных нареканий; и внешним образом не всегда была права; но все искупал великолепный порыв и духовная высота, в ней живущая, пламенная преданность делу, любовь к доктору; только в этом разгляде ее, любившей доктора и отдавшей его делу жизнь, должно брать ее восклицание: «Ах, вы...» и т. д.

А что доктор мог подать повод к «ах, вы», явствует из одного случая: однажды, встретив на улице маленького, беспризорного оборванца, грязного и дикого, его поразившего заброшенностью, он взял его за руку, привел к себе, обласкал, развеселил; дело дошло и до игры, затеянной доктором; возвращается М.Я., входит к себе в комнату и видит следующую картину: доктор в полном самозабвении со смехом катает грязного мальчонку по постели М.Я. Вероятно, у М.Я. и слетело одно из «ах, вы» по адресу доктора.

Он постоянно что-нибудь «учинял» в свободные промежутки времени: раз начал растирать краски; и сам перепачкался с ног до головы, и комнату запачкал.

1911

И в нем жил порыв; он не был «Этной, покрытой льдом», но для характеристики его особенностей нет слов: «романтик» — не то слово; «бунтарь-анархист» — опять не то: ближе (и не то): младенец, которому стукнуло... десять тысяч лет, плюс, владеющий талантами, тайнами посвящения, способный в любом салоне загнать в тупик любого гносеологического софиста; рассказывают, как в прежние годы, когда он еще имел время бывать в «обществе», он, при встречах с «маститыми профессорами», его отрицавшими, тотчас устраивал дуэль, загоняя их в тупик; и «маститость» спешила незаметно «исчезнуть».

Много и в нем было от порыва: разве не «романтика» в прекрасном смысле: в Дорнахе, когда он работал над моделью, он заставлял при модели отсиживать М.Я., мотивирую эту необходимость: «Вы — моя инспиратриса». Или доктор, сажающий в вагон М.Я.: ей

поднесли цветы; и она, опустив глаза, их разглядывает, держа пучок цветов, как младенца; ей они — нравятся; на лице — детская радость; а доктор, поддерживая ее за локоть, сажает в вагон; и на лице его радость от ее радости; он явно радуется; и не знаешь, кто более ребенок в эту минуту; она ли, оправляющая цветы; он ли, пришедший в восторг от этого до того, что готов, простите за выражение... подшаркнуть и цветам.

Присоедините к этому Валлер, в которой — что-то от викинга, богемы, артистки (великолепная исполнительница Иоганна Томазия), и... миста, стоящего со сложенными на груди руками перед воротами храма; и тут же выдернуть меч: и — трах-трах-трах: у того же «преддверия» — здоровая потасовка.

Представьте себе эту «триаду» основных обитателей «виллы Ханзи» и весь неопиcуемый стиль ее — перед вами.

***

Одет он был просто, до чрезвычайности; но все, что он ни надевал, — удивительно обрамляло его; неизменный сюртук, в котором появлялся он на доклады, собрания, в котором читал он, был часто — далеко не первой новизны; но сидел изящно; и вовсе не думая о сюртуке, доктор прекрасно носил его; умел носить; его сюртук, как бы делался в моем восприятии принадлежностью его тела, как и непроизвольно сбившаяся на лоб и непокорно бьющаяся прядь волос, которую он откидывал, то движением руки, зажавшей пенсне, то головным откидом; все, что ни делал он, было как жест — непроизвольно изящно, непроизвольно мило; и все мы любили, как нос, как глаза его, — его галстук, повязанный широко и свободно, кусок черного шелка с мотающимися концами; видел его я и одетым официально; на похоронах — в старомодном каком-то, особой формы цилиндре, не слишком высоком и с расширением кверху; этот цилиндр придавал ему что-то от фигур, изображенных художниками 40-х годов; сороковые годы истекшего века, годы идеализма, — они-то и придавали ему этот налет старотонности, почти старомодности, что в сочетании с печатью нового человека, человека будущих веков, так ярко сиявшей с его лица, придавало особенную остроту впечатления от всех его жестов; менее всего жило в нем настоящее, как бы стусеиваясь и пропуская прошлое; более всего жило — будущее.

***

...происхождение же «шарфа» — таково: доктор смолоду никак не умел постичь искусство завязывания галстука, что ему подчеркивали дамы, пока одна из них, взяв шелковую тряпку (а может свой бант), не перевязала доктора: ларчик открылся; «несчастные» галстуки были заброшены; и всю жизнь он перевязывался шарфом, элиминировав непокорный галстучный узел.

Соедините сюртучок, развевающийся пышный шарф, старенький зонтик, шляпу с черными полями и... ботфорты, почти до колен — странная картина: ботфорты он надевал в грязные дни (в Дорнахе на работах временами было непролазно). Фигура — ни на что не похожая; а все вместе — «какое-то, эдакое свое»: изящно, невинно, откровенно, мило.

Поражали меня невинной наивностью вкусы доктора: о, он не был безразличен к пище! У него были любимые блюда; двумя из них накормили меня дома, но всего раз: вареные, невкусные волокна какой-то травки (может быть, ревеня), горьковатые; и мятое тесто, облитое сладковатой подливочкой. Отведав эти блюда, мне стало стыдно: а мы-то с нашими деликатесами, «кухней»? Очень он любил «миндальное молоко», его главное питье.

***

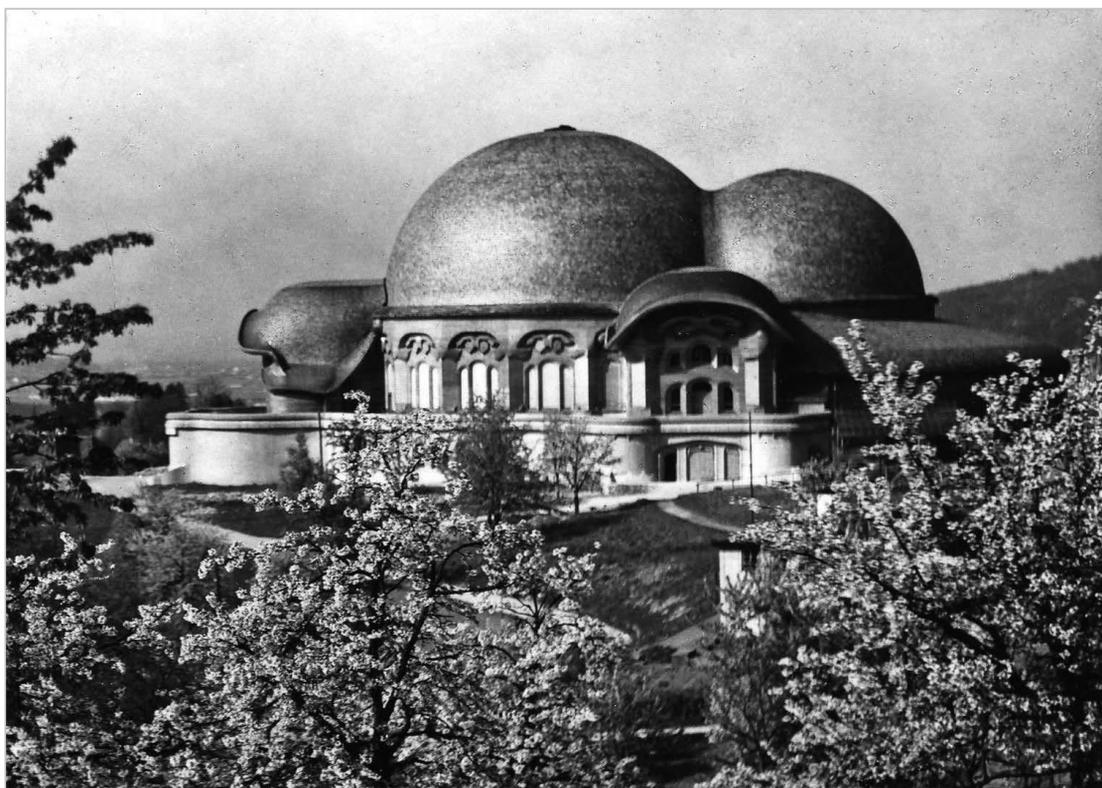
Видел я доктора в перемазанном стареньком пиджачке, в ботфортах (от грязи), месящего дорнахскую осеннюю глину, — старенького какого-то: лицо — в тысячах

морщинок. И в этом смиренном, как бы угасшем виде, он был *прекрасен*; красив, — нет. Говорят, — был и красив, не знаю, — с этой точки зрения я его не разглядывал. Для меня он был — прекрасен: всегда!

*«Вилла Ханзи»
2016*

Дом Слова

Был праздничный вечер, когда я впервые поднялась на Дорнахский холм. Снизу я уже видела между цветущими вишнями оба купола Здания. Тогда они еще не были покрыты серебристым шифером, позднее выписанным из Норвегии, а были застланы только свежим деревом и сияли, как золотые плоды, в лучах заходящего солнца. Наверху, на дороге между столовой, помещавшейся тогда в маленьком деревянном бараке, и территорией стройки мне повстречалась группа художников в светлых красочных рабочих блузах, спускавшаяся от Здания. Большинство были мне знакомы по Мюнхену. Вечернее солнце отражалось в их сияющих глазах. Больше всего мне запомнились синие глаза Вольфхюгеля и загорелое, будто вырезанное из дерева, лицо его друга Штрауса. Они здоровались со мной так, как, вероятно, блаженные души в раю здороваются со вновь прибывшими.

Я вошла одна на территорию стройки. Здание снаружи и внутри было заставлено лесами. Позади виднелся большой барак — помещение столярной — и несколько меньших. Через южный вход я вошла в окружавшую Здание бетонную галерею, где стояли заготовленные части гигантских архитравов — трехметровые деревянные массивы, склеенные из досок; в грубом очертании они намечали контуры будущих рельефов, создавая впечатление горных формаций неких пра-миров.

Некоторые уже обрабатывались художниками с помощью стамесок по восковым моделям Рудольфа Штейнера. Грани этих рельефов напоминали одновременно и кристаллические, и растительные формы. Одна форма вытекала из другой, вела к другой, дополняя, завершая ее. Ничто здесь не было замкнуто, казалось, будто единое существо открывало свою любовь в многообразии форм. Сразу отпали мои опасения, что новое искусство может оказаться мне чуждым. Извечно родными явились эти формы душе.

На другое утро я уже издали услышала постукивание сотен молоточков и колотушек; «Оно возникает» — охватило меня счастливое чувство. Может ли быть большее счастье, чем

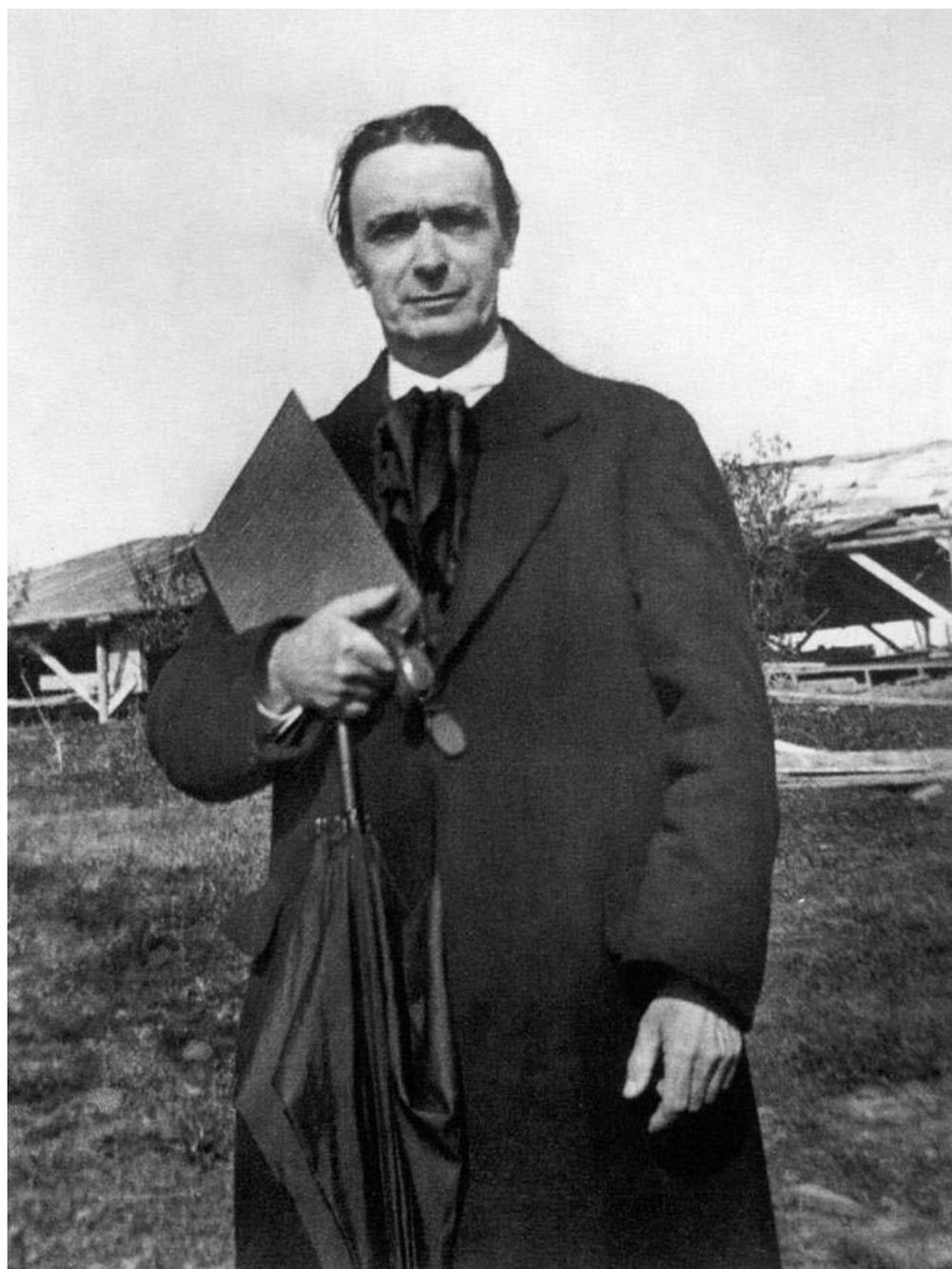
участвовать в создании произведения, в необходимости которого ты убежден? С таким же воодушевлением возводились, вероятно, средневековые соборы. Трогательны были пожилые люди, которые могли только точить наши стамески или растирать краски, и годами преданно этим занимавшиеся. Я думаю, что друзья, работавшие в то время в Дорнахе, согласятся со мной, что мы были полны тогда чистейшего воодушевления. И если позднее наше душевное состояние иногда и омрачалось, то это происходило потому, что каждый из нас привносил с собой извне мертвые мысли и сомнения, иллюзорные чувства, слабость воли или переоценивал свою собственную личность. А когда разразился ураган мировой войны, работа в Дорнахе должна была продолжаться под знаком этой трагедии.

Придя в это первое утро к Зданию, я получила, как и все художники, стамеску и колотушку. Мне показали одну из капителей в бетонной галерее и научили, как работать стамеской. В помещении столярной стояла модель Здания, сделанная самим Рудольфом Штейнером из воска. В разрезе были видны два круглых помещения с двумя пересекающимися куполами. Большее предназначалось для зрительного зала, меньшее — для сцены. По этой модели и по гипсовым моделям архитравов и капителей руководители групп указывали резчикам плоскости, какие они должны были освобождать от лишней массы дерева, удаляя его слой за слоем с помощью стамески. Направление борозд, проводимых стамеской, должно было совпадать с направлением плоскости так, чтобы получалось нечто вроде штриховки, в которой возможна игра света. Хотя удалялись очень большие массы дерева, нужно было работать очень осторожно и внимательно, иначе основа, из которой вырастали формы, могла внезапно стать очень тонкой и образовывалась дыра.

Около полудня перестук молотков постепенно замер. Рудольф Штейнер вошел в помещение. Здесь он показался мне более молодежавым и свежим, чем обычно на лекциях. В Дорнахе из-за глинистой грязной почвы на территории стройки он надевал высокие сапоги, что вместе с сюртуком, который он всегда носил, напоминало гетевские времена. Мне сказали, что накануне он начал сам работать со стамеской. Мы все последовали за ним в один из барakov, где тоже были выставлены детали архитравов. Он легко поднялся на

приставленные ящики и начал работать. Мы стояли позади, и я могла видеть его профиль и руки. Долго резал он молча, лицо его было сосредоточенно и радостно, как будто он внутренне прислушивался к чему-то прекрасному; это был как бы диалог с деревом. Бережно и уверенно снимал он слои дерева, как будто совершенно точно видел грани скрытой в дереве формы и желал только освободить ее от излишка материи. Затем он сказал приблизительно следующее: «В скульптуре надо чувствовать плоскости, думать о плоскостях в пространстве. Ребра в скульптуре должны возникать как результат, как граница между двумя плоскостями; их нельзя определять заранее. К ним надо относиться с любопытством, это очень помогает». Закончив, он обратился к маленькой черненькой девушке из Австрии и сказал ей: «Вам надо на несколько дней оставить работу, Вы слишком переутомились». Она послушалась очень неохотно.

1914

Когда вслед за тем я поздоровалась с Рудольфом Штейнером, он спросил меня, как понравились мне эти формы. Всегда при встрече с Рудольфом Штейнером, когда он с вами здоровался и вы встречали его дружелюбный взгляд, вам чудилось, что этот миг — из будущего. Вы чувствовали: того, кого он сейчас приветствует и кому дано его приветствовать, того, собственно говоря, здесь нет. И вы отвечали ему, давая внутренний обет стать некогда тем, кого он в вас видел. Взгляд, выражавший величайшую уверенность в победе, в то же время говорил о всей серьезности мировой трагедии, даже о мировой катастрофе. Любовь, которую вы встречали в его взгляде, родственна смерти: она вас судит и в то же время ободряет. Вы чувствовали себя как бы вырванным из времени, и нужно было сохранять всю силу и трезвость мысли, чтобы отвечать ему по существу заданного вопроса, а я в то время этого не могла. Поэтому мой ответ был неловким и слишком сдержанным, чтобы он мог из моих слов понять, как сильно я уже полюбила эти формы. Он сказал: «Они Вам еще понравятся. Я хотел бы, чтобы Вы научились понимать это Здание как Здание с одной осью симметрии; здесь впервые делается попытка построить Здание с одной осью симметрии».

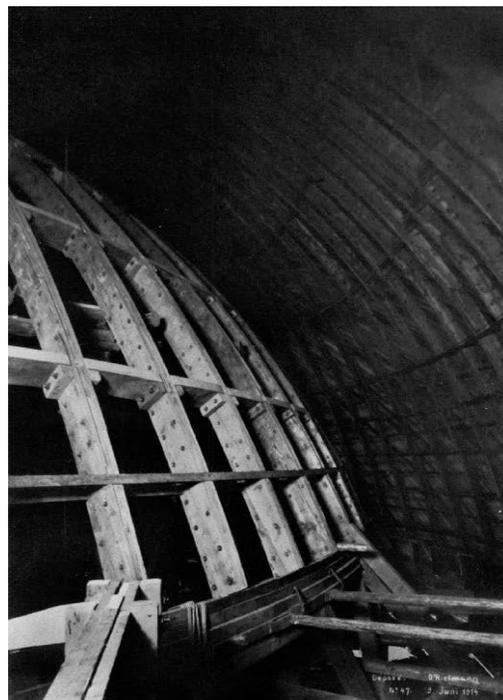
В полдень мы все пошли в столовую. За выскобленными столами сидели веселые люди. За столом «сильных мужчин» (живописцев и скульпторов), большинство которых я знала раньше, я увидела незнакомого мне человека, более старшего по возрасту, с бородой, романского типа, в синей блузе. Его здоровье и свежесть бросались в глаза. У него были очень длинные пальцы и перстень с печатью. «Это наш главный инженер, директор Базельского строительного общества. Он помогает Рудольфу Штейнеру в технических вопросах». Когда после обеда мы шли к Зданию, я познакомилась с ним и спросила — что имел в виду Рудольф Штейнер, говоря об одной единственной оси симметрии нашего Здания. Он пригласил меня в свое помещение на стройке, показал чертежи и объяснил числовые соотношения, положенные в основу Здания.

В плане — это два пересекающихся круга. По семь колонн справа и слева несут мощный архитрав большего помещения, предназначенного для зрительного зала; меньший архитрав в помещении для сцены поддерживается двенадцатью колоннами. Благодаря наклонной плоскости пола в зрительном зале, задуманном в виде амфитеатра, колонны в нем по направлению к просцениуму должны становиться все выше и вместе с тем, соответственно, толще. Скульптурные формы цоколей, капителей и архитравов задуманы в движении, в развитии по направлению с запада на восток. Таким образом, в этом Здании только правая южная и левая северная стороны отражают друг друга. Благодаря этому преодолевается статика замкнутой формы и создается впечатление движения, становления.

Через несколько дней инженер провел меня по лесам и показал конструкцию меньшего купола. Оба купола имели двойное покрытие, сконструированное по принципу резонансной деки у скрипки. Очень своеобразное ощущение — очутиться в пространстве между двумя возвышающимися один над другим сводами, образованными внутренним и внешним покрытием малого купола. Все привычные пространственные соотношения здесь исчезали.

<...>

Однажды, придя на работу, мы узнали, что сегодня перед обедом Рудольф Штейнер прочтет лекцию для работающих на стройке. Мы

собрались в столярной и разместились, кто как мог, на досках, ящиках и машинах. Когда Рудольф Штейнер вошел, ему, видимо, понравилась пестрая картина собравшейся публики.

Эта лекция была первой из цикла, читавшегося сначала только для работающих на стройке, а затем для все расширяющегося круга слушателей. Прежде всего он заговорил об ответственности, которая возрастает по мере того, как все большие денежные средства предоставляются друзьями в наше распоряжение. Замысел этого Здания, сказал он, может быть только малым началом совершенно нового направления в искусстве. Эту ответственность мы несем сами перед собой, потому что профессиональная критика всегда отзывается отрицательно, когда в мире появляется нечто новое. Затем он рассказал, какое тяжелое впечатление в студенческие годы в Вене производили на него работы тогдашних венских архитекторов, несмотря на выдающиеся дарования многих из них. Их материалистическое отношение к искусству приводило его прямо-таки в отчаяние, потому что как орнамента, так и весь архитектурный стиль выводился ими только из технических и утилитарных соображений. И он говорил о нашем Здании, внутреннее строение которого является отпечатком звучащего в нем Слова. Наше Здание есть целостный организм.

Ежедневно перед обеденным перерывом Штейнер с Марией Яковлевной и руководящими сотрудниками обходил все работы. Вокруг него образовывались группы, напоминавшие рафаэлевскую «афинскую школу». Одни разворачивали архитектурные чертежи, проекты оконных рам или дверей; другие показывали доски с эскизами живописи. Третьи подходили к нему с гипсовыми моделями капителей, за разрешением тех или иных скульптурных проблем. Каждый сознавал свою собственную малость, хотел только учиться, только служить великому делу. И Рудольф Штейнер, принявший на себя для выполнения этой задачи величайшие труды и заботы, — как благодарно принимал он малейшее сотрудничество!

Однажды, корректируя один архитрав, он сказал: «Эта форма здесь слишком пухлая, у нее слишком много живота». Только постепенно я поняла, что он хотел этим сказать. Только

постепенно открылось мне существо скульптурных форм Гётеанума и скульптуры вообще. Искусство скульптуры рождается из потребности человека проецировать в пространство и привести к покою силы, которые формируют и оживляют его тело. Но этот покой не имеет в себе ничего статичного; это — равновесие полярностей, это — напряжение, ритм живой метаморфозы форм. По законам всего живого углубление следует за возвышением, сгущение за расширением. Совершенствующееся одно за другим во времени здесь становится пространственным. Между мертвой формой кристалла и бесформенной пухлостью скульптура должна находить живую середину. Так, двояковогнутая поверхность может не быть ни застывшей, ни бесформенной. Я помню еще, как Рудольф Штейнер демонстрировал этот принцип, крутя и выгибая поля своей мягкой фетровой шляпы. «Формы нашего Здания, — сказал он, — не взяты у природы, хотя многие, конечно, будут искать здесь сходства с природой. У природы художник может учиться тому, как она творит свои формы; но он не должен останавливаться на ступени ученика, он должен научиться черпать из тех же источников, откуда природа черпает свое творчество». И — внезапно обратившись ко мне: «Вы с этим не согласны, фрейлейн Сабашникова?» Он всегда называл меня — как он сам сказал, намеренно — моей девичьей фамилией. Я ответила: «Конечно, согласна!» Но после того я спросила сама себя — действительно ли я так разделалась с натурализмом, как я думала. Конечно, меня не удовлетворял натурализм, но еще меньше — теософские символические картинки, выдуманные или визионерские образы. Кубизм, который к живому относится как к неживому, казался мне демоническим, футуризм, насколько я его в то время знала, — выдумкой. Я любила старые мозаики и русские иконы, но каким языком хочет говорить дух нашей эпохи — я не знала.

Однажды утром, когда я работала, инженер шепнул мне, чтобы я шла за ним. В большом зале леса были сняты. Капители были уже поставлены на колонны. Кран поднимал гигантские блоки архитравов, устанавливая их между колоннами и куполом. Эта циклопическая работа, казалось, была для современной техники детской игрой — так легко и быстро все происходило. И инженер, руководивший расстановкой блоков, показался мне чем-то вроде волшебника.

После ужина я снова пошла к Зданию. Был один из трех самых долгих дней года, и лучи заходящего солнца через открытую западную сторону Здания освещали своим теплым сиянием множество оттенков дерева на скульптурных формах колонн. Затем наступили сумерки. Внезапно я услышала шаги и кто-то включил в большом куполе свет, резко осветивший архитравы. Это был Рудольф Штейнер, пришедший осмотреть пластику зала. Я хотела уйти, чтобы не мешать ему, но он сам начал разговор. «Все это должно еще стать совсем иным, — сказал он, — это еще не живет». Рудольф Штейнер долго рассматривал формы и повторил: «Все это еще должно быть переработано». В глазах его была большая печаль. Каким одиноким должен был он себя чувствовать! Никто из нас не мог тогда создать такие формы силой собственного переживания. В зале вновь поставили леса и резчики еще более года работали над архитравами. И все же в то короткое время, когда эту залу можно было видеть как законченное целое, она производила невыразимо торжественное впечатление.

Скульптурные формы архитравов большого зала отличались по своему характеру от пластики малого зала. Как начальная волна, в простых чистых плоскостях, вырезанных из белого бука почти минеральной твердости, вздымался свод архитрава над главным входом на западной стороне Здания и двигался затем к востоку в так называемом «мотиве змеи». Но с востока навстречу ему шли мощные силы. В этом диалоге сил рождалось движение форм. Мотивы рельефа проходили через различные породы дерева (ясень, вишню, дуб, вяз, грушу), подобно смычку, прикасающемуся к разным струнам. И каждое дерево отзывалось из глубины своего существа. Когда позднее Рудольф Штейнер объяснял формы капителей, связывая их с сущностями разных народов, он сказал, что эти соответствия открылись ему только потом. Так через эти формы говорили извечные законы, действие которых познаваемо через различные явления в различных областях жизни. Когда один художник

признался Рудольфу Штейнеру, что эти формы ничего ему не говорят, Рудольф Штейнер ответил: «И все же, милый мой, Вы встречаетесь с ними каждую ночь!» Это значит, что наш дух, освобожденный ночью от тела, находится в той сфере сознания, где действуют эти творящие первообразы и силы; они всегда присутствуют в нашем подсознании, здесь же силой искусства они подняты в сознание.

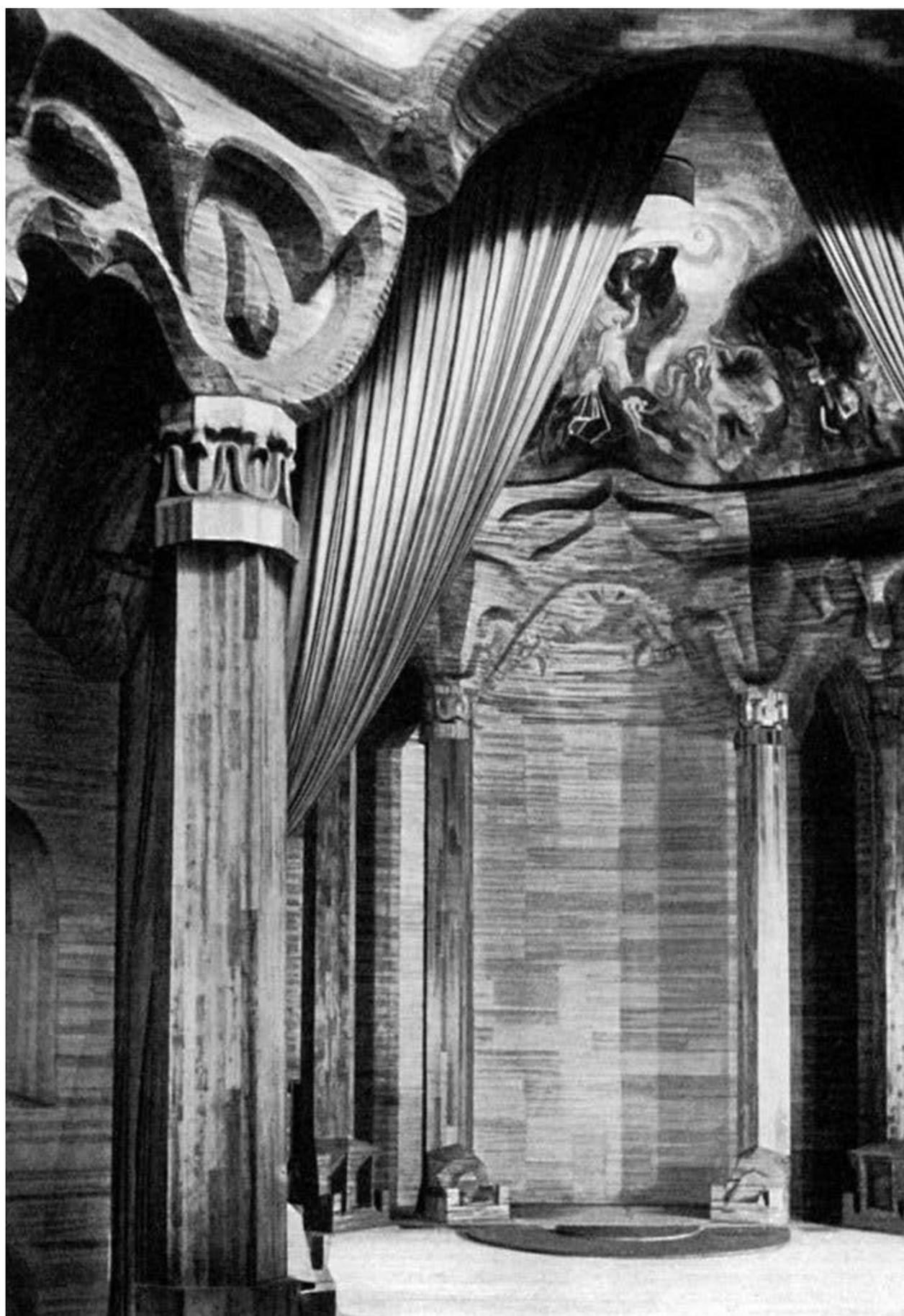
В меньшем зале направление верх-низ ощущается подобно дыханию. Скульптурные формы этого зала я воспринимала, как звучание хрустала. Между двумя последними колоннами на восточной стороне зала под деревянным резным сводом, так называемым "балдахином", должна была стоять большая деревянная скульптура, в гранях которой сливалась в единое созвучие вся пластика Здания. Объединяя собою верх и низ, левое и правое, она была исходной точкой и, вместе с тем, завершением всего помещения в целом. Человеческая фигура на невысоком постаменте — «Представитель человечества» — так называл ее Рудольф Штейнер, избегая догматических наименований. Из правой, опущенной вниз руки как будто исходит сила, направленная в землю, к существу, скорчившемуся в глубокой пещере под выступом скалы; у него — голова человека, крылья летучей мыши, узловатые корнеподобные конечности, почти сливающиеся со скалой. Левая рука центральной фигуры поднята к другому существу, свергающемуся с высоты головой вниз; оно само ломает свои крылья, потому что не выносит близости Христа. Прекрасное лицо этого существа соткано из всецело подвижных форм, а крылья его, соединяющие уши и гортань, кажутся движущимися в согласии с ритмами гармонии сфер. У верхней и у нижней фигуры все — противоположность.

У правой фигуры перевешивает нижняя часть лица, что говорит о крепкой связи с материей. Формы этой фигуры как бы втиснуты в скалу, согнуты; широко расставлены раскосые глаза; все члены судорожно сжаты, как от холода, узловаты. У верхней фигуры слева, напротив, чрезмерно большой лоб и все формы как бы изнутри раздуты пламенным самоутверждением. Черты лица близки к греческому идеалу благодаря выпуклой переносице и миндалевидной форме глаз. В средней же фигуре — равновесие противоположностей, приятие трагедии. Страдание, преобразившееся в Силу и Любовь, — такое впечатление я испытывала всякий раз перед этой статуей. И вспоминала слова одной простой русской женщины: «Христу ничего не надо, Он светит и во тьме».

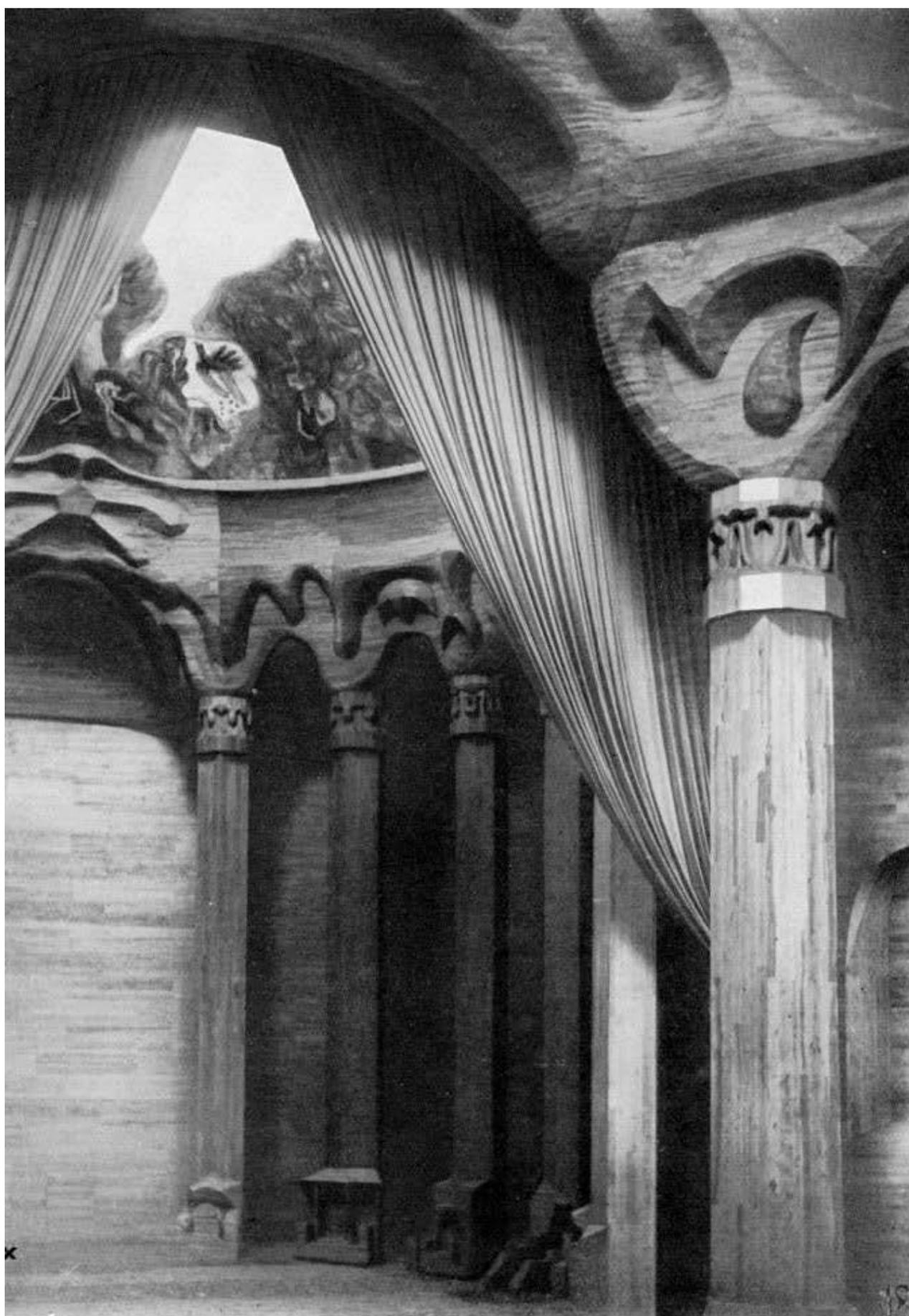
Число работников на стройке росло. Люди приезжали из всех стран. Также и из Москвы один за другим появлялись друзья. Пестрое общество, бродившее тогда по улицам Дорнаха и Арлесхайма, совсем не походило на местных добропорядочных обывателей. Оно было в буквальном смысле пестрым. Я как теперь вижу хорошенькую простодушную польку из Парижа, в необъятно огромной шляпе, в ярко-оранжевом или красном платье, прогуливающуюся с элегантным голландским музыкантом. Или француженку-художницу с ее как бы явившимся из древности полуорлиным, полульвиным лицом, с короткими черными волосами, в облегающем, похожем на рубашку, коротком платье без рукавов, цвета песчаной пустыни, с крупными смарагдами и топазами на когтистых пальцах, кутающуюся в холодную погоду в широкую меховую шаль. Русские — хотя они этого или нет — почти всегда выглядят несколько странно. Эти фигуры — из Швабинга, Латинского квартала, Москвы — вызвали негодование добропорядочных деревенских обывателей. Уже одно то, что у нас допоздна горел свет, казалось им легкомысленным расточительством. Скоро и священник католической церкви начал в своих проповедях поносить антропософию как «противохристианское учение».

Большой зал Гетеанума

Малый зал (сцена) Гетеанума, вид первый

Малый зал (сцена) Гетеанума, вид второй

Стены исчезают

Вскоре после моего приезда Рудольф Штейнер нанес на восковую модель большого купола цветные контуры. Некоторые художники уже получили от него эскизы и работали в помещениях, отведенных под мастерские. Было решено, что я буду работать по росписи малого купола. «Потерпите немного, — сказал мне Рудольф Штейнер, — и продолжайте еще некоторое время резать; мне еще надо подождать, пока у меня получится».

Ставить вопросы перед духовным миром и благоговейно ждать ответа — не значит быть пассивным. Ежедневно могли мы видеть, с какой энергией Рудольф Штейнер искал новые технические и художественные приемы, как он постоянно экспериментировал, преодолевая величайшие трудности.

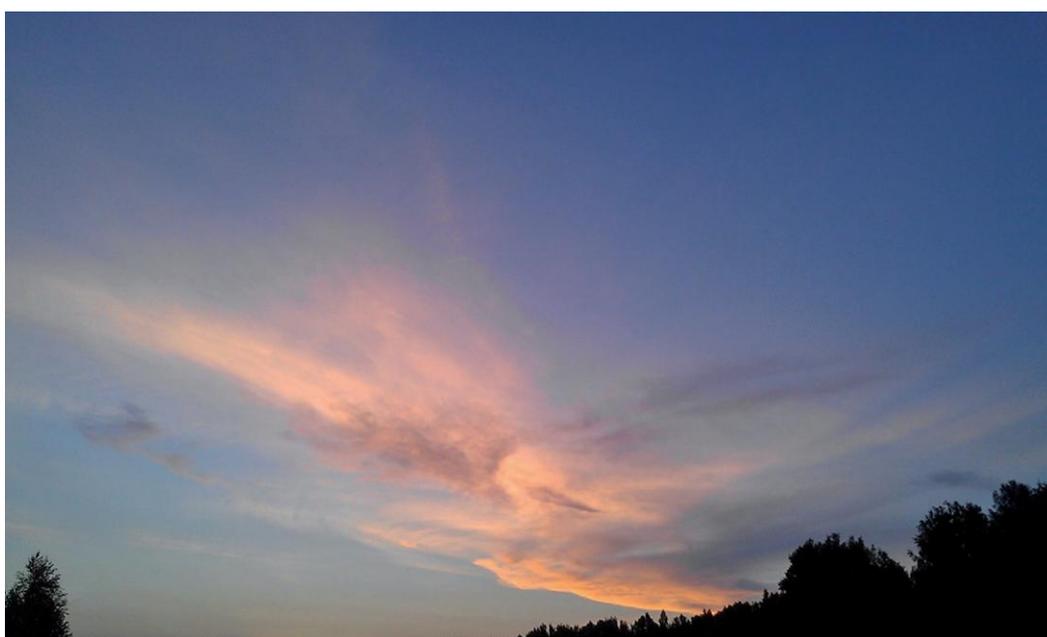
Однажды, еще в самом начале, я зашла в мастерскую одного из старших художников, работавшего над своими проектами росписи большого купола. К нему пришел Рудольф Штейнер, и они обсуждали вопросы, касающиеся растительных красок, которыми мы должны были пользоваться для живописных работ в Здании. Такие краски по указанию Рудольфа Штейнера были уже заказаны. Речь шла о грунтовке и о методах живописи. Первая грунтовка должна быть очень белой, чтобы свет проходил сквозь ее прозрачные слои и затем через краски. Она состоит из мела, казеина и различных смол. Воск, целлюлоза и смолы второго прозрачного слоя должны защищать нежный растительный пигмент и сохранять его живым, подобно окраске цветов. На эти прозрачные слои грунтовки краски ложились так, как будто они парили в пространстве, пронизанном светом. Не принимая участия в разговоре, я стояла и думала: какой исторический момент мы переживаем — Посвященный оплодотворяет своим знанием различнейшие области жизни, вплоть до мельчайших деталей!

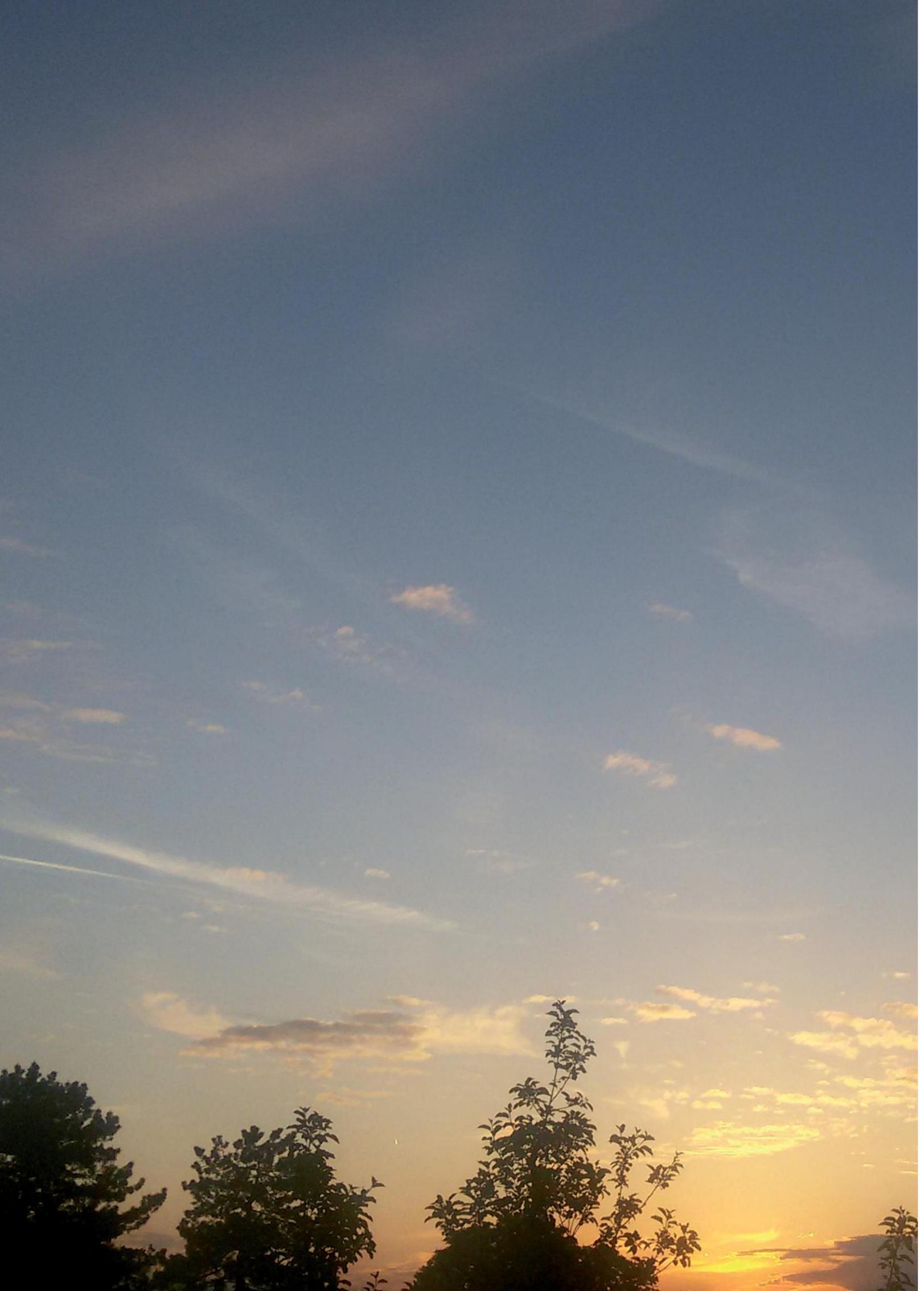
«Что же Вы стоите с таким набожным видом и молчите?» — иронически спросил меня Рудольф Штейнер. «Я слишком мало понимаю в органической химии», — сказала я в большом смущении. О, если бы я тогда откликнулась на этот призыв: интересуйся же, возмись, изучай, ищи! Да, пассивная набожность не была служением его делу. Поднимаясь иногда на леса большого купола, я видела гигантские образы, возникавшие на поверхности свода. На востоке, там, где пересекаются два купола, простиралось большое фиолетово-коричневое поле. Оно имело форму чаши, открытой к востоку, и заканчивалось, уже переходя в малый купол. С востока наплывала красная волна, расходясь к югу и к северу.

Высылая вперед себя оранжевые и желтые потоки, она изливалась в сине-зеленое поле на западной стороне свода. Из динамики этих красок — теплоты, стремящейся вперед, и прохлады, омывающей ее и погружающей в глубины — возникало на каждой стороне свода свое вихревое движение. В этом движении вставали образы миротворения. Ничто в этом Здании не было изображением уже сотворенного, все было как бы новым творением из предвечного Слова. И Слово здесь, в мире красок, в сиянии Красного стало жизнью; в Желтом, как в свете духа, оно светило в сине-зеленую тьму.

Мотив Фауста с летящим ребенком

Эти образы могли быть созданы или ребенком из первоначальности и наивности его сознания, или же величайшим мастером.

Тогда я смотрела, как возникали одна за другой детали росписи, по-детски поражаясь и не раздумывая много об их смысле. Позднее, когда я несколько лет имела возможность рассматривать отдельные части в их взаимной связи, я осознала драматику красочных композиций в целом.

Большой купол соответствует голове человека. В нем представлено прошлое человечества от древнейших времен до эпохи греческой культуры. В произведении искусства важно не содержание, которое можно выразить словами. И в этой живописи действовала, прежде всего, драматика красок, каждая проходила свой путь, свою судьбу. Красная текла сначала как сияющий поток божественной жизни с востока; через синих и сине-фиолетовых существ, самоотречение отступавших в этой синеве, она — в виде красных лучей — расходилась дальше, даруя себя всем творениям, пока одно существо в центре купола, изображенное в формах, напоминающих о грехопадении, не захватывало это Красное для себя, выступая затем как Люцифер во всех композициях, представляющих различные эпохи культуры. Грехопадение Красного — в большом куполе, спасение его — в малом.

Как пластика обоих куполов, так и живопись в них очень отличались по своему характеру. В большом куполе преобладали цветовые волны, из которых выплывали

отдельные композиции. В малом куполе действовали фигуры. То Красное, что в большом куполе, изливаясь из сияния божественной нераздельной жизни, проходит как бы через грехопадение, в малом куполе, проходя через розы над фигурой «Славянина» и через «Люцифера, просиянного Христом» (в центральной композиции), обретает спасение, освящается. Красная кровь, носитель эгоистического Я, силой Креста — через жертву спасенной страстности — становится чистой, как сок цветка розы, становится носителем индивидуальности, просиянной Христом. Здесь, в мире красок, совершается мистерия Грааля. И то Золотисто-Желтое — блеск духа, — которое в цветовых ландшафтах большого купола выступало в окраске неба, здесь становится одеянием Спасителя.

Над темным холмом Голгофы, весь в золотом сиянии, вставал Он — та же фигура, что и внизу, в деревянной скульптуре, тот же жест между двумя мировыми силами. Левая рука поднята как бы в знак победы. Из сердца Христова восстает в красном пламени Люцифер, устремляясь к зеленому небу утренней зари. Позднее, по просьбе художников, Рудольф Штейнер сам выполнил роспись малого купола. Какое мощное движение, какая плавающая жизнь неслась, подобно буре, через наслаивающиеся друг на друга цветовые потоки, переплетающиеся в едином целом, создавая внепространственное пространство! Из этого становления, из потоков этого пламени проглядывали лики вечных Энтелехий. Они выступали в розоватых линиях, с чертами, большей частью асимметричными, очень далекими от греческих идеалов красоты, и все же прекрасные в суровом сиянии Истины. Светотень здесь служила не целям скульптуры, но взаимодействию с существами света и тьмы. Громадные мировые пространства открывались в этих цветовых перспективах. Казалось, что слышишь беседу иерархий. И все же — в этом кипении был покой. В целом малый купол производил впечатление теплоты, торжественности, гармонии. В росписи малого купола располагались по кругу Представители культурных эпох. Мне было поручено написать Представителя египетской культуры. Рудольф Штейнер принес мне в мастерскую два листочка. На одном цветными карандашами была намечена композиция, на другом простым карандашом она была дана детальнее. Египетский посвященный, в синих и золотых тонах, сидел в иератической позе на троне, руки его лежали на двух прозрачных опорах, цвет которых, снизу сапфирно-синий, переходил наверху в зеленоватый. За ним видны были два взаимно пересекающихся треугольника: синевато-фиолетовый с острием, направленным вверх, и синевато-розовый, острием вниз. Двенадцати тронам в росписи купола соответствовали внизу двенадцать сидений, вырезанных на каждой колонне малого зала. Над фигурой Египтянина возвышался ангел, выдержанный в бледно-розовых тонах, а еще выше — огненно-красный архангел.

Одновременно и другие художники, работавшие в малом куполе, получили эскизы. Измерив поверхность, которую я должна была расписать, я заметила, что крылья моего ангела и руки архангела далеко простираются в поле работы обоих моих соседей. Очень обеспокоенная недостатком места, я сказала о своем затруднении Рудольфу Штейнеру. Он ответил: «Но ведь это совсем не важно. В духовном мире вещи не стоят рядом, они пронизывают друг друга».

Второй фигурой, порученной мне в кругу Представителей культур, была фигура «Славянина». В светло-розовых тонах вставал образ Русского; взор его поднят к видению креста, увитого розами. От него отщепляется его темный двойник. Сине-голубой ангел, одной рукой благословляя Русского, другой указывает ему на странное существо, приближающееся к нему из небесных далей, — красного крылатого коня с лицом человека и восемью ногами. Это существо заставило нас много потрудиться. Рудольф Штейнер нарисовал его еще раз, значительно крупнее, чтобы легче было в него вжиться, но этот второй рисунок был абсолютно подобен первому. Я спросила его: «Каким должно быть лицо Русского?» Он ответил: «Не следует изображать его ни сентиментальным, ни страдальческим, но сильным и радостно смотрящим в будущее». Мы в малом куполе работали мирно. Так же мирно, бодро, неподвижно, не мешая друг другу и не общаясь,

выстраивались по кругу написанные нами фигуры — до тех пор пока, как я уже говорила, Рудольф Штейнер своей собственной живописью, как ураганом, все не перевернул.

Не так мирно шла работа в большом куполе. Там моя французская приятельница свойственными ей сильными, пламенеющими красками писала монументальную голову Индуса, совершенно убивая этим своего соседа — милого старичка из Праги. Он считал, что краски действуют тем духовнее, чем они бледнее. И он писал так «сверхчувственно», что снизу почти ничего не было видно. Он страдал глухотой, поэтому у его жены развился необыкновенно сильный голос. Она энергично выступала в его защиту, и под гулками сводами большого купола ужасающе грохотала «битва в небесах».

Когда кто-то из художников пожаловался Рудольфу Штейнеру на свое собственное или еще чье-то «не могу», Штейнер сказал, что смысл работы над Зданием состоит также в том, что люди здесь учатся. Какая малость эти наши «могу» и «не могу» по сравнению с абсолютной новизной нашей задачи! «Мы никогда не готовы к выполнению какой-либо задачи; мы растем вместе с задачей».

«Глас-хаус — Стекольный Дом»

Летом закончилась постройка мастерской для шлифовки оконных стекол. Открытие мастерской было отмечено лекцией Штейнера. Мы украсили помещение гирляндами роз и расставили длинные ряды импровизированных скамеек перед кафедрой, помещенной под куполом. Я видела, что сам Рудольф Штейнер был захвачен красотой сводчатого зала. Время было к вечеру, косые лучи солнца освещали теплое дерево стен. Штейнер стоял перед трехстворчатым, еще не застекленным окном. Собиралась гроза. Как проникновенно, с какой теплотой, даже благоговением, Рудольф Штейнер говорил о предстоящих нам задачах, далеко выходящих за пределы всего личного и требующих от нас лучших сил нашего сердца и разума. Здание может стать для нас путем самовоспитания, средством подъема над личным.

Подобные строительства станут образцами, в них могут раскрываться человеческие качества, истинно достойные человека. Между тем разразилась сильная гроза, лектору приходилось повышать голос, чтобы его не заглушали удары грома. Когда после лекции мы

выходили из Здания, гроза уже кончилась. На западе, в чистейшем сине-зеленом небе сияла Вечерняя Звезда — большая и торжественная.

В «Стекольном доме» художники-граверы работали над цветными стеклами для трехстворчатых окон Здания. Здесь эти стекла временно вставлялись в окна мастерской. Техническая установка для этой работы походила на электрический зубоорудный аппарат. Карборундовым наконечником художник вырезал в теле стеклянной пластины светлые места рисунка. От перегрева стекла и от стеклянной пыли предохраняла непрерывно текущая водяная струя. Так образ возникал через осветление затененной глубины. Художники сидели на высоких табуретах в непромокаемых плащах. «На этой работе, — рассказывал мне один из них, — приходило настоящее понимание отношений между темным, означающим в то же время тяжесть и плотность материи, и светлым — легкостью и прозрачностью ее». В тех местах, где работающий прилагал больше усилий, больше активности, возникал свет; где была инертность, там оставалось темное. Так художник в процессе работы переживал духовную реальность светотени. Эскизы Рудольфа Штейнера для стекол, часто только едва намеченные карандашом, сильно отличались по своему характеру от эскизов к росписи куполов. Еще более простые и таинственные, они были полны тем торжественным покоем, который можно увидеть на лице умершего. И как действовали они потом, уже в Здании, когда само солнце наколдовывало эти рисунки на трехстворчатых окнах, сиявших, как драгоценные камни, под их темными резными сводчатыми обрамлениями между архитравом и стенами! Триединство первого окна — зеленое, второго — синее, затем — лиловое и персиковое, симметрично расположенные на юге и на севере. Они не открывали взору внешние ландшафты, не улавливали обыденный белый дневной свет, они указывали путь в иные миры.

Цветной свет струился в Здании, превращая простое трехмерное пространство в какое-то иное, качественно расчлененное, живое, создавал цветные тени на поверхностях колонн и рельефов. Ряды деревянных стульев с их закругленными спинками мерцали, как перламутровые чешуйки, и каждый человек, который двигался в этом живом пространстве,

являлся все в новых аспектах. Обратная перспектива в архитектуре, благодаря увеличивающимся к востоку колоннам, завершала это новое переживание пространства.

При выходе из Здания через западную дверь взор посетителя встречал в вестибюле большое трехстворчатое окно с изображением так называемого «Мотива посвящения»: гигантское лицо, окруженное космическими существами. В средней части — Лев и Телец в одеяниях священнослужителей «нашептывают ему, — как выразился Рудольф Штейнер, — на волнах звукового эфира космические тайны».

В древних мистериях Божество встречало миста словами: «Познай себя!» В этом познании, которое было в то же время творческим актом, человек находил в себе свое божественное происхождение; и его ответ гласил: «Ты еси!» Так и дух этого Здания всеми своими формами и красками обращался ко входящему, побуждая к самопознанию; а то, что затем поднималось из глубин его существа как ответ, выступало здесь ему навстречу в этом лице, в котором божественность человеческого существа открывала себя Космосу.

Ниже этого громадного лица, в углу, виднелось светлое крылатое существо, побеждающее дракона. Архангел, свободный от всякой земной тяжести, смотрит прямо перед собой в дали мира. «Если бы Михаил смотрел на дракона, он должен был бы его признать», — сказал Рудольф Штейнер. Не заложен ли в этих загадочных словах ключ к пониманию художественного существа Гётеанума и вообще борьбы Рудольфа Штейнера с той силой, которая только внешне воспринимаемое считает реальностью?

Маргарита Сабашникова-Волошина, главы из книги «Зеленая змея»

Представьте четырнадцать гранных и мощных колонн (в поперечнике каждая занимает не менее полутора метров), колоннада обходит пространство отчетливым кругом, асимметрично стоит пятигранник колонны на шестиграннике цоколя, все четырнадцать цоколей, как и колонны, — из дерева; и отношение углов пятигранников к шестигранникам переменится всякий раз, по отношению к цоколю асимметрична колонна, как бы образуя капризнейший сдвиг; сумма сдвигов слагает гармонию, кажется, круг из колонн завертелся и хочется ухватиться рукою за что-нибудь; головокружение нападает в летающих стенах от впечатления пляски колонн... И, опираясь на них, на размашистом шаге крутых и косых полудужий построена: великолепная фантастика архитравов, прыгучих и гранных, соединяющих с куполом; многограние их образует во мне фугу Баха; простой лейтмотив над колоннами белого бука — гранится, сложнится, змеится; попарно взлетели граненые архитектурные формы: между колоннами вишни и дуба; и — далее: между березой и кленом — невероятные сложности все того же простого мотива: так, тема в вариациях осуществляет себя — истечением форм; точно стены, срываясь с мест, начинают кидаться по всем направлениям; перепружились, заходили на дугах их мускулы; пляска колонн и летание стен — кружит голову нам; с чем не справился гениальный Роден, здесь достигнуто в архитектурном здании; именно: явлена форма в движении. И оттого-то, вступая в пространство огромного зала, которого пол — под углом, начинает казаться, что стены разорваны; неизмеримости отовсюду глядят через разрывы...

Андрей Белый

Настоящим искусством может быть только передача того, что человек ощущает в связи со Вселенной. Разумеется, это может осуществляться в различной степени, с различных точек зрения, но в целом только то может быть произведением искусства, что вызывает в человеческом чувстве впечатление мировых тайн, которые может раскрыть душа благодаря этому произведению искусства.

R.S., GA 229

Было нелегко в тогдашнее военное время собрать материал для лекций по искусству, и пришлось кое от чего отказаться. Какими простыми, даже очевидными были зачастую слова, комментирующие эти картины! Кто-то, пожалуй, скажет, читая их в записи: «Ну да, это все известно». Конечно, то, что грек в своем пластическом искусстве искал идеальную красоту — известно. Рудольф Штейнер никогда не затрагивал самого произведения искусства: его слова вводили интуицию слушателей в мастерские творческих импульсов, где оно возникало. Мы приобщались к греческому переживанию красоты. Сколько тепла было в его голосе, когда он говорил о Рембрандте! Слово сама картина Рембрандта присутствовала в затемненной столярной, — только воздействуя с экрана, освещенного лампочкой на пульте. Чимабуэ и Джотто, Рафаэль и Микеланджело: их действие в развивающемся духовном организме человечества воспринималось как живительные удары пульса. Потребовались бы годы работы, чтобы представить это переживание в виде наглядной картины. Однако в этих лекциях содержались указания пути истории нового искусства. В связи с этим можно выдвинуть несколько следующих тезисов.

В свете этой истории искусства группа Гётеанума с жестом Христа «Я не сужу» представляет собой первую примету направленного в будущее художественного импульса. Мотив «Страшного суда», имеющий истоки в глубочайшей древности, воспроизводится в гневном юном Боге Сикстинской капеллы; мы можем проследить этот мотив на протяжении столетий. Выйдя из потаенных культовых мест Египта, он обернулся к улице с порталов средневековых соборов, вступил прямо в повседневную жизнь. На главном романском портале собора в Отуне он оказывается символом порога: ...Христос восседает на троне между блаженными и монстрами, разрывающими на части людей, — кроме того, он являет Себя в преображении астрального начала у священных оленей и павлинов, которые стремятся к живой воде. Внимательный глаз обнаружит в этих метаморфозах тезиса «Познай самого себя» те сокровенные пути, цель которых — Представитель человечества, стоящий между люциферическими и ариманическими силами. Средневековье придавало им обличье драконов и драконоподобных львов. Самые ранние из таких изображений присутствуют в мозаиках архиепископальной капеллы Равенны (Христос-воитель, попирающий змею и льва).

После победоносного шествия мотива Судии мира можно распознать первые робкие шаги нового мотива «Я не сужу» на «Тайной вечере» Леонардо, — в жестах рук Христа.

Ася Тургенева

Эта скульптурная группа — всецело плод его духовных поисков. Он вылепил макет, соответствующий его видению Христа, явленного духу в наше время. Фигура Его огромна. Левая рука поднята вверх, правая опущена к земле. Подобно фигурам на носу корабля, рассекающим сопротивляющиеся волны, Христос прокладывает Свой путь среди противодействия. И чудо совершается. Одно Его присутствие делает бессильными и разделяет противников. С вершины слева — дух гордыни и иллюзии, Люцифер, внушающий человеку чрезмерность, падает низверженный, в то время как дух отрицания и земной тяжести, который затягивает человека в материю, Ариман, запутывается в своих собственных корнях. Пространство, отведенное каждому из них, оставляет свободным центральное место для Христа, и с Ним — для каждого человека, нашедшего свое равновесие между ангелом и зверем. Снова человек оказывается здесь между противоположными силами, обретая в этом равновесии свою свободу.

Симона Риуз-Короз

*Скульптурная группа
«Представитель человечества между Ариманом и Люцифером»*

Божественная сущность, живущая и творящая в мире, — приложим ли к ней предикат всемогущественнейшая? Чувственные предрассудки должны умолкнуть; если бы Бог был всемогущим, то Он определял бы все, что происходит, и человеческая свобода, таким образом, была бы невозможна. Всемогущество Бога исключило бы человеческую свободу. Несомненно, всемогущественного Божества не существует, если человек может стать свободным.

Всемудро ли Божественное? Поскольку стремление к богоподобию составляет высшую цель человека, то наше стремление должно быть направлено ко все мудрости. Но является ли все мудрость высшим добром? Если все мудрость является высшим добром, то в каждый момент должна разверзаться колоссальная пропасть между человеком и Богом, который все мудр. Человек должен бы был сознавать в каждый момент эту пропасть, если бы Бог наивысшее добро — все мудрость — имел для себя, а человека лишил бы его. Всеобъемлющим свойством Божества является не все мудрость, а любовь, то свойство, в котором невозможно никакое возрастание. Бог — это полная любовь, чистая любовь. Он, если можно так сказать, рожден из субстанции любви. Бог — это одна лишь чистая любовь, а не высшая мудрость, не высшая сила. Бог оставил себе любовь, а силу и мудрость разделил с Люцифером и Ариманом⁷. Мудрость Он разделил с Люцифером, а силу — с Ариманом, чтобы сделать человека свободным, чтобы человек под влиянием мудрости мог двигаться далее. Если мы ищем основание всего творческого, то мы приходим к любви; основа всего живого — любовь.

R.S., GA 143, лекция №12

---

⁷Рудольф Штейнер дает возможность рассматривать зло дифференцированно: как поляризованное целое. Имя Люцифер (утренняя звезда в римской мифологии) связано с тенденцией к отрицанию материи, имя Ариман (бог тьмы и смерти в зороастризме) — с тенденцией к отрицанию духа. Оба имени известны в духовных традициях безотносительно друг к другу; Р. Штейнер вывел их в общественное сознание и поставил в системную связь. Там, где это не делается, зло противопоставляется добру. Пример — образ Мефистофеля, который, как и сам Фауст, разрывается между отрицанием духа и отрицанием материи, хотя двойственность Мефистофеля во времена Гете еще не осознавалась. Однако при таком понимании зло либо выглядит обреченным на борьбу с добром — либо должно с ним слиться, и тогда мышление искушается идеей, характерной для современности, когда между добром и злом перестают видеть различия или объявляют эти различия условными. Р. Штейнер убедительно доказывает, что корень зла с необходимостью лежит в небрежении либо материей, либо духом, и если это неравновесие осознать и преодолеть, то естественно открывается путь к добру — как божественная любовь между духом и материей. Как показала практика, эта универсальная штейнеровская формула действует исцеляюще, в каких бы сферах мысли и деятельности ее ни применяли — в философии, медицине, педагогике, искусстве, политике, управлении и т. д.; однако, если ее не применять, то исцеления не происходит. Необходимость для человечества каждый раз, в каждой новой задаче осознанно достигать равновесия между духом и материей художественно выражена Р. Штейнером в его скульптурной группе «Представитель человечества между Ариманом и Люцифером», над которой он работал до последних дней своей жизни. В ней Человек занимает центральную, уравнивающую позицию между духом и материей, и должен удерживать ее напряжением всех душевных сил, шаг за шагом продвигаясь в своей эволюции. Это равновесие, делающее человека человеком, дано Р. Штейнером в образе Христа (Бога в теле человека). Христос представляет собой человечество, так как он есть божественный Дух неэгоистической любви, воплотившийся в теле человека ради всех людей на Земле, независимо от их религиозной и национальной принадлежности. — *прим. сост.*

Незабываем образ доктора Штейнера, стоящего слева от группы на лестнице и спустя некоторое время показывающего всем нам свое произведение, — произведение, которое ни с чем нельзя сравнить. Он стоял там растроганный, как бы еще охваченный творческим порывом, в глубочайшей серьезности и при этом в полном самозабвении, — стоял в своем явном человеческом величии. Он словно хотел увидеть на нас действие своего создания. Мой взгляд был прикован к сведенным судорогой пальцам рук Аримана, воздетых к Люциферу. «Да, в этих руках сосредоточен великий трагизм, — продолжил он мои размышления, — я был вынужден многое смягчить в этих образах, иначе люди не вынесли бы их вида». Затем он заговорил об образе Христа. Христос не судит. Он только присутствует. В Его жестах нет ничего агрессивного, воинственного. Он спокойно шагает вперед; Люцифер и Ариман не в силах вынести Его близости, они сами судят себя. Ломают крыло Люциферу и заключают Аримана в золотоносные жилы Земли — не Христова рука. Оба изображения слева от центральной фигуры в их взаимодействии не затронуты импульсом Христа.

Ася Тургенева

Большим счастьем для нас бывало, когда законченная заготовка перемещалась к доктору Штейнеру в другую мастерскую. Здесь он в великой сосредоточенности работал над центральной фигурой. Его руки, повинующиеся лишь внутреннему переживанию, существенно прибавляли нашим заготовкам выразительности и характерности.

Однажды я работала в мастерской доктора Штейнера. Корпус центральной фигуры уже выступал из оболочки подготовительной заготовки. «Я старался во все вносить душу, — сказал он тогда. — Древние ваяли в камне, следуя импульсам мудрости. В пластическом искусстве христианства надо пронизать теплом такой живой материал, как дерево».

Ася Тургенева

Как раз перед моим отъездом Рудольф Штейнер вернулся в Дорнах из длительной лекционной поездки и принял меня в своей мастерской, где еще находилась статуя Христа. Я теперь впервые видела ее, выполненную Рудольфом Штейнером в дереве. Меня поразило выражение страдания в этом лице. Я спросила — было ли это выражение страдания также и в лице Христа в живописи малого купола. — «Страдание? Я хотел изобразить только любовь, — ответил он, — но ведь то и другое слиты». Он загородил свет лампы, чтобы смягчить тени. «Это изображение не догмат, я так Его вижу». Его последние слова в этом разговоре были: «По воле Христа в наше время Его надо искать повсюду, во всех областях, также и в живописи».

Маргарита Сабашникова-Волошина

1919

Сикстинская Мадонна (Рафаэль, фрагмент)⁸

---

⁸ Иногда приходится слышать от тех, кто впервые видит Скульптурную группу Рудольфа Штайнера, что Христос выглядит несколько «странно», непривычно. Восприятие привыкло к даже не церковному, а кинематографическому канону. Но с лика Рафаэлева Младенца на вас смотрят те же «странные» глаза, что и у штайнеровского Представителя человечества, и если вы внимательно сопоставите все черты этих ликов, то увидите, каким станет этот ребенок, когда его пропорции станут пропорциями взрослого человека. — *прим. сост.*

Другое семя, брошенное в ту же почву, также возросло деревом с тысячью ветвей. Это «Рождественские миракли». Страны Европы, где зародились эти наивные «Представления об Адаме и Еве», эти «Чудеса Рождества», эти «Волхвы», их позабыли. Но старые тексты сохранились, и в них грандиозная простота библейских слов перемешивается с деревенскими сценами, сохранившими привкус крестьянской жизни и крестьянской веры. Рудольф Штайнер знал эти тексты еще со своего венского периода, так как его учитель литературы Карл Юлиус Шроер их собирал — большей частью в Венгрии — в то время, когда о них уже начали забывать. Рудольф Штайнер слышал, с каким уважением говорили старые крестьяне об этих представлениях. Некоторые из них еще принимали в них участие. Тогда в деревне, если кому-нибудь давалась роль в миракле, считали за честь вести жизнь чистую, не пить, например, спиртного, и никто бы не уступил другому свою очередь покачать колыбельку Божественного Младенца.

Вот о чем рассказывал с юмором Рудольф Штайнер маленькой колонии в Дорнахе, единственной, может быть, в этой воюющей Европе, еще способной понять прелесть этих представлений и набожно воскресить их из прошлого. Их давали на Рождество — и на весь год в узах, соединявших между собой членов Дорнаха, сохранялось то душевное тепло, символом которого являлось пламя свечей, зажигаемых в Рождественскую полночь. Хотя Столярная и вмещала от пятисот до шестисот человек, но наполненная ароматом свежей ели, она на это время приобретала живительную атмосферу братской интимности.

Одному из лучших музыкантов среди обосновавшихся в Дорнахе, Доктор поручил воскресить наивные, ритмические напевы, которые запевали участники «мираклей», проходя по несколько раз по рядам зрителей. Затем каждую роль Штайнер мимировал, характеризовал, читал с чистым крестьянским акцентом диалектов, которые он слышал в своем детстве. Так был воссоздан стиль народных представлений в том виде, как его переняли в наши дни многие труппы. Если этот стиль смог стать «классическим», то это оттого, что каждая деталь почерпнута из источника безыскусной и правдивой набожности, некогда вдохновлявшей крестьянские души. Это дуновение подлинной свежести всегда сопровождало представления, где бы они ни давались: в «Очагах» или приютах, школах или больницах. Но среди сегодняшних зрителей кто еще знает, что этот благодетельный дар пришел к нам из юности Рудольфа Штайнера?

Симона Риуэ-Короз

Один рабочий день и один судьбоносный год

*Глава из книги Герберта Хаана
«Рудольф Штайнер, каким я его видел и знал»*

Вся жизнь Рудольфа Штайнера была направлена на то, чтобы по-новому обосновать реальность духа применительно к познанию. Он сам был наполнен этой реальностью духа и обнаруживал ее в каждое мгновение — в этом можно было убедиться; наблюдая его в различных областях деятельности.

Как же выглядел обыкновенный рабочий день Рудольфа Штайнера на этапе его жизни между 1919 и 1924 годом, в то время, когда он неоднократно приезжал в Штутгарт? Я опишу это, исходя из воспоминания, которое весьма отчетливо запечатлелось в моей памяти.

Как-то раз зимой мы, учителя Свободной вальдорфской школы, узнали из телефонного разговора, что Рудольф Штайнер отбыл из Дорнаха и намеревается вечером этого же дня провести с нами конференцию. Маршрут, которым он обычно следовал на автомобиле в Штутгарт, был нам известен достаточно точно. Он всегда ехал через Шварцвальд, при этом предусматривалась короткая промежуточная остановка в Фрейденштадте. Поэтому мы предполагали, что он прибудет в Штутгарт примерно в девять часов вечера. Учительский коллектив собрался задолго до этого часа. Рудольф Штайнер появился действительно тогда, когда и ожидалось, и тотчас приступил к работе с нами, не позволив себе даже немного отдохнуть после довольно утомительной поездки. Конференция продлилась до позднего вечера, примерно до одиннадцати или половины двенадцатого. И все это время он в совершенно бодром настроении обсуждал с нами целый ряд актуальных школьных вопросов. Но уже за полчаса до окончания нашей конференции в соседнем зале стали собираться участники другого консультативного кружка. Это были преимущественно те, кто принадлежал к самым различным ветвям антропософской деятельности в Штутгарте, в том числе врачи, естествоиспытатели, руководители хозяйственных предприятий, финансисты. Всех просили прийти к одиннадцати часам вечера.

Когда конференция вальдорфского педагогического совета подошла к концу, некоторые члены нашего учительского коллектива, в том числе и несколько женщин, присоединились к собравшимся завсегдатаям консультативного кружка. Это были люди, регулярно принимавшие участие в беседах и обсуждениях и приглашавшиеся туда самим Рудольфом Штайнером. Он видел в деятельности Свободной вальдорфской школы важное и полное значимости выражение социальных инициатив, исходящих от духовной науки.

Ближе к полуночи началось новое совещание. Для себя лично Рудольф Штайнер не сделал даже очень короткого перерыва. Теперь он выслушивал с большим вниманием и терпением порой довольно пространные доклады представителей отдельных рабочих направлений. Время от времени делал какое-нибудь замечание. А по окончании каждого доклада сам начинал задавать серьезные вопросы, касающиеся сути работы.

Лишь иногда его удовлетворяли ответы, которые мы были способны дать. И это побуждало его делать, со своей стороны, новые основополагающие комментарии к отдельным проблемам. То были не крупинки, а нечто вроде целых слитков золота, раздариваемых нам тогда в позднее время. Часы бежали. Понятно, что не все участники оказались в состоянии справиться с чрезмерным напряжением ночной умственной работы. Как только у кого-нибудь веки наливались свинцовой тяжестью или взгляд чьих-либо глаз становился необычно застывшим и отрешенным, Рудольф Штайнер тут же неожиданно рассказывал анекдот. Рассмеявшись, все чувствовали себя бодрее.

И на этом заседании, так же, как во время разговора об учреждении школы, все словно мимоходом затронутые вопросы имели самое непосредственное отношение к центральной теме.

Около четырех часов утра Рудольф Штайнер дружеским, мягким голосом посоветовал одному из старейших членов кружка без колебаний все же идти домой. Однако обсуждения продолжались до седьмого часа. Затем постепенно люди начали расходиться. Но Рудольф

Штайнер задержался еще надолго, чтобы перекинуться парой слов с оставшимися. И тут я заметил, как издатель одного из наших журналов подошел к нему, спрашивая об обещанной ему статье. В новом номере журнала эта статья занимает главное место, и выйти без нее журнал не может. Издатель выразил надежду, что Рудольф Штайнер в самые ближайшие дни предоставит ему эту статью. «Подойдите сюда еще раз примерно к половине восьмого, — сказал приветливо Рудольф Штайнер, — я ее сейчас и напишу».

В половине восьмого редактор действительно смог забрать эту статью. В восемь часов Рудольф Штайнер находился уже во дворе Вальдорфской школы, чтобы затем присутствовать на занятиях в отдельных классах. Как обычно, он и сейчас позволял занятиям идти своим ходом, но порой сам вмешивался в урок, вставлял неожиданное и весьма полезное остроумное замечание или набрасывал на доске мелом один из своих удивительных цветных рисунков, служивший иллюстрацией к тому, что изучалось на уроке. Учителя и ученики приходили в изумление, и в классной комнате возникало в равной степени как веселое, так и благоговейное настроение.

Ближе к полудню мы, учителя, обратили внимание, что Рудольф Штайнер не зашел ни в один из классов, занятия в которых вели педагоги, принимавшие участие во втором, ночном заседании, продлившемся до самого утра. Нас глубоко тронул этот столь человеческий жест.

В полдень Рудольф Штайнер направился из школы в клинику, руководимую врачами с антропософской ориентацией. Там тщательно подготовились к его посещению и показали ему некоторых самых сложных пациентов. Он в консультативной форме немногословно и в то же время необычайно конкретно высказал свои соображения и указания.

Наступила вторая половина дня. К этому времени в нижней части города уже собрались сотрудники предприятия «Грядущий день». И — не делая никакого перерыва — Рудольф Штайнер принялся обсуждать с ними крайне сложные финансовые вопросы. Это продолжалось не один час. Настал вечер.

Только теперь Рудольф Штайнер отправился в свою штутгартскую квартиру на Ланхауштрассе, чтобы затем, спустя короткое время, оказаться в большом лекционном зале дома Густава Зигле. Там были давно заняты не только сидячие места, слушатели стояли плотными рядами вдоль стен, в проходе и в непосредственной близости от докладчика. С бодростью и упругостью молодого человека тогда уже почти 60-летний Рудольф Штайнер читал полуторачасовую публичную лекцию. Затронутые в ней сложнейшие духовные вопросы были представлены с присущими ему силой, человечностью и со всем тем пылким темпераментом, о которых я уже говорил.

Многие ли из присутствующих догадывались, что этой творчески построенной лекции предшествовали двадцать четыре часа непрерывной тяжелой работы в совершенно других областях? А многие ли поверили бы этому, даже если бы им рассказали?

После лекции, завершившейся под бурю аплодисментов, у Рудольфа Штайнера, как мне рассказывали, было более спокойное время, которое он использовал для того, чтобы перекусить. Однако его уже ждала группа людей, заранее записавшихся к нему на индивидуальные беседы. Эти беседы опять затянулись до ночи.

При рассказе об одном рабочем дне Штайнера, просто перечисляющем события, может возникнуть подозрение, что это выдуманная легенда. Но на самом деле все это реальная действительность. И как таковая она всего лишь фрагмент еще более обширной деятельности человека, который не только говорил о духе, но и на глазах у всех являл своей жизнью его неисчерпаемые возможности.

Год 1922-й стал для Рудольфа Штайнера годом особенно плодотворной работы, но и годом труднейших испытаний. Его результатом были важные циклы лекций за рубежом. Из них в апреле я прослушал так называемый «Гаагский научный курс». В июне того же года состоялся представительный конгресс «Запад–Восток», возможно, самое торжественное и самое блестящее публичное лекционное мероприятие антропософского движения из числа тех, которые проходили при жизни Рудольфа Штайнера. В новогоднюю ночь с 1922 на 1923

год великолепное деревянное здание Гётеанума в Дорнахе, творение Рудольфа Штайнера, которому он на протяжении целого десятилетия отдавал свои лучшие силы, стало жертвой огня.

В Голландии мне довелось впервые воочию наблюдать, как виртуозно Рудольф Штайнер вживался в дух другого народа. Повсюду за рубежом, где ему доводилось читать лекции, ничто из окружавшей его действительности не оставалось для него чуждым. Казалось, будто он очень глубоко знаком с сущностью других народов, их душой. Его выступления в Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Англии, Италии или Швейцарии позволяли косвенно понять психологию соответствующих народов и их культуру. Так, благодаря его лекциям, хотя они прямо и не касались нидерландской действительности, я впервые почувствовал себя погруженным в мир этой страны. Переживание, столь глубоко взволновавшее меня, я смог тогда отразить в статье, появившейся в журнале «Три» в 1922 году под заголовком «От Гаагского научного курса к Венскому конгрессу «Запад–Восток».

В Вене Рудольф Штайнер ощущал себя духовно целиком и полностью на родной земле. Здесь в студенческие годы и в первый период его литературной деятельности было посеяно многое из того, что позже дало жизнеспособные всходы в его научных трудах. И теперь, на торжественном конгрессе, все это самым значительным образом предстало перед всем миром. То, чем Рудольф Штайнер был обязан своей родине, он возвращал в виде богатого духовного дара. Уже в первой половине XX столетия на своих лекциях, целиком посвященных взаимоотношениям Запада и Востока, он говорил именно о тех проблемах, которые сейчас, во второй половине этого века, постоянно занимают наши мысли.

Тогда, в 1919 году, обсуждая вопросы создания школы, Рудольф Штайнер так высказался о цикле лекций в Христиании, посвященных народной душе: «Фактически эти лекции преследовали цель заложить основы мира и помочь избежать насильственных столкновений...». Оглядываясь назад, понимаешь, что совершенно аналогичное можно сказать и о венских лекциях конгресса «Запад–Восток».

Во время конгресса «Запад–Восток» мы могли ежедневно замечать, что при всей серьезности, с которой он обсуждал значительные вопросы, им нисколько не упускались из виду и мелочи повседневной жизни, напротив, он даже умел подметить в них самые привлекательные и интересные стороны. Забавный пример тому — его выступление на закрытии конгресса, когда он еще раз с приветственными словами обратился к его участникам. В эти прекрасные и торжественные дни, говорил Рудольф Штайнер, я постоянно размышлял о том, как вернее всего можно было бы охарактеризовать душу австрийского народа. Зал, естественно, тотчас застыл в напряжении. «И я не смог найти ничего лучшего, — продолжил Рудольф Штайнер, — как то, что в Австрии повсюду можно выпить чашечку хорошего кофе!» Нужно хотя бы немного знать венцев, чтобы понять, какое ликование охватило присутствующих.

Между гаагским научным курсом и конгрессом «Запад–Восток» в Вене произошло событие, которое особенно глубоко врезалось мне в память: это был выпад против Рудольфа Штайнера в мюнхенском отеле «Четыре времени года». В тот период он, насколько мне известно, впервые выступал в различных крупных городах Германии с публичными лекциями, которые организовывались не антропософскими рабочими группами, а каким-то концертно-лекционным бюро. На эти лекции стекалось необычно много слушателей, и напрашивалось предположение, что Рудольф Штайнер не упустит возможность популяризировать антропософию. Но вместо того он выступил с лекцией о пути, ведущем к сверхчувственному познанию. Эта лекция, отличавшаяся математической точностью выражения мыслей, предъявила к слушателям высокие требования. Казалось, Рудольфу Штайнеру было важно, чтобы знания, изложенные в этой лекции, были восприняты как можно большим количеством людей, ибо он, отступив от своих традиций, повторял ее — лишь с незначительными изменениями — на протяжении всего своего турне.

Когда мы, то есть живущие в Штутгарте сотрудники, узнали, что Рудольф Штайнер будет выступать в Мюнхене, то некоторые из нас собрались туда поехать. Просочились

слухи, что националистические круги определенного толка планируют совершить на него нападение. Нам хотелось быть там, чтобы в случае необходимости оградить или защитить его. Мы нашли Рудольфа Штайнера таким же спокойным и уравновешенным, как всегда. Однако те, кто был знаком с ним поближе, очевидно, смогли заметить в нем некоторую утомленность — многолюдные публичные лекции плотно следовали одна за другой. Во второй половине дня в отеле «Четыре времени года» мы устроили небольшое дружеское чаепитие. Рудольф Штайнер приветливо обратился к каждому из нас, указал на статью о гаагском научном курсе, опубликованную им в журнале «Гётеанум», и рассказал немного о предстоящем большом мероприятии в Вене. С какой заботой говорил он о различных путях, которыми можно добраться до этого прекрасного города! Нашим австрийским друзьям, присутствовавшим на том чаепитии, все это было хорошо известно. Но он, скорее всего, знал, что некоторым из нас никогда не доводилось бывать в Вене.

Перед лекцией приехавшие единомышленники в общих чертах распределили задачи и роли с теми, кто жил в Мюнхене. Большинство выбрали местом своего расположения зал. На меня и одного из наших штутгартских друзей выпала задача прикрывать Рудольфа Штайнера с тыла. Из вестибюля отеля ему на пути к трибуне предстояло пройти через дверь, ведущую к сцене. Нам было поручено охранять именно эту дверь.

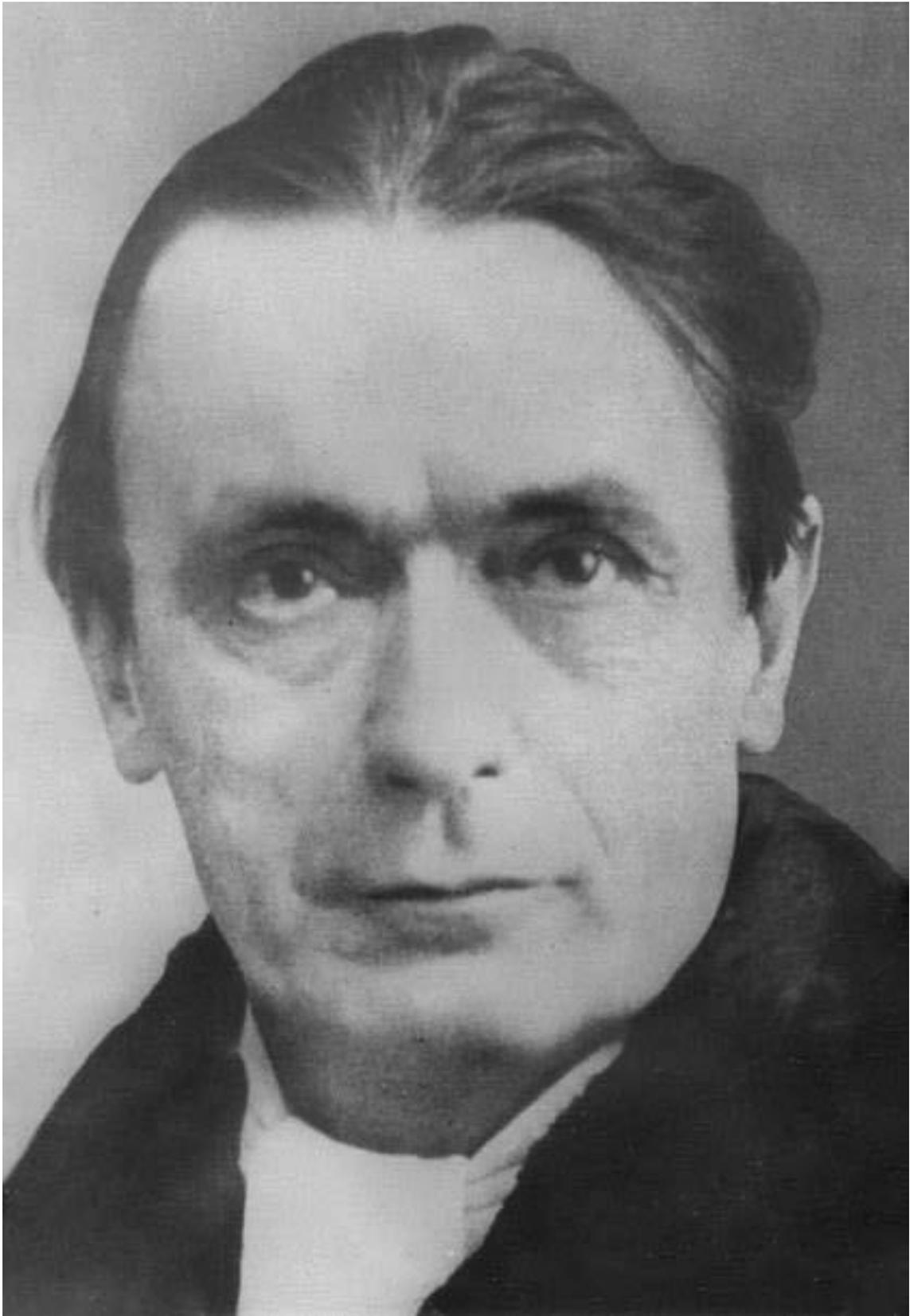
И в тот вечер целые толпы слушателей устремились на лекцию. Вначале ничего особенного не происходило. Рудольф Штайнер вошел через ту самую дверь в лекционный зал и начал выступление в своей неспешной манере. Но в зале, несомненно, ощущалась необычно гнетущая, если не сказать удушливая, атмосфера. Сам Рудольф Штайнер, казалось, говорил с трудом, как бы пробираясь через что-то с большим напряжением. Вдруг погас свет. Подручные людей, замысливших нападение, добрались до выключателей. Продолжала гореть лишь одна маленькая лампа на кафедре лектора. Настрой темного зала был совершенно непонятен. Впоследствии мне казалось, что большинство людей было лишь напугано и пребывало в страхе. Но одновременно смутно ощущалась некая тревога, скрытая угроза. В этой ситуации Рудольф Штайнер проявил наивысшее присутствие духа: ясным голосом, четко выговаривая слова, он спокойно продолжал свое выступление, не сделав ни малейшей паузы. От такого совершенного владения собой люди, приготовившиеся в зале к нападению, явно растерялись и пребывали в нерешительности. Все замерли. Рудольф Штайнер продолжал читать лекцию поистине могущественным тоном и с полным присутствием духа. Он заговорил о духе, и в его голосе послышались отголоски удивительного колокольного звона, когда он, отчеканивая каждое слово, сказал: «И таким образом исследователь духовного мира хорошо знаком с духом. Но кто знаком с духом, того и дух берет под свою защиту».

В этот момент зал озарился светом — некоторые из наших друзей пробились к выключателям и заняли там посты. Большая часть слушателей неистово аплодировала, и Рудольф Штайнер смог без каких-либо новых инцидентов продолжить свою лекцию. Однако напряжение в зале все еще не исчезало. И едва он закончил лекцию, как в самый разгар аплодисментов начались насильственные действия со стороны определенной группы людей. Но наши друзья тотчас бросились вперед, образуя перед Рудольфом Штайнером как бы живой барьер, и он смог беспрепятственно добраться до своего номера в отеле. Попытки ринуться за ним сумели предотвратить мы оба, охранявшие дверь, — пришлось собрать все наши силы, чтобы выдержать напор со стороны зала. А там разыгрывалась самая настоящая рукопашная схватка. Все это продолжалось недолго: вмешались блюстители порядка и выпроводили нападавших из зала. Однако, когда мы позже ужинали вместе с Рудольфом Штайнером в одном из верхних залов отеля, с улицы доносились горланявшие что-то голоса. Получившие незадолго до этого отпор хулиганы хотели таким образом заявить о себе. Лишь поздно ночью их голоса затихли.

Мы, принадлежавшие к кругу его друзей, радовались, что нападение удалось отбить. Но одновременно чувствовали себя удрученными оттого, что вообще оказались возможными эти дикие и, я даже бы сказал, угрожающие выходы против человека, который являлся

носителем чистой духовности и чистой человечности. Самообладание его нисколько не покинуло, и он оживленно беседовал с нами на самые различные темы. Я припоминаю, что помимо прочего разговор касался горного монастыря на полуострове Афон в Греции. О нападении он не обмолвился ни одним словом.

На следующее утро, совсем рано, мы вместе с Рудольфом Штайнером отправились в Аугсбург. На перрон в Мюнхене пришли несколько верных друзей, пожелавших его проводить. В Аугсбурге, после непродолжительного отдыха, Рудольф Штайнер сел на скорый поезд, который должен был доставить его в Мангейм. Там вечером предстояло ему читать следующую лекцию из той же серии. Большинство из нас, переживших описанный драматический вечер, поехали вместе с ним на поезде до Штутгарта. Там, после того, как мы попрощались с Рудольфом Штайнером, он долго еще смотрел в нашу сторону из окна своего купе. Выражение его лица поразило меня. В нем было много такого, чего нельзя описать словами и о чем он явно избегал говорить вслух: никогда не забывайте этих минут — они предвещают куда большие коренные изменения и последствия их окажутся куда тяжелее, чем вы сегодня можете себе представить!

1917

<...> Жертвенное пламя вместе с тем, что горело в нем, возносилось в космические пространства к богам, чтобы мочь вернуться обратно для работы в мире людей. Стоя перед огнем алтаря, священнослужитель говорил: Тебе, о Пламя, поручаю я все, принадлежащее мне на Земле, чтобы Боги могли получить это с поднимающимся вверх дымом. Пусть рождаемое Пламенем устремится вверх, изменится в Божественное благословение и изольется снова вниз на Землю как творческая и оплодотворенная сила!

R.S., GA 231, лекция №5

Я увидела под поднятой рукой статуи Христа бушевавшее пламя, некоторое время я видела Рудольфа Штейнера стоявшим недалеко от меня, рядом с мисс Мэрион и госпожой де Ягер, перед входом в ее дом. Когда купол с грохотом обрушился и взметнулось могучее пламя, меня охватило духовное переживание. Я увидела сияюще-белый Бау высоко вверху над местом пожарища. У меня появилась уверенность: сейчас происходит нечто величайшее; в пламени снизу вверх запылали краски металлических труб органа и дальше было слышно что-то вроде звуков и одновременно пронзительных воплей. А когда я взглянула с другой стороны на дом де Ягера, я увидела Рудольфа Штейнера, окруженного громадной световой белой аурой, так что я крикнула сторожившим со мной: «Посмотрите на Доктора!» И я знала, сейчас происходит нечто между Доктором и горящим Бау. Мои товарищи не заметили этого и картина исчезла.

Анна Самвебер

В воспоминаниях последние зимние месяцы 1922 года покрыты особенно густой тьмой. После военных испытаний мрачные тучи, нависшие над всем миром с началом войны, не рассеялись. Мы постоянно ощущали это во время наших эвритмических поездок по большинству европейских стран. Повсюду недоверие, беспокойство за будущее и стремление оглушить себя — наперекор вопросам, на которые не находилось ответов. Ценности прошлого исчезли, а новых не было. Доктор Штейнер пытался предотвратить дальнейшие катастрофы, но сопротивление его вмешательству возрастало и даже становилось угрожающим.

Общий распад отчасти отражался и на нашей жизни. Вновь возникшие на почве нашего Общества рабочие секции вытягивали средства из центра антропософского движения. Отсутствие сил ощущалось особенно отчетливо при попытках вмешаться в экономическую жизнь. В результате выросло беспокойство относительно финансового положения Гётеанума в будущем. Также приумножилась враждебная оппозиция, и доктор Штейнер постоянно указывал нам на ее деятельность. Все мы были в ужасе, когда он прочитал нам выдержку из одного соответствующего сочинения: «Стало быть в наличии имеется достаточно духовных искр, которые, подобно молниям, метят в деревянную мышеловку; от Штейнера потребуются сколько-то благоразумия и примирительных действий, чтобы в один прекрасный день настоящая огненная искра не положила бесславный конец дорнахскому великолепию». То, что стояло за этими словами, нам, охваченным тягостным чувством бессилия, было непонятно; отсутствовала и выносливость, необходимая для защиты от надвигающегося рока. Подобное оцепенение мы переживали в первые дни войны, когда доктор Штейнер пытался призвать нас к бдительности по отношению к происходящему. Вероятно, и на этот раз он не мог бы говорить больше, чем он это делал. Рождественские лекции, которые читались в Здании, вновь внесли в тогдашний мрак свет и надежду.

В пасмурный, сырой день я спешила после обеда в Гётеанум на эвритмическое представление. Две темные фигуры, похожие на химер собора Парижской Богоматери, свесились с парапета террасы возле небольшого помоста, установленного над южным входом. Собственно говоря, в это время на террасе уже не должно быть ни одного человека, — мелькнуло у меня в голове, но мне надо было торопиться. Длинное помещение нашей новой гардеробной располагалось на первом этаже возле комнаты доктора Штейнера и госпожи Штейнер. Тут же находилась комнатка Миеты Валлер.

В «Прологе на небесах» в первой части «Фауста» было занято около 30 человек (при этом требовалось переодевание); шел беспорядочный общий разговор. «Ребята! — воскликнула вдруг громко одна эвритмистка, — надвигается гроза, буря!» Она подбежала к окну, чтобы увидеть наступление ненастья. «Но зимой такого не бывает, это исключено», — несло со всех сторон; небо было однотонно серым, без малейших признаков туч. «Я же слышала — был шум, как при сильной буре!» Эвритмистка оставалась при своем утверждении.

Когда мы спустились в гардеробную, позади сцены случилось еще кое-что. Одна из наших эвритмисток вдруг подбежала к двери на террасу и попыталась открыть ее. «На террасе заперты люди, они толкались в дверь», — уверяла она. Однако дверь была закрыта, и почти никто не обратил внимания на происшедшее. Когда мы очутились внизу, вперед протиснулась Миета Валлер: «Госпожа Штейнер, не ждать ли беды? Разбилось мое зеркало. Я не понимаю, почему оно упало со стены». Еще одно предостережение. Приди к нам доктор Штейнер, как это он обыкновенно делал, быть может, он занялся бы этим. Почему упало зеркало? Что это был за внезапный шум и что делали на террасе люди? Но он не приходил, и позже мы узнали, что во время его обращения к аудитории перед началом представления платформа для ораторского пульта, на которой он стоял, неожиданно начала погружаться в люк. Кто сильнее? Кто был сильнее? Мы, в облинии Ангелов стоящие на помосте, образуя фигуру пентаграммы, представляющие голос Господа, — или черный Мефистофель внизу, озаренный красным светом?.. Я не могла избавиться от этих пугающих мыслей. «Новый год встречают всё новые могилы»: эти слова Соловьева звучали в спектакле. Потрясал

драматизм «Похоронного марша» Мендельсона. Среди прочего был и хор насекомых из второй части «Фауста»: «С приездом, с приездом, старинный патрон». При этих словах мы должны были одновременно совершать особые прыжки и трясти головой, подключая сюда эвритмию пальцев, — это было жутко. Взгляд младенца Христа (французское рождественское стихотворение) был глубоко серьезным.

Хотя вечерняя лекция также была захватывающе интересной, я не могла преодолеть ощущения холода, жути. Неужели никто не замечает, что доктор Штейнер прилагает все усилия, чтобы сосредоточиться на лекции? Его мысли словно уходили от него. Где он был в те моменты, когда голос внезапно отказывался ему подчиняться?

Я вышла из зала одной из последних. Внизу стояло несколько кучек людей, которые показались мне чем-то озабоченными. «Кому-то надо поджечь еловые ветки», — услышала я. Мне захотелось задать им вопрос, но тут ко мне подскочила со своими новогодними пожеланиями одна из участниц нашей «группы насекомых», и это отвлекло меня.

Едва придя домой, — а жила я в первом эвритмическом доме с окнами на Гётеанум, — я захотела задернуть шторы. Но что там происходит? Над Зданием тянулась как бы бледная полоса тумана; тени людей метались взад и вперед за ярко освещенными окнами южной лестничной клетки. Я поняла, что случилось нечто ужасное, и бросилась вон из комнаты. В прихожей стояла Эдит Марион, от волнения словно парализованная; она пыталась снять с подставки огнетушитель фирмы Минимакс. Одним рывком я выхватила его из крепления и побежала с ним к Зданию.

Перед входом лежал в полуобмороке наш молодой сторож из столярной Шлейтерман, задохнувшийся дымом. Кто-то пытался ему помочь. От столярной к Зданию выстроилась цепочка людей с ведрами и кувшинами. Я не хотела присоединяться к ним. Где же огонь? Комната госпожи Штейнер на первом этаже стояла открытой и пустой, пол был весь мокрым от примененных без пользы огнетушителей, — вокруг валялось уже множество пустых. Где был огонь? Его искали наверху в Белом зале и между куполами, — но ближе дым не подпускал. Я пошла в большой зал: празднично и тихо, полное освещение; зал и сцена были пусты.

Под деревцем перед столярной стоял доктор Штейнер и смотрел на наши действия. Возле него была Эдит Марион. Почему он не вмешивается? Почему не помогает? Позднее я узнала, что он сразу вместе с двумя свидетелями проверил распределительный щит с электрическими предохранителями и убедился, что все в порядке. Затем он вызвал местную пожарную команду. Базельская пожарная команда приехала лишь гораздо позже, и воды оказалось достаточно, чтобы спасти столярную. Наша пожарная команда Здания и жители деревни пока что пытались взять верх над пожаром; однако огонь все еще не был виден, он бушевал между стенами! Только дым усиливался.

Снова оказавшись на южной лестничной клетке, я встретила Кэте Митчер, которая вместе с рабочими выносила мебель из комнатки госпожи Штейнер. Какой-то юноша по указанию доктора Штейнера прорубал топором дыру в деревянной стене. Тут я увидела голубоватые языки пламени, которые с огромной скоростью, словно змеи, устремлялись вверх. Было ли тогда еще возможно спасение? Не следовало ли прорубить эту дыру с самого начала, уже в половине пятого, когда наши эвритмисты услышали шум? А теперь пламя свирепствовало между стенами уже много часов. Почувствовав внезапно подозрение, я должна была вспомнить о том отверстии, которое видела за несколько дней до этого у окна в комнату доктора Штейнера. Рабочие извлекли тогда несколько бревен из внешней стены, достижимой с террасы... Не было ли здесь какой-то связи?

Все еще по-праздничному спокойны были помещения под куполами, не затронутые бедствием. Я присела в зале. Мыслимо ли, что через несколько часов от всего этого здесь ничего не останется? Только смотреть — в последний раз. Но как эти мысли, так и мое человеческое присутствие были при происходящем неуместны. В страхе я ушла.

Как и прежде, доктора Штейнера под деревцем перед столярной окружал покой. «Нам нужна вода, вода больше не идет!» — кричали какие-то неумелые помощники. Он не спеша

отыскал номер телефона, по которому надо позвонить. «Лестницы, нам нужны лестницы!» — кричали другие. «Возле стены за столярной», — сказал он. «Где я должен помочь, что мне делать?» К нему подбежал юноша, один из наших. Он молчал. «Помогите там внизу спасти модели», — сказала я. «Мне не нужно никаких моделей», — сказал доктор Штейнер, и снова повисло молчание. «Идите же», — сказала я спустя какое-то время.

1923

Я еще раз зашла в Здание. «У нас есть шланги, но мы не знаем, где их можно присоединить к водопроводу», — сказал мне деревенский парень. К счастью, я это знала. Теперь я встретила в зале другую картину. Свет уже не горел. Наполовину освещенные угрюмыми языками пламени, которые пылали повсюду между куполами и окрашивали дым в красноватый цвет, выступали из этой жуткой атмосферы архитравы. Кое-кто пытался приставить лестницы к колоннам, но они оказались слишком короткими. «Помоги спасти занавес!» — крикнула мне одна эвритмистка, и мы вытянули разорвавшийся сверху донизу сценический занавес.

И вновь меня притянуло к доктору Штейнеру. «Господин доктор, теперь горит в зале на сцене!» — закричал кто-то издали. «Почему никто не тушит? Почему не ставят лестниц?» — быстро спросил он. «Лестницы не достают, они слишком коротки», — сказала я. Он отвернулся.

Огонь с невероятной быстротой охватывал теперь и внешние стены. Доктор Штейнер потребовал, чтобы все покинули Здание. Жар все усиливался. Госпожа Финк, беспокоясь о стенограммах лекций, которые хранились в маленьком деревянном домике между столярной и котельной, попросила Гюнтера Шуберта принести их в Дульдекхаус. Он один не смог бы их донести, поэтому я пошла вместе с ним. Понадобилось лишь четверть часа, чтобы завернуть все тетради в шерстяное одеяло, которое мы понесли с двух сторон; однако о том, чтобы возвращаться тем же путем, уже не было и речи. Подобно гигантскому факелу стоял Гётеанум, со всех сторон объятый пламенем. Зной, как в жаркий летний день, достиг стекольного дома, мимо которого мы несли тяжелую ношу наверх, через лесок у Бродбекхауса (ныне склон Рудольфа Штейнера). Жара в Дульдекхаусе казалась все еще опасной; мы понесли драгоценный груз дальше — в Дом-убежище, где у моей сестры была комната.

Темно-красный жар стоял над ночной тьмой. Как при закатном освещении, краснели вокруг холмы и руины Дорнека. Тысячи зевак из Базеля и его окрестностей напирали на изгородь, окружающую территорию Здания; на саму территорию вход был запрещен. В молчании, словно зачарованные, взирали они на грандиозное зрелище танцующего, взвивающегося высоко в небо огня. Несколько паровых пожарных труб выбрасывали мощные струи воды на стены столярной, где еще недавно под деревцем стоял доктор Штейнер. В эту ночь обгорела половина этого деревца, и впоследствии оно стояло в течение нескольких лет с голыми ветвями.

Мы нашли доктора Штейнера стоящим на лестнице перед Ягерхаусом; его окружали члены Общества. Полночь миновала, и в первые часы нового года огонь начал несколько ослабевать. Толпа зрителей постепенно редела, ушел и доктор Штейнер. Теперь можно было снова заносить в столярную все то, что было убрано оттуда. Статуя Христа также была перенесена из мастерской на луг позади строения. Вновь можно было заходить на территорию. Глубокая синева окружала холм, пожар сделал свое дело. Только раскаленные массивные стволы колонн с двойным кольцом архитравов наверху вырисовывались на ночном небе. Незабываемая картина, исполненная ужаса и красоты! Эти прозрачные, прокаленные формы как будто были пронизаны пульсирующей жизнью и дыханием; то было как бы прощание с Землей, на которую на столь короткий срок было спущено Здание. Высоко над ним простирался небесный свод, — родина, куда оно возвращалось. Позади него на западе — красноватая полоса, отблеск возвещающего о себе на востоке дня.

И вот уже под тяжестью архитравов стало проламываться двойное огненное кольцо, обрушиваясь в виде раскаленной массы к подножию колонн. Стоя возле столярной, я могла видеть, как две тени в темноте медленно шли по дороге в гору. Доктор Штейнер в сопровождении Эдит Марион, тяжело ступая, согнувшись, вошел в столярную. Он был при госпоже Штейнер в Доме Ханси; из-за больных ног ей пришлось переживать пожар издалека, наблюдая его из окна.

Доктор Штейнер настойчиво потребовал, чтобы продолжалась та работа, на которую не повлияло случившееся; но многое должно было произойти, прежде чем для этого была отремонтирована столярная. Когда я заглянула в мастерскую доктора Штейнера, там еще царил полный хаос. Он стоял посреди нагроможденной вокруг мебели, сундуков. Он повернулся ко мне. В его широко открытых глазах не было ни малейших признаков озлобленности из-за пережитого, — только бесконечная боль и печаль.

«Почтенные, мудрые...»: до этих слов дошел в своей приветственной речи Ангел из «Действа о трех царях»; затем голос отказал ему. Напрасно пытался он начать заново, — и тогда он тихо заплакал и стоял, опершись на свой посох, пока не нашел сил продолжать. — Во время вечерней лекции все, не сговариваясь, встали, когда доктор Штейнер вошел в зал столярной.

Столярная вновь сделалась на годы нашим рабочим местом.

<...>

Молодая веселая улыбка, которая раньше часто озаряла строгие черты лица доктора Штейнера, его быстрые, легкие движения, его ритмичная походка (никто не умел ходить так, как он) — ничего этого после ночи пожара мы уже не видели. Тяжкая ноша легла на его плечи. Он должен был употреблять всю свою силу, чтобы сохранить свою прямую осанку, и каждый шаг давался ему теперь с трудом. Но его влияние и сила духа в последний период жизни возвысились до сверхчеловеческих масштабов.

Ася Тургенева

Только я повесила трубку, как телефон зазвонил снова. Кто-то, получивший это известие прямо из Дорнаха по телефону, просил меня передать хозяину дома, что Гётеанум горит, но в помещении уже никого нет, так что его жена в безопасности и он может о ней не беспокоиться.

Гётеанум горит? Как это возможно? Там есть ночные сторожа, есть пожарная команда в Арлесхайме. Беды не может случиться. Да и о резных формах мы знали, с каким трудом загорается их дерево, когда обрезками мы топили наши печки.

На другой день я выехала и 2 января, в полдень, прямо с Дорнахского вокзала поднялась на холм. Шел дождь и был такой густой туман, что за несколько шагов едва можно было различить дорогу. В поезде мне было страшно спросить кондуктора о пожаре. По дороге я никого не встретила, но заметила, что глина на дороге множеством ног растоптана в кашу. Я пошла прямо к Зданию. Туман его окутывал. Я подошла совсем близко к бетонному основанию нижнего этажа и увидела, что резная деревянная входная дверь совершенно невредима. Значит, все в порядке! Я пыталась сквозь туман рассмотреть второй этаж, но ничего не было видно. Я пошла вокруг Здания. Деревянные строения рядом были целы, но теперь, с восточной стороны, ясно было видно сквозь туман: наверху не было куполов, не было стен, там не было ничего.

Я сошла с холма в столовую и увидела бледные лица, усталые от бессонной ночи глаза, измазанные глиной одежды. Мне сказали, что Здание горело всю ночь и еще вчера. Здороваясь, каждый говорил мне: «Слишком поздно!»

Но теперь я видела этих людей не так, как в Гааге, — холодными, самоуверенными, чужими; в этой судьбе мы были глубоко связаны — община, потерявшая свое самое дорогое.

Одна из эвритмисток рассказывала: накануне Нового года в пять часов вечера должно было состояться представление эвритмии. Было такое ощущение, будто что-то тяжелое повисло в воздухе. Войдя в свою уборную, она увидела на полу осколки разбившегося зеркала. Оно висело на стене, отделявшей ее уборную от «Белого зала». Странный случай! Было непонятно, как это могло случиться. Похоже было, будто гвоздь, на котором висело зеркало, был выбит с другой стороны стены. Хотели сказать Рудольфу Штейнеру, но в этот момент его не нашли. Другая артистка слышала странный шум, похожий на шум сильного ветра между стенами. Над ней посмеивались, потому что погода была тихая. Во время представления у нее было такое чувство, будто все ее усилия бороться против чего-то гнетущего, подавляющего, что она ощущала, — напрасны.

Был представлен «Пролог в небесах» из «Фауста». Потом была лекция во время которой Рудольф Штейнер написал на доске слова «Космического причастия». После лекции несколько человек осталось на террасе — те самые, кому принадлежала инициатива выстроить в Мюнхене Здание для представления мистерий. Они обсуждали вопрос, как получить недостающую сумму денег для окончания Здания путем предварительной продажи билетов на представления мистерий в августе. Этим, собственно, говорили они, будет осуществлено назначение Здания. В этот момент пришел Поццо, ночной сторож Здания (в Москве он был присяжным поверенным), и сказал, что в Гётеануме непонятно откуда пахнет дымом. Они пошли с ним в зрительный зал и увидели, что со всех сторон и из всех щелей выходит дым. Легкие полосы дыма, как туман, просачивались также наружу. Выяснилось, что горит повсюду между стенами, очевидно, горело уже давно. Тотчас же сказали Рудольфу

Штейнеру. Он пришел и отдал ряд распоряжений, которые, однако, не были выполнены, потому что сил собственной противопожарной охраны оказалось недостаточно; вызвали пожарных из Арлесхайма, затем из Базеля. В двенадцать часов ночи, когда все колокола звонили в честь Нового года, пламя вырвалось между куполами и далеко осветило всю эту местность, столь важную для истории Европы.

Все члены Общества работали на пожаре. Спасали модели, а центральную скульптуру Христа, которая еще не была закончена и находилась в соседнем бараке, вынесли на луг в безопасное место. Заботы о людях, нуждающихся в помощи, теряющих сознание в дыму, отвлекли Рудольфа Штейнера от места пожара. Затем он обошел весь холм кругом. Здание огненными линиями являло всю свою архитектуру, свою пластику. Орган звучал, а различные металлы, применявшиеся в Здании, плавилась, сияя каждый особым цветом. Мощное, никакими словами не описуемое звучание исходило от этого, всеми красками пылающего, огненного моря. Колонны горели, как факелы. Цветные стекла окон плавилась. Под конец две колонны у входа вместе с соединяющим их архитравом еще стояли, образуя огненные ворота.

Рудольф Штейнер распорядился приготовить помещение столярной мастерской для лекции и представления «Трех волхвов», назначенных на следующий день. Непрерывность должна быть соблюдена. Читая впоследствии лекции этих дней, вы не заметите что между лекциями 31 декабря и 1 января легла катастрофа пожара. Актеру, который на следующий день в Рождественском представлении должен был играть роль Ирода, он сказал, что на этот раз Ирод должен быть особенно злобным. После пожара Рудольф Штейнер еще усилил свою деятельность. Число лекций, прочитанных им за два следующих года, кажется невероятным. И все они были основополагающими. Общее их направление, может быть, лучше всего выражено в заглавии одного из этих циклов: «Человек как созвучие творящего формообразующего Мирового Слова». Эта тема — в зависимости от профессии слушателей: педагогов, врачей, экономистов, сельских хозяев, священников, эвритмистов, актеров или музыкантов — принимала совершенно конкретные черты, прямо касалась практики жизни. Прежде, в Здании, которое мы потеряли, Слово звучало в формах и красках. Теперь же то сущностное, что было в нем воплощено, освобожденное пламенем пожара от материальности и поднятое в другую сферу Бытия, снова нисходит на землю, как новый дар, долженствующий оплодотворить все области культуры.

Маргарита Сабашникова-Волошина

Рассказ М.В. Сабашниковой о пожаре Гётеанума совпадает с рассказом А. Тургеневой, очевидицей и участницей событий этой ночи (см. в книге ее воспоминаний главу «Сильвестр, 1922»). Некоторые подробности ее рассказа дают еще яснее почувствовать таинственную предназначенность гибели Гётеанума, хотевшего стать на земле Домом Слова, но не встретившего в душах людей такой крепкой защиты, которая могла бы уберечь его от натиска злых сил. Окружающие более или менее смутно это ощущали, Штейнер — знал.

Мария Жемчужникова, из примечаний к книге М. Сабашниковой «Зеленая змея»

...перед нашим взором может возникнуть действительный образ того, что произошло в Гетеануме в тот трагический вечер.

Попытаемся вызвать его перед нашим внутренним взором, и мы увидим тогда в центре стоящего на кафедре Рудольфа Штайнера. С нее он говорит о великом космическом причастии человека. О том, как мир становится храмом и в нем все физически-эфирное преобразуется в чистый дух, сообщая этим всему земному развитию его космическое будущее, достижимое благодаря свободной жертвенной деятельности человека на Земле,

который осуществляет в деяниях любви, вырастающих из сознания жертвы, акт «преобразования вещества в великом Храме Космоса». <...> А вокруг, между двойными стенами Гетеанума, уже пылает и бушует огненная стихия, хотя люди еще и не знают об этом... Но это видит стоящий на кафедре, облеченный в это мгновение поистине сверхчеловеческим величием, раскрывающим человечеству тайну космического причастия духу, тайну будущего обетования Земли. <...>

Сергей Прокофьев, «Рудольф Штайнер и краеугольные мистерии нашего времени»

Как ты⁹ знаешь, начиная с января 1923 года я ведь очень сильно отделился от моего физического тела.

R.S., GA 262

По сравнению с другими людьми, я, собственно, уже умер на Земле¹⁰.

In der Lichtesluft des Geisterlandes
Da erblüh'n die Seelenrosen,
Und ihr Rot erstrahlet
In die Erdenschwere;
Es wird im Menschenwesen
Zum Herzgebild verdichtet:
Es strahlet in der Bluteskraft
Als das Erdenrosenrot
In die Geistesfelder wieder hin.

В световоздухе просторов Духа
Расцветает роза души,
И алость свою излучает
В земную тяжесть;
Она в существе человека
Сгустится до образа сердца;
В силе крови сияя -
Алою розой Земли
Возвратится в просторы Духа.

*R.S., медитация
для Миеты Валлер*

---

⁹ Эти слова обращены к М.Я. Штайнер.

¹⁰ Слова, обращенные к Ите Вегман. Обе цитаты по: С.О. Прокофьев, «Да услышат это люди». Изд. «Новалис», 2013.

1900

1914 или 1915

...сразу после Рождества были объявлены следующие лекции Рудольфа Штайнера в Дорнахе, на которых намеревался присутствовать и я. Но определенные обязательства задержали меня, и я смог отправиться в Дорнах и Базель лишь в ночь под Новый год. В этот раз, как никогда, я радовался тому, что вновь увижу Гётеанум. Образ этого ни с чем несравнимого здания завладел мною настолько сильно, что я во время ожидания на какой-то промежуточной станции даже написал письмо, в котором детально остановился на архитектурных формах Гётеанума. Одновременно мои размышления были как бы эстафетой, переходившей от старого года к новому, который должен был начаться всего через несколько минут.

В Базель я прибыл очень ранним утром. При таможенном осмотре один из служащих меня спросил, не в Дорнах ли я направляюсь. Когда я подтвердил это, он сказал: «Тут произошло нечто серьезное — сегодня ночью Гётеанум сгорел дотла». Эти слова были для меня подобны удару дубинкой. Поначалу я никак не мог до конца воспринять их.

От Базеля на электричке можно доехать до Дорнаха примерно за полчаса. В поезде пассажиры только и говорили о Гётеануме. Но, несмотря на горькую печаль, охватившую меня, во мне все же теплилось отрадное чувство — все люди вокруг говорили о происшедшей катастрофе как об ударе судьбы, настигшем их всех. С большим уважением и даже с сочувствием они упоминали имя Рудольфа Штайнера.

Когда я прибыл в Дорнах, было все еще темно. Несколько друзей, знавших о моем приезде, встретили меня на станции. Они опасались, что внезапность известия о катастрофе еще сильнее потрясет меня. Мы побрели пешком в направлении Дорнахского холма. Нас встретил запах гари. И вскоре перед нами на фоне бледного неба возникла темная масса обрушившегося здания. Отдельные его фрагменты ярко светились и еще тлели, кое-где виднелись устало колеблющиеся языки пламени. Три гигантских деревянных зала, почти полностью уничтоженных пламенем, были похожи на потухшие факелы. Чувство, владевшее каждым, было не только скорбью по поводу утраты здания, драгоценного, уникального здесь на земле явления; это была боль, охватывающая обычно людей, когда судьба забирает у них друга, когда близкое существо расстается с нами до конца нашего странствования по земле.

Медленно бредя вдоль пожарища, я встретил Рудольфа Штайнера. Разве можно найти какие-нибудь слова при виде такой утраты? Я поприветствовал его почтительно, и он в душевном порыве взял меня за руку. «Десять лет работы ...» — вот единственное, что он произнес. Но каждое слово отозвалось в моем сердце. В его лице, в его глазах после этой ночи ужаса и скорби можно было прочесть и нечто совершенно другое. Беда не ограничивается только уничтожением десяти лет труда, пожар был еще и предвестником грядущих событий, предостережением времени.

Первого января 1923 года Рудольфом Штайнером давно была запланирована очередная лекция курса. Собравшиеся в Дорнахе друзья и те, кто интересовался этими лекциями, посчитали вполне естественным, что после всех этих событий, потребовавших неслыханного напряжения сил, Рудольф Штайнер отменит лекцию. Для нас стало неожиданностью известие о том, что он и слышать не хочет ни о какой отмене: мероприятие состоится точно в указанное время.

Уже задолго до начала лекции помещение одной из пристроек, так называемой столярной мастерской, которую пощадил огонь, было забито до отказа. Сотни людей застыли в молчании. Когда Рудольф Штайнер вошел, все встали. Люди, мне кажется, в этот момент были подобны одному большому сердцу, переполненному сочувствием учителю, на которого судьба обрушила жестокое испытание. Характерными шагами, как бы продвигаясь на ощупь, величественно неся голову и держа прямо весь корпус, Рудольф Штайнер прошел к сцене и поднялся на нее. Он начал словами: «Что я должен сказать о нашем Гётеануме? С любовью мы строили его, с любовью в нем работали, наша любовь не покидала его, когда мы видели его смерть. А теперь продолжим нашу работу». И, как будто не произошло ничего особенного, он, полностью владея собой, принялся ясным и спокойным голосом развивать перед нами непростые идеи о познании природы.

Всего три фразы об ударе судьбы, способном уничтожить любого другого человека. Совсем тихо и необычайно проникновенно сказал я себе тогда, что наше время тоже имеет своих героев и что боги непременно окажутся рядом с тем человеком, который находит в себе силы своим горем заплатить им дань.

Герберт Хаан

39 неделя (29 декабря – 4 января)

An Geistesoffenbarung hingegeben
Gewinne ich des Weltenwesens Licht,
Gedankenkraft, sie wächst
Sich klärend mir mich selbst zu geben
Und weckend loest sich mir
Aus Denkermacht das Selbstgefühl.

Себя отдавший откровеньям Духа,
Я обрету Свет Мира. Мысли мощь
Яснеет и растет,
Меня к себе же возвращая,
Мыслителя во мне
Возвысив к чувствованью Я.

40 неделя (5–11 января)

Und bin ich in den Geistestiefen,
Erfüllt in meinen Seelengründen
Aus Herzens Liebewelten
Der Eigenheiten leerer Wahn
Sich mit des Weltenwortes Feuerkraft.

И вот я есмь в глубинах Духа;
Космической любви нежность
Во мне переплавляет
Пустые самостности сны
В святого Слова огненную мощь.

1923

В течение нескольких месяцев он дает двенадцать методических курсов по самым различным дисциплинам, которые он иногда обновляет до основания. Он собирает и углубляет указания, уже данные им при случаях частных консультаций, и обогащает их совершенно новыми точками зрения. К этому бьющему ключом источнику собираются по очереди в эти несколько месяцев 1924 года врачи (в январе, в апреле и в августе), музыканты и эвритмисты (курс музыкальной эвритмии в феврале и курс эвритмии слова в июне), педагоги (в апреле в Берне, в июле в Голландии, в августе в Англии), земледельцы (в июне в Кобервице, откуда вышел биодинамический метод в сельском хозяйстве). Он возвращается в Дорнах в июне, чтобы дать еще курс лечебной педагогики (из которого исходят сегодня многочисленные институты перевоспитания). В сентябре он дает каждый день параллельно: курс теологам и курс пасторальной медицины, объединяющий теологов и врачей, и большой курс с демонстрациями для рецитаторов и художников слова. Этот курс драматического искусства стал основой театрального искусства в Гетеануме.

Эти курсы он сам считал посевом, «семенами будущего».

К этому множеству специализированных циклов добавляются лекции, регулярно читаемые несколько раз в неделю в Дорнахе, утренние беседы с рабочими на строительстве нового Гетеанума и теперь еще и все, что касается управления Обществом, столь значительным и деятельным, как Антропософское, не говоря уже о хлопотах и заботах, связанных со стройкой здания. Так как еще находятся противники этого восстановления, под тем предлогом, что оно «профанирует» историческое место Швейцарии (место битвы 1469 года), он должен защищаться, убеждать, и получить, наконец, официальное разрешение на постройку только уже на смертном одре.

Новый духовный поток должен проникать повсюду, в том числе и в задачи, связанные с управлением Обществом. Он устанавливает для каждого члена личную карточку, образец которой рисует сам, и лично каждую подписывает, затем, чтобы хоть на момент подписи по своей воле установить контакт с каждым из двенадцати тысяч членов, входивших тогда в Антропософское общество. Никакой бюрократичности! Повсюду реальность, человеческие контакты, связи, полные доверия. Создан еженедельный бюллетень для всех членов, чтобы установить для них связи и информацию. Этот бюллетень, приложение к журналу «Гетеанум» («Das Goetheanum»), который выходит под редакцией А. Штеффена, печатает каждую неделю «Письмо к членам», написанное Рудольфом Штайнером, и должен отражать то, что происходит в Обществе. За «Письмами» вскоре последуют «Руководящие положения», и он будет продолжать их составление до последнего вздоха.

Одновременно во всех направлениях несет он: свое неизменное, никогда не слабеющее излучение.

Он переходит от одной задачи к другой, движимый не знающей отдыха активностью. Одно дорнахское дня в «спокойный» период, то есть без переездов или конгресса, было бы достаточно, чтобы свалить самых выносливых. День часто начинался беседой с рабочими на стройке Гетеанума. Затем шли переговоры, касающиеся исследований, ведущихся в различных лабораториях или мастерских, репетиции эвритмии, посещения Клиники и прочие проблемы или консультации, вплоть до вечерней лекции. Среди всего этого он набрасывает модели для художников, рисует «формы» для эвритмистов, и, когда есть возможность, работает над деревянной скульптурой. И подлинная его работа начиналась по окончании лекции, после десяти часов вечера: духовная концентрация над новыми областями исследований, ответы, которые нужно найти для вопросов, поставленных прошедшим днем. Часто, когда к нему обращались с вопросами личного или делового характера, он отвечал: «Я дам вам ответ завтра».

Можно было заметить, однако, что в последние годы ответы становились все чаще мгновенными, как будто ясновидческие способности не нуждались больше в усилении этой ночной работой, чтобы постоянно воспринимать реальности духа. Это постоянное «присутствие духа» стало его естественным состоянием, без затемнений, без того, чтобы требования его телесной оболочки чинили ему препятствия. Были ли ему еще знакомы

состояния «сумеречные»? Спал ли он еще? Едва ли. Стали замечать, что в последнее время постель его оставалась нетронутой в течение нескольких ночей. Конечно, он уже с давних пор обладал способностью давать «отдых» организму, не прибегая к ослаблению сознания. Он сам дал описание способов мышления, не вызывающих разрушения нервных клеток. Тем, кто мог бы принять эти указания за теорию, он приносил теперь доказательства практического осуществления.

Сверхъестественное стало для него естественным, и именно это дает понять, что жизнь, которую он вел и которая была бы «беспокойной» для другого, переносилась им всегда с легкостью и полным самообладанием.

В минуту отдыха, за столом, во время эвритмической репетиции он был естественен, полон юмора, любил цитировать остроумные замечания или анекдоты. Он снимал натянутость с окружающих, так как догадывался о том напряжении, которое могли испытывать люди, живя рядом с ним. Мария Штайнер сознавалась, что находясь рядом с ним, было трудно обладать всей необходимой способностью к восприятию. «Хотелось бы иметь больше времени, чтобы усвоить все это богатство».

Что же вело его этим все ускоряющимся темпом и все с большей уверенностью от созидания к созиданию? Можно, без сомнения, ответить так, как он часто давал это понять: сознание, что нельзя было терять ни минуты, ввиду положения, в котором находится человечество. И здесь также слова наиболее близкого свидетеля, Марии Штайнер, являются подтверждением: «Когда решались просить его поберечь себя и делать немного меньше, — говорила она, — это вызывало неудовольствие...» — «Делать меньше? — отвечал он, — Но нужно было бы делать раза в четыре больше!»

Откуда же эта почти непереносимая печаль, которую иногда удается уловить в его взоре? Это не отчаяние, ничего личного, не подавленность, это грусть, глубина которой достигает каких-то космических размеров и позволяет с ужасом предполагать угрозы, которые он видит на горизонте для своего, еще не законченного дела. «Но, — говорит Мария Штайнер, — его не решались расспрашивать, и каждый снова брался за свое дело». Погружал ли он свой взор в предстоящую борьбу, борьбу, которую он олицетворял в образе Михаила, борющегося с драконом? Без сомнения, но то, что усиливало патетику неизвестности исхода этой битвы, была его собственная борьба, которую он вел, чтобы поддерживать свою физическую сопротивляемость, уже сильно подорванную. Он стал прозрачным. Он с такой энергией стремился превозмочь свою слабость, что загруженность его не только не уменьшалась, но с каждым днем росла. Никто не мог полностью выдержать весь день рядом с ним. Люди сменялись. И не то, чтобы он спешил. Он спокойно выполнял одно дело вслед за другим, и если кто-нибудь обращался к нему, то казалось, что в эту минуту он не занят ничем иным, как только тем, чтобы углубиться в проблему, которую ему предлагали...

Симона Риуз-Короз

Единственная любовь, которую можно проявить ко мне, состоит в том, чтобы призывать меня днем и ночью, всегда, когда во мне нуждаются¹¹.

R.S.

---

¹¹ Цитируется по: С.О. Прокофьев, «Да услышат это люди». Изд. «Новалис», 2013.

В годовщину пожара, на Рождественском собрании 1923 года, Рудольф Штейнер реорганизовал Антропософское общество; он сам стал его председателем, тогда как прежде он выступал только как Учитель. Этим он хотел построить социальное здание, могущее служить настоящим сосудом духовноведческой жизни. Казалось, он спешит дать людям все, что он еще может дать.

Маргарита Сабашникова-Волошина

Но мы только тогда станем достойными того, что на нас было возложено благодаря тому, что мы могли строить этот Гетеанум, если мы сегодня в воспоминании об этом примем обет каждый перед божественно-лучшим, что он несет в своей душе, остаться верным духовным импульсам, которые имели свое внешнее выражение в Гетеануме. Этот Гетеанум мог быть отнят у нас. Дух же этого Гетеанума, если мы действительно честно и искренне хотим этого, не может быть отнят у нас. И он будет у нас меньше всего отнят, если мы сегодня в эти серьезно-праздничные часы, в которые лишь короткое время отделяет нас от того момента, когда год назад запылали языки пламени над столь любимым нами Гетеанумом, если мы в это мгновение ощутим снова не только боль, но из этой боли принесем обет остаться верными тому духу, для которого мы могли строить на этом месте в течение десяти лет. Тогда, мои дорогие друзья, если этот обет честно и искренне выльется из наших сердец, если мы боль и страдание сможем превратить в импульс к деянию, тогда превратим мы также и это трагическое событие в благословение. Боль из-за этого не ослабнет, но это как раз обяжет нас из боли найти побуждение к деянию; к деянию в духе. Так взираем мы, мои дорогие друзья, назад на то страшное пламя, наполняющее нас таким невыразимым трауром. Но почувствуем сегодня, принося обет лучшим Божественным силам в нас самих, святое пламя в наших сердцах, которое должно духовно согреть и осветить то, чего мы хотели достичь Гетеанумом, в то время как мы понесем дальше эту волю сквозь волны развития человечества.

R.S., GA 260, 31.12.1923

В столярную собирается теперь тесная толпа членов Общества. Прибывают отовсюду, очень издалека, на это Рождественское собрание. Они снова встречаются в серьезной, счастливой атмосфере, появляются, полные доверия и ожидания того, что будет им дано... и то, что им дается, это «краеугольный камень, положенный в души», который также часто называют основной медитацией.

Эту медитацию составляют три строфы, по двадцать одной строке каждая, и в этом чисто словесном построении в сжатом виде дана сущность человека, его начало, его настоящее и его назначение.

Каждый может ее применять как личное упражнение, и тем не менее, это — художественное произведение, которое касается совокупности всех членов, а через них — каждого современного человека, который с ним ознакомится и его воспримет. Его содержание представляет в едином видении все сущее: Вселенную Отца, Космос Сына, Мир Духа. Оно пробуждает отклик этого в плоти, душе и духе человека. Что же до его движения, оно обнаруживает в нем мысль, когда она разгадывает то, что в трех строфах перекликается, противостоит друг другу или друг друга дополняет.

И, наконец, заключительная строфа бросает луч света на этот триптих, луч света Рождественского, Солнца Христа, которое воплощается и начинает сиять с Земли в начале нашей эры, на рубеже веков, так же, как и в микрокосмическом масштабе, на каждом Рождестве, на каждом повороте года.

Когда в медитации мысль слабеет и вопрошает себя, ритмы и могущество языка вводят ее в смысл слов, ибо эти строфы снова находят творческую силу глагола. Единство восстанавливается снова между словом и реальностью духа.

На этом новом «краеугольном камне», заложенном таким образом в души, могут быть основаны «курсы» Высшей Школы Духовной науки. Первый курс будет проведен в течение 1924 года.

Что же до тех членов, которые присутствуют, они чувствуют себя соучастниками большого события. Голос и интонации, пробуждающие могущество слов, верность жестов, их подчеркивающих, все принимает характер откровений, которые в их глазах вырастают до явления исторического. Откуда рождается сознание, что ты присутствуешь при историческом факте, если не оттого, что ты слышишь его отзвук в ходе и изменении событий? Это и можно было ощутить в те моменты, когда присутствовали при принятии решения такого рода: здесь и сейчас нечто должно быть открыто. Тогда знали, что отсюда последует воздействие на жизнь человека на земле. Какое? Где и когда? Этого не знали, но видели рождающуюся в настоящую минуту ситуацию историческую.

Это и вызывало в аудитории ту волну «священного благоговения», о которой мы уже говорили. На память тогда приходили два стиха из «Мистерий»:

«Здесь слова суть деяния,
И другие деяния должны за ними последовать»
(Стих 1076, 3-я Мистерия)

Рожденный любовью, теплом души, излучением духа, первый Бау был посланием, выражающим себя в формах и красках. Его стены резного дерева не были придуманы для защиты в нем пребывающих, а наоборот, чтобы позволить идее расцвести изнутри наружу. Этому движению из центра наружу соответствовало теперь обратное. Человеческая воля осуществляла давление, пришедшее от внешнего, чтобы защитить центр, сделать его сильным и сопротивляющимся.

Для Общества, как и для Гетеанума, призыв «укрепить» означал, что из усиления духа проистекает вещественность материи. Новый Гетеанум должен был быть воздвигнут на холме, как творение общей воли, как крепость, как «бург». В то же время он явится поводом для создания новых форм, указывающих тенденции архитектуры будущего, применяющей возможности современной техники. Гетевский принцип метаморфозы форм проявится в вариациях центрального мотива: пятиугольника, фигуры, характеризующей человека.

«Глиняный макет» был сделан в последующие недели, кроме задней части восточной стороны, которая не была еще найдена, когда Рудольф Штайнер умер. Благодаря ему, импульс сознательной воли становился видимым в материале, который одновременно и наиболее тверд, и наиболее покорен формам, которые в нем запечатлевают, — в бетоне.

Вначале Штайнеру было очень трудно перейти от стиля, осязаемого в дереве, к стилю, отвечающему бетону. Но он дал себя вдохновить окружающим пейзажем, с которым он сблизился за десять лет. Лепились новые формы, более родственные горам Юры и формам известняка, чем в первом Бау. Они были также ближе к современной психике. Но если первый Гетеанум был менее творением своей местности и эпохи, он обладал неоспоримым излучением всемирности. Если он менее опустил на землю, чем второй, если он менее сливался с гористым рельефом пейзажа, то его купола были более родственны небу. Они, казалось, воспроизводили нежные формы клубящихся пурпуровых облаков, приносящих в дар вечернему солнцу свою движущуюся феерию. С террасы были часто видны формирующиеся в небе и сливающиеся купола, воспроизводящие на западном горизонте эфирный Гетеанум.

Симона Риуэ-Короз

Все без исключения, кто приближались к нему, свидетельствовали, что не было человека, который с таким благожелательством склонялся бы ко всем заботам, беспокойствам, горестям, которые ему доверяли, человека, который понимал бы любые слабости, поддерживал бы все усилия, радовался бы всем успехам, всякому счастью.

<...>

Такой личности ставят в вину даже ее достоинства, когда они переходят за обычную черту. Какое количество хороших умов восстало против простой возможности существования такого синтеза знаний, одновременно естественных и сверхъестественных, из которых постоянно могло исходить вдохновенное созидание. Они предпочли находить дешевые объяснения на уровне магии и шарлатанства.

Мужество, с которым он превозмогал испытания, пугало еще больше.

Симона Риуз-Короз

«Во время так называемого «раута» на Рождественском собрании 1 января 1924 года некоторые эвритмистки должны были обслуживать гостей, расположившихся у маленьких столиков, расставленных в большом зале столярной. Один из проходов вел из зала вдоль сцены к гардеробу. В этом проходе была оборудована кухня, откуда мы выносили гостям чай, кофе и пирожные. Однажды я шла с чашкой чая по этому проходу. Вдруг занавеска, отделявшая проход от зала, раздвинулась, и доктор Штайнер вышел, качаясь, мне навстречу. Он был бледен, как снег. <...> Я быстро поставила чашку и как раз успела подвести его к креслу. Он только произнес: «Мне так плохо». Я хотела было позвать госпожу доктор Штайнер и госпожу доктор Вегман, но он крепко сжал мою руку в своей и проговорил: «Нет, оставайтесь со мной, пожалуйста; воды, воды». Фрейлен Митчер, которая как раз вошла, сразу бросилась за ней; я же не могла уйти, потому что рукой поддерживала доктора Штайнера. Он осушил стакан воды, поданный ему фрейлен Митчер. Мы спросили, что произошло, и тогда он сказал: «Меня отравили». Было видно, что у него были страшные боли, он был холоден как лед и весь покрыт потом. Фрейлен Митчер и госпожа Тургенева, которая пришла в этот момент, тотчас решили позвать на помощь. Тут из зала пришла госпожа доктор Штайнер и спросила: «Что-то произошло?» Когда она увидела доктора Штайнера почти лежащим на стуле, она подошла к нему и снова спросила: «Что такое?» Доктор Штайнер сказал и ей: «Меня отравили. Как чувствуют себя другие члены правления?» Госпожа Доктор ответила, что все они мирно беседуют между собой, и только ее обеспокоило его долгое отсутствие. С трудом мы перенесли Рудольфа Штайнера в комнату и положили на софу. Затем госпожа Тургенева привела госпожу доктор Вегман. Фрейлен Митчер, госпожа Тургенева и я ожидали перед дверью дальнейших сообщений.

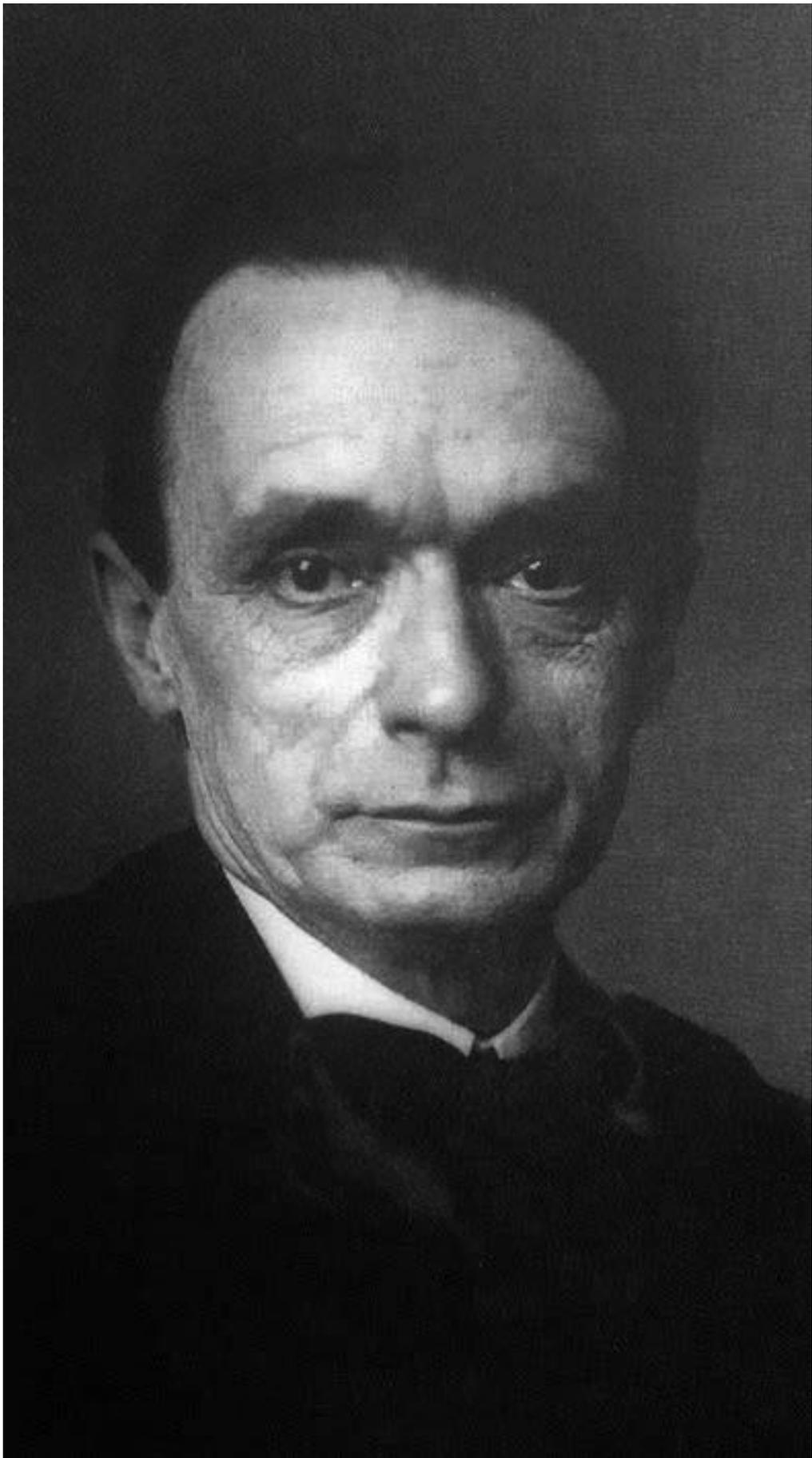
Через некоторое время госпожа Доктор вышла и сказала, что доктор Штайнер просит, чтобы мы никому ничего не рассказывали. Затем доктора Штайнера отвели домой на виллу Ханзи, и после врачебной помощи и лечения молоком ему уже скоро стало лучше. Вплоть до своей смерти в марте 1925 года, то есть намного позднее «раута», он еще так много работал, ездил с лекциями, что нельзя сказать, что он умер от отравления. Причина смерти была, согласно врачебному диагнозу, совсем иная. Однако и то, что после вышеописанного события он больше никогда не чувствовал себя вполне хорошо — это тоже факт».¹²

Тот, кто, как автор этих строк, имел возможность услышать эту трагическую историю из уст самой Илоны Шуберт и в гораздо более подробном изложении, тот никогда не сможет прийти к выводу, к которому пришел Кристоф Линденберг в своей двухтомной биографии Рудольфа Штайнера. По его мнению, перетрудившийся на рождественском собрании Рудольф Штайнер оказался жертвой обычного желудочного недомогания, вызванного переутомлением. Такой вывод совершенно невозможен еще и потому, что, как известно, Рудольф Штайнер в своей жизни поставил сотни сложнейших медицинских диагнозов, правильность которых была подтверждена многими находившимися в его окружении профессиональными врачами. <...> Он также с начала и до конца руководил своим собственным лечением во время последней болезни. Можно ли, принимая все это во внимание, отнестись серьезно к ни на чем не основанному утверждению, что Рудольф Штайнер вдруг не сумел отличить обычного желудочного недомогания (страдая расстройством пищеварения уже в течение года) от настоящего отравления, о котором он дважды сказал в присутствии сначала трех, а затем четырех свидетелей. <...> Кроме того, предпринятое им лечение молоком — типичное народное средство при всяком отравлении — еще раз подтверждает сказанное. О том же, с каким трудом Рудольфу Штайнеру удалось преодоление последнего отравления, свидетельствует тот факт, что очередную лекцию медицинского курса от 2 января 1924 года он, впервые в жизни, был вынужден читать сидя.

Сергей Прокофьев

---

¹² Воспоминания Илоны Шуберт. Цитируется по: С.О. Прокофьев, «Да услышат это люди», с. 65-66.

1918

Рудольф Штайнер — для Эдит Мэрион¹³

***

Бег жизни.
Валяние дурака.
Мак-Дональд не знает, зачем он в этом мире.
Зато Эдит знает, почему она в кровати.
У первого больна душа.
У второй — тело.
Он просто сошел с ума.
А она крепка и спокойна.
Ну и что лучше?
Быть крепким!

***

Все меняется,
Все течет себе во времени,
Одно переходит в другое,
И это, как если бы ты
Близко ли, далеко ли,
Шел себе из края в край,
Но ощущал бы всегда
В добром споре иль в злой борьбе,
Что ты в одеянье духовном
Покоишься в Длани Мирового Духа¹⁴.

---

¹³ Эдит Мэрион — одна из ближайших сотрудниц Рудольфа Штайнера, английский скульптор, принимавшая самое деятельное участие, кроме прочего, во всех скульптурных работах при строительстве первого Гетеанума и в создании «Представителя человечества». В ночь на 1 января 1923, когда был сожжен Гетеанум, она была рядом с Рудольфом Штайнером, и ее здоровье также было окончательно подорвано в эту ночь — как и его собственное. С этого года она вынуждена все чаще лежать в постели, и когда на Рождественском собрании 1923 года Рудольф Штайнер ставит ее во главе Секции изобразительных искусств, она при этом не может присутствовать лично. Рудольф Штайнер приходил к ней каждый день, обсуждая с ней все важные события и руководя ее лечением, которым непосредственно занималась доктор Ита Вегман. Эдит Мэрион умирает в ночь на 2 мая 1924 года. Здесь приведены два листочка с рисунками и медитациями — из многих сделанных Рудольфом Штайнером для Эдит Мэрион во время ее болезни. — *прим. составителя.*

Д-р Ита Вегман Рудольфу Штайнеру
Арлесхайм, 2 мая 1924 г.

Глубокоуважаемый, дорогой г-н Доктор,
сегодня ночью, в четверть первого, скончалась мисс Мэрион. Она была в сознании до самого конца. Последние минуты были не так болезненны, так как мне удалось облегчить ее дыхание при помощи кислородных ингаляций. Ее последние слова были: «Я так слаба, я больше не могу ждать, пока он доедет». После этого она стала совершенно спокойна и через четверть часа кротко и благородно встретила свою смерть без борьбы и страданий.

Позвоните мне, пожалуйста, когда приедете, чтобы я могла отправиться туда вместе с Вами. Я счастлива, что Вы вернулись.

Преданная Вам, Ита.

¹⁴ Перевод А. Локтева

wet *i t. h l J. ii j.*

11..., :e''' /"-L4'''e

ft•t)..., ..., " .. '''''''' .. '''' .., Wo&A.A

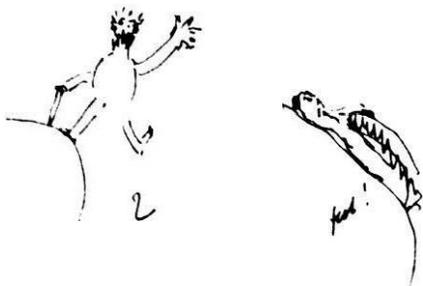
" olill ... i ... Y•11,;<A.

VA 'rcA.-1A.....l

t;... "ti {t''...;-4-l

2.),14u

Was ist besser?

Alles wandert bis
läuft in der Zeit
trübt Zustand in Zustand
es ist wie ~~das~~ ^{die Zeit} ~~im Hand~~
recht eng oder weit

Trübt von Land zu Land
aber da ist man bis
gütlich, der bösen Staat
~~Ergebnis~~ mit dem griffesweil
Zubrig ~~im~~ Wellengettes Hand:

12. 11. 16. 19

1	2	e	3	4
e	5	w	6	7
8	t	e	9	0
1	l	r	2	3
4	i	g	5	6

g
w
ch
e
n
L
.
"

Несмотря на болезнь, он выезжал в другие страны на антропософские съезды. Последний, сверхчеловеческий труд, исполненный им с 5 по 23 сентября, для всех, кому пришлось это видеть, остался потрясающим воспоминанием. В это время он ежедневно читал один за другим четыре курса: пасторско-медицинский — для священников и врачей, девятнадцать лекций об Апокалипсисе — для священников, цикл о драматическом искусстве, предназначавшийся сначала только для актеров, но прочитанный для более широкого круга слушателей. Вместе с тем он продолжал цикл лекций о кармических судьбах людей в истории, вел эзотерические занятия и, как обычно, раз в неделю беседовал с рабочими-строителями Гётеанума на темы, которые они сами избирали.

<...> Во время болезни в журнале «Гётеанум» печатались его «Руководящие положения» для членов Антропософского общества и «Письма». Эти его сообщения приобретали лаконичность математических формул. Писал он также и свою автобиографию «Мой жизненный путь».

Маргарита Сабашникова-Волошина

Он предлагал иногда людям задачи, трудные для выполнения, ради которых приходилось превозмогать себя. Например, поначалу музыкальная эвритмия включала для выражения интервалов некие подпрыгивания в лежачем положении, которые заставляли исполнительниц чувствовать, что они представляют собой смехотворное зрелище. Он, казалось, не замечал этого, но если одна из них умела внести в этот жест необходимую грацию, сделав его приемлемым, он ее дружески благодарил, так как она принесла свою долю в выявление того, в чем он указал подлинные элементы, ожидая, что каждый поработает над их освоением.

Эту благодарность, которую он испытывал ко всем, кто принимал его дары и умел вложить в них достаточно своей человечности, чтобы сделать их применимыми, находишь во всех «общениях», из которых в изобилии рождались открытия, новая техника, изобретения и т. д.

«Благодарю вас», — говорил он Лори, девушке, которая развила первые указания на соотношения слов и жеста, — «Благодарю вас за то, что вы приняли дар Эвритмии».

«Благодарю вас», — говорил он Жюлю Зауервейну и Жоржу Адамсу, которые служили ему переводчиками на его лекциях и таким образом непосредственно входили в развитие его творческой мысли. «Благодарю вас», — говорил он тем, кто приходил, полный вопросов, решение которых зрело в нем, и кто присутствовал при том, как дух врывался в материю. Все они позволяли ему давать... Он благодарил этих просителей, потому что он ждал их как знака, что времена созрели для принятия даров...

Он благодарил богов за встречу с ними, так же, как и они чувствовали безграничную благодарность за то, что он открывал им смысл их собственных жизней. Только этот обмен, только это человеческое тепло позволили обращаться в движении потоку крови, столь крепкому, что разрыв физических связей не мог его остановить.

Все, что им давалось, особенно в практической сфере, всегда обращалось конкретно к тем, которые искали что-либо получить. Зачем сеятелю полный мешок семян, если перед ним нет раскрытой борозды? Но когда семя можно было бросить в раскрывшийся ум или дух, он благодарил богов и людей.

Поэтому так часто, когда у него был избыток ответов, для принятия которых было бы достаточно лишь некоторой к тому готовности, он делал попытки выявить тех, кто мог бы задать вопрос. С удивительным присутствием духа, встретив их неожиданно, он мог сразу, в упор, затронуть тему, которая заставила их оторопеть. Это было легкое зондирование. Но если реакции не происходило, ни сразу, ни по размышлению, значит почва не была готова, возможность была упущена. Если же эта чуть предугаданная душа реагировала, если она

осознавала, что приоткрылась ее судьба, — дар мог быть сделан, — и благодарностью был исполнен — он.

Симона Риуз-Короз

<...> Я поблагодарил его за советы, которыми он издали помогал мне во время болезни. С выражением величайшей доброты он отклонил мою признательность:

— Нет, дорогой доктор, это я благодарю вас за то, что вы дали возможность оказать помощь.

Это были последние слова, с которыми он обратился лично ко мне, когда еще жил на Земле. Я не мог себе представить, что завершение нашей жизненной встречи будет столь многозначительным и прекрасным. Это было как разговор с самим человечеством, и в тот момент я имел право считать себя представителем человечества. А человечество? Даст ли оно ему «возможность оказать помощь»?

Фридрих Риттельмайер

В сентябре 1924 года доктор Штейнер выступал перед священниками Христианской общины, актерами и врачами. Также продолжался цикл лекций для рабочих Гётеанума. За три недели состоялось около семидесяти лекций. Кульминацией его земной деятельности стало еще одно невероятное излияние духа. Затем он заболел. В первые дни он оставался в своей мастерской в столярной. Одна за другой следовали тревожные недели. Объявления о лекциях все вновь и вновь стирались с черной доски, но о его болезни узнать можно было немного. Вот сообщили о лекции на Михайлов день. В столярной была тишина, когда доктор Штейнер вышел из-за голубого занавеса. Каким он стал хрупким и уязвимым! Его голос звучал совсем иначе, было впечатление, словно из бесконечности приходил золотой звон. В его словах ощущалось одно лишь сердечное тепло, но это тепло исходило уже не из наших земных пространств. Будучи как бы извлечен из них, он должен был напрягаться, чтобы проникнуть к нам. В эту прохладную осеннюю ночь столярная, благодаря его словам, была пронизана солнечным светом и теплом, как в жаркий летний день.

Скоро ему пришлось прервать лекцию. Мы поняли, что наступило прощание; но кто решался подумать об этом? Вскоре после того состоялось и личное прощание с нами. Мы, эвритмистки, собрались за сценой после вечерней репетиции. Все находились в угнетенном состоянии, и никто не хотел идти домой. Тут мы услышали издали голос доктора Штейнера, необычно громкий и твердый, непреклонный. Его шаги, которые прежде звучали столь ритмично и легко, сейчас были словно свинцовыми. Он вышел из мастерской к нам в сопровождении нескольких человек, — кто это был, я не заметила. Каждое движение, каждый шаг словно направлялись извне, волевым усилием. Я не знаю, глядел ли он на нас. Мы застыли на своих местах. Он сказал, что идет в Дом Ханси и там о нем позаботятся; держась чрезвычайно прямо и внутренне собранно, он стал протягивать руку каждому из нас и говорить «до свидания». Затем он повернулся и вышел. Больше я его в живых не видела. Через несколько дней мы узнали о том, что госпожа доктор Вегман организовала уход за ним в мастерской при столярной.

Ася Тургенева

Болезнь, последние дни и часы доктора Штайнера **Из книги Иты Вегман «К друзьям»**

Лишь со священным трепетом могу я говорить об этих вещах. Но страдание друзей, которые шесть месяцев не видели и не слышали столь любимого ими Мастера и руководителя, их жажда хоть что-то узнать о происходившем в это время — настолько огромны, что я чувствую себя вынужденной говорить. Все должны знать, как велик, как мощен он был также и во время своей болезни.

Мы жили тихо и замкнуто. Кроме госпожи д-р Штайнер, которая приходила каждый день, когда находилась в Дорнахе, а не решала важные задачи в других местах, допускались только члены Правления с короткими посещениями. Госпожа д-р Штайнер и члены Правления были теми, кто связывал его с внешним миром. Он радовался их приходу; когда же поставленные задачи удерживали их вдали от него, как радовался он добрым вестям от них; как эмоционально он принимал депеши, посылаемые госпожой д-р Штайнер из каждого города, где происходили эвритмические представления, — депеши, сообщавшие об огромном успехе эвритмии! Как сердечно благодарен он был самоотверженному служению г-жи д-р Штайнер и ее эвритмической группы, неизменно приводящему к триумфу. Он не мог не радоваться каждой победе красоты — он, кто и сам был: сама красота, само благородство, сама доброта, сама любовь.

Свою болезнь он переносил с терпением и достоинством. Он невыразимо страдал от того, что физические силы неуклонно покидали его, вынуждая принимать все больше заботы о себе — его, который всегда был самодостаточным и не рассчитывающим на внешнюю помощь. Но дух его сиял все ярче, и его сияние стало для меня прекрасным переживанием в это время боли.

В пять утра происходила трансформация; его голос, будивший меня в это время, звенел силой, ясностью и нетерпением: необходимо спешить, чтобы не потерять драгоценное время. Я вскакивала лихорадочно, тоже понимая, как важно это время, спешно делала самое необходимое, наскоро освежала себя чашкой чая с лимонным соком — и начиналась работа рядом с ним.

В эти часы были написаны великолепные тексты, бывшие для нас неожиданным подарком. Мы записывали без отдыха до семи, восьми утра, и он не уставал — наоборот, был живым и пробужденным. Предобеденное время протекало в чтении, выполнении необходимых дел и в описанном приеме посетителей. Первая усталость приходила после еды. О, еда! Здесь я должна коснуться болезненной темы.

Невозможность питаться господствовала непреодолимо. Это было, как если бы всякая принятая пища оказывалась ядом. У него была ярко выраженная непереносимость большей части продуктов и способов их приготовления. То, что еще годилось сегодня, завтра могло стать отторгнутым, так что мы, кто заботился о питании, все время боялись промахнуться.

Как врач, как специалист по антропософской медицине я могла понимать, что происходит, и как раз это понимание делало мое горе и мою растерянность все более сильными. Я хочу попытаться разъяснить, что там было¹⁵. Все системы пищеварения и обмена веществ функционировали лишь очень слабо, потому что эфирное тело больше не могло правильно войти в соответствующие органы. Это эфирное тело служило другим, духовным функциям, будучи отдано им как жертва. Таким образом, эти органы (обмена) оказались теперь целиком во власти физических сил, а ведь это силы разрушения, в то время как Я и астральное тело, которые должны были бы это компенсировать и взять их защиту на

---

¹⁵ С.О. Прокофьев: «Симптомы, выступившие на последней стадии болезни, были в действительности лишь побочными следствиями ее прогрессирующего развития. Поэтому слухи о том, что Рудольф Штайнер якобы умер от рака, не соответствует действительности, ибо его заболевание было совсем иного рода. Также и лечение, назначенное самому себе Рудольфом Штайнером, не было терапией от рака. Отсутствие последнего подтверждается медицинским заключением, подписанным всеми тремя лечившими его врачами (см. Зеельманс, том II; стр. 235). Цитируется по: С.О. Прокофьев, «Да услышат это люди», стр. 791.

себя, были полностью заняты в духовном мире — принятием духовных истин. Вследствие этого равновесие было нарушено. Пища превращалась в яд, потому что больше не могла быть одухотворена в такой степени, чтобы усваиваться. Это было мученичеством, борьба за преобразование пищи, и каждый день приносил новое испытание, которое нужно было выдержать. И ежедневной болью для окружающих было видеть, как тотчас после приема пищи силы покидали его, приходила усталость, — до самой ночи и утренних часов, когда процессы пищеварения завершались. Тем не менее, отказываться от пищи было нельзя, чтобы противостоять истощению, ставшему уже хроническим из-за ограничений с питанием, которые существовали еще до болезни, можно даже сказать — существовали всегда, обусловленные интенсивнейшей, невозможной по земным меркам, духовной работой. Поэтому возникали осложнения, воспалительные процессы, которые не могли сдерживаться уже никакими средствами. И я, и наш врач д-р Нолль, который был рядом со мной неизменно и добросовестно, были беспомощны, и надеялись только на вмешательство высших сил и самого Доктора. Увы, карма беспощадно следовала своим собственным законам. Мы должны были увидеть и выдержать, как самая дорогая для нас жизнь — вопреки всем нашим усилиям и каждодневным жертвам, вопреки нашим мольбам — была у нас отнята.

В свои последние дни он был чем-то огорчен; мне казалось, что он занят какой-то трудноразрешимой проблемой. Сияние его глаз ослабло, и великая, ничем не объяснимая тревога охватила меня. Его физическое состояние не ухудшилось, наоборот, он был даже лучше, но мое внутреннее беспокойство сохранялось. Вопрос, обращенный к нему, был полностью обойден с помощью нескольких ласковых слов и немедленного заверения в том, что он чувствует себя хорошо.

Утром в воскресенье он проснулся с болью. В это утро работы не было, впервые. Мы подробно обсудили эту боль и не нашли причин для беспокойства. Впрочем, в течение дня она исчезла. В этот день он был еще тише и терпеливее, чем обычно, и дал новые указания по лечению. Также этим утром он передал мне рукопись, в которую накануне внес окончательные корректуры, и это была наша книга по медицине, над которой мы совместно работали с такой любовью и преданностью, еще задолго до болезни. Он не разрешал ее трогать, пока сам не внесет поправки — и вот теперь книга лежит как завещание, как последнее, к чему прикасались его руки. Он так радовался, вручая мне ее...

«Важное было дано в этой книге», — сказал он тогда. С глубокой печалью думаю я о том, как он стремился восстановить медицину. Он хотел принести всю мудрость мистерий Меркурия, и это было остановлено в самом начале, в то время как им был предусмотрен непрерывный ряд продолжений этой книги.

В четыре часа дня боль вернулась, моя внутренняя тревога не хотела уходить, и я настаивала на том, чтобы известить г-жу д-р Штайнер, оставшуюся в Штутгарте. Моего беспокойства никто не разделил, и с медицинской точки зрения действительно не было причины беспокоиться. Не было ничего тревожащего и в том, как Доктор сегодня выглядел внешне; он даже спросил, как скоро будет готово Ателье, чтобы он мог работать над моделью внутреннего пространства нового Гетеанума. Так мы ушли в ночь. Пульс был немного чаще обычного, но наполненный и ровный. Я не решалась лечь, осталась сама и оставила включенным свет. К моему удивлению, Доктор это так оставил, чего я никогда не могла добиться раньше, когда в прежние времена тревожилась за его жизнь. Что это было? Доктор Нолль тоже остался дежурить в соседней комнате. Начало ночи прошло спокойно; я, следя за каждым вдохом, погрузилась в молитву о сохранении этой драгоценной жизни. Вдруг, в три часа утра, я заметила едва слышные изменения в дыхании, оно участилось; я приблизилась к постели, он не спал, смотрел на меня и вдруг спросил, не утомлена ли я! Он ждал меня с этим вопросом, и это меня растрогало бесконечно... Пульс сейчас не был таким наполненным, как в прошлый раз, и стал намного чаще. Я вызвала д-ра Нолля — посоветоваться, что теперь делать. Доктор не удивился, увидев его здесь в середине ночи, и дружески его приветствовал. «Мои дела вовсе неплохи, — сказал он, — я только не могу

уснуть». Тогда мы выключили свет. Но в четыре часа он позвал меня, потому что возобновилась боль. «Когда наступит день, давайте продолжим лечение, которое я назначил», сказал он. Он хотел дать нам отдых, снова проявляя всегда ему свойственную заботу о других, но только не о себе. Конечно, мы не стали дожидаться дня, и проделали все, что было необходимо. Но вскоре ситуация изменилась, пульс стал хуже, дыхание еще чаще. И — мы должны были пережить, что эта жизнь неуклонно угасает, и наш проводник, учитель и друг уходит с физического плана.

Его уход был как чудо. Он уходил, как если бы это само собой разумелось. Мне показалось, что решение было принято лишь в последний момент — но как только оно было принято, не стало больше никакой борьбы, никаких попыток оставаться на Земле. Некоторое время он тихо смотрел перед собой, с любовью сказал мне еще несколько слов — и в полном сознании закрыл глаза и сложил руки.

Духовный мир потребовал его к себе, это было показано ясно; также было ясно показано, что он несет в духовный мир нечто, что может передать только он.

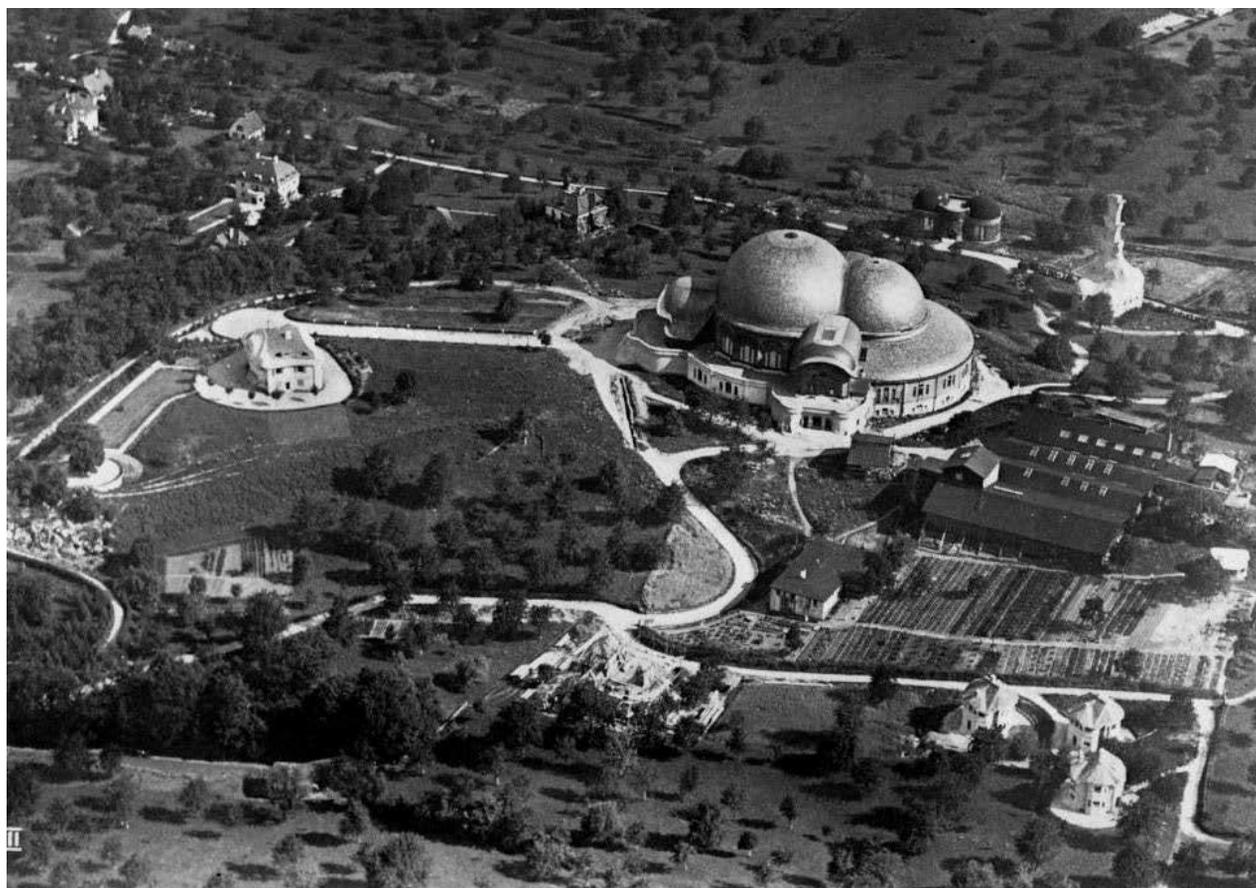
Теперь мы должны быть в силах сами себе помогать. Он знал, что это возможно, но в точности узнал это только в последние дни своей болезни, и это наполняло его радостью, но и печалью, потому что он не хотел нас оставлять. О, он любил нас всех так сильно!

Теперь мы должны готовить себя к тому времени, когда ему вновь будут поставлены земные задачи, ведь это время придет быстро. Нам нужны надежда, твердость и устремленность, чтобы из духовного мира воспринимать его волю. Мы чувствуем его среди нас — самого удивительного, самого прекрасного Человека, друга Божьего.

19 апреля 1925 г.

Гюнтер Вакмут

Последние мгновения земной жизни Рудольфа Штайнера были свободны от всякой борьбы с телесной природой, от всякой неуверенности, свойственной в смертный час столь многим людям; на лице его запечатлелось умиротворение, внутренняя уверенность, благодать, духовное прозрение. Он сложил руки на груди, глаза излучали свет, сосредоточенно созерцая миры, в которые он вступал. С последним вздохом он сам закрыл глаза, но в комнате не возникло ощущения конца, — напротив, казалось, здесь вершится высочайшее духовное деяние. Возвышенно-просветленное бодрствование выразилось в его чертах, в молитвенной стати рук. И подобно тому как средневековые мастера придавали изображенным на саркофагах рыцарям такой облик, что закрытые глаза казались зрячими, а упокоенное тело — застывшим лишь на миг, так и его покоящаяся фигура выражала неземное бодрствование, готовность идти вперед в расступившихся сферах духа.

Frühling - Erwartung

51. Ins Innere des Menschenwesens

Ergießt der Sinne Reifstum sich

Es findet sich der Weltensein

Im Spiegelbild des ~~menschlichen~~ menschenauges

Das seine Kraft aus ihm

Sich neu erschaffen muß.

Fr. Zweiundfünfzigste Woche (30. März).

52. Wenn aus den Seelentiefen

Der Geist sich wendet zu dem Weltensein

Und Schönheit quillt aus Raumesweiten

Dann zieht aus Himmelsfernen

Des Lebens Kraft in Menschenleiber

Und einet, machtvoll wirkend

Des Geistes Wesen mit dem Menschensein

~~Das Leben in dem Menschen mit dem Menschsein~~

Пятьдесят вторая неделя (30 марта)

Когда, себя направив
К миробытию из недр душевных, дух
Встречает Красоту пространства,
Тогда нисходит в тело
Космическая сила жизни,
Духовную природу
Сплавляя с человека бытием.

Рисунок Вильяма Скотта Пайла

Кредо¹⁷

Мир идей есть первоисточник и принцип всякого бытия. В нем бесконечная гармония и блаженный покой. Всякое бытие, не осиянное его светом, было бы мертвым, призрачным, не участвующим в жизни мирового целого. Лишь то, что свое бытие производит из идеи, означает нечто на древе творения Вселенной.

Идея есть ясный в себе, в себе самом и собою самим удовлетворенный дух.

Все единичное должно иметь в себе дух, иначе оно отпадет, как засохший лист с дерева, и существование его было бы тщетным.

Но человек чувствует и познает себя как отдельное существо, когда пробуждается к полноте своего сознания. При этом в него закладывается стремление к идее. Это стремление побуждает его преодолеть свою обособленность, оживить в себе дух, стать причастным духу. Все самостное, что делает его этим определенным, отдельным существом, он должен упразднить в себе, отказаться от этого, ибо это и есть то, что затемняет свет духа. Лишь того, что проистекает из чувственности, влечения, вожделения, страсти, желает этот эгоистический индивидуум. Следовательно, человек должен умертвить в себе эту самостную волю, он должен вместо того, чего он хочет как отдельный человек, хотеть того, что дух, идея волит в нем. Дай умереть обособленности и следуй голосу идеи в тебе, ибо лишь она есть Божественное!

Что волят как единичное существо, то для мирового целого — не имеющая ценности пылинка, исчезающая в потоке времен; что волят в духе — находится в центре, ибо тогда в нас оживает центральный свет Вселенной; и такое деяние не побеждается временем.

Действуя как единичный человек, вырывают себя из замкнутой цепи мирового свершения, отделяют себя от него. Действуя в духе, вживаются во всеобщее мировое свершение. Умерщвление всякой самостности есть основа для высшей жизни. Ибо тот, кто умерщвляет самостность, живет в вечном бытии. Мы бессмертны в той мере, в какой мере мы даем умереть в себе своей самостности. Ибо смертным в нас является самостность. Таков истинный смысл изречения: «Кто не умрет прежде, чем он умрет, тот погибнет, когда умрет». Это значит, что не преодолевающий в себе самостность в течение своей жизни не принимает участия во всеобщей жизни, которая бессмертна; что он вообще никогда не существовал, что у него никогда не было истинного бытия.

Есть четыре сферы человеческой деятельности, в которых человек полностью отдает себя духу, умерщвляя свою обособленную жизнь: познание, искусство, религия и полная любви отдача себя другой личности в духе. Кто не живет по меньшей мере в одной из этих четырех сфер, не живет вовсе. Познание есть отдача себя Вселенной в мысли, искусство — в созерцании, религия — в чувстве; любовь в сочетании со всеми духовными силами есть отдача себя тому, что представляется нам заслуживающим уважения существом в мировом целом. Познание — наиболее духовная, любовь — наиболее прекрасная форма бессамостной самоотдачи. Ибо любовь есть поистине небесный свет в жизни повседневности. Благочестивая, истинно духовная любовь облагораживает наше существо вплоть до его внутренних нитей, она возвышает все, что живет в нас. Эта чистая, благочестивая любовь преобразует всю душевную жизнь так, что она становится родственной Мировому Духу. Любить в этом высшем смысле — означает вносить дыхание божественной жизни туда, где большей частью имеют место отвратительный эгоизм и безудержная страсть.

Только тогда можно говорить о благочестивой жизни, когда знают нечто о святости любви.

Если человек из своей обособленности вжил в божественную жизнь идеи через одну из этих четырех сфер, то, значит, он достиг того, к чему его направляет зародыш стремления, заключенный в его груди: соединения с духом; а это и есть его истинное предназначение. Тот же, кто живет в духе, живет свободно. Ибо он избавился от всего подчиняющего. Он не

---

¹⁷ Написано до 1888 года.

знает никакого принуждения кроме того, которое он принимает на себя добровольно, ибо признал его за высочайшее.

Дай истине стать жизнью; потеряй самого себя, чтобы снова обрести себя в Мировом Духе.

1888

Ася Тургенева

Теперь мы оказались перед фактом: Рудольф Штейнер умер. Но это слово не годилось для него. Теплая жизнь оведала эти помолодевшие черты, нежно освещенные мягким свечным сиянием. Его окутывало белое одеяние, выделялись лишь темные волосы. Покой, исходящий от него, не был смертным покоем, — это не было и сном. Он внимал... и задавал вопросы. При жизни его часто воспринимали как совесть, и совесть пытались иногда отклонить неуместным в его присутствии поведением. Происходила как бы беседа с глазу на глаз, которая обрывалась и вновь возобновлялась. Но последнее слово всегда оставалось за ним. Теперь каждый стоял перед ним со своей совестью, и он с бесконечной кротостью предоставлял всем свободу действий. Когда я повернулась к выходу, то увидела просветленный, прекрасный лик госпожи Штейнер, вззирающий на нас из темноты. Было такое впечатление, что она вобрала в себя все, что было пережито другими. Только она встала над смертью.

Несмотря на увеличивающийся поток посетителей, я еще не раз заходила в мастерскую. Можно ли было расстаться с ним? Всякий раз он менялся. На третий день он был надмирно прекрасным. Одна любовь выражалась в его чертах. Если припомнить игру солнечных лучей в цветных стеклах окон Шартрского собора, то возникающее при этом настроение отчасти сходно с тем, которое было у нас в этот третий день. На четвертый день к его выражению лица добавилось нечто энергичное, почти строгое и одновременно отстраненное. Друзья сняли с него посмертную маску.

Ита Вегман

Об уходе Доктора Рудольфа Штейнера с физического плана

Дорнах, 3 апреля 1925 года

С того утра, когда в мире распространилась весть о смерти Рудольфа Штейнера, бесконечный человеческий поток заполнил собой пути в Дорнах. Приходилось прицеплять к поездам добавочные вагоны, чтобы доставить всех друзей к месту, освященному делом любви, днями болезни и смерти. Скромный катафалк, на котором покоилось тело Рудольфа Штейнера, стоял в мастерской Гетеанума, в ногах статуи Христа, созданной самим Штейнером.

С утра до вечера подходили опечаленные друзья к тому, что было земного в их Учителе. Теплое сияние свечей придавало всему золотистый отблеск; наполняющий комнату аромат все новых цветочных приношений смешивался с атмосферой мастерской. Трудно отвести глаза от этого тонкого лица мыслителя. Причина смерти — безостановочная отдача всех жизненных сил миссии Антропософии. Последние месяцы являлись медленным угасанием физических сил при необычайной ясности силы духа. Без агонии закрыл глаза этот необычный наставник; это был спокойный переход в другое состояние — через последний освобождающий вздох.

А за этими стенами звучит песня труда: строительство Гетеанума идет своим чередом. Нужно было видеть, как входили сюда простые, скромные рабочие со стройки. В синих штанах и блузах стоят они у смертного ложа того, по чьим планам трудятся. Украдкой проводит жесткая рука по глазам — и затем снова принимается за дело, направляя все свои силы, чтобы принести лепту в дело всей жизни Рудольфа Штейнера. Каждый из этих рабочих — вовсе не антропософов — был в личных отношениях с создателем Гетеанума.

Вечером первого апреля швейцарский поэт Альберт Штеффен прочел последнюю лекцию Штейнера: призыв к силам Михаэля, путь к которому ведет через Антропософию. Обряд поминовения усопшего был свершен второго апреля доктором Фридрихом

Риттельмайером, — слова благословения были произнесены в столярной мастерской, где в черном гробу, в окружении красных роз, покоилось тело. В то время как торжественный обряд совершался при безмолвном участии всех собравшихся, Альберт Штеффен еще раз живописал почившего как друга Божьего и Учителя людей. Отдельно указал он на то, как глубоко должны мы быть благодарны Марии Штейнер за её совместную творческую работу с Рудольфом Штейнером. Гармонией сфер звучала во вступлении и заключении нежная музыка Дольдингера, написанная им для скрипки.

В пятницу утром в десятом часу в базельском крематории тело Рудольфа Штейнера, после благословения его Риттельмайером, было возвращено элементам. Альберт Штеффен еще раз выразил в глубоких словах признательность миссии Рудольфа Штейнера — и многие тысячи собравшихся отдать последний долг почившему разошлись, одухотворенные единым духом.

Панихида в Дорнахе

Во вторник [31.03.1925] в 9:30 вечера во временном лекционном зале Гетеанума состоялась панихида по Рудольфу Штайнеру. В ней приняло участие, наверное, около двух тысяч человек, из которых многие должны были остаться в прилегающем машинном зале (после того, как разделяющая эти два помещения стена была частично снята). Открытый гроб был поставлен на сцене, видевшей эволюцию художественного творчества Рудольфа Штейнера; вокруг широким полукругом сгруппировались присутствующие. Торжественные слова и обряды, данные самим Рудольфом Штейнером, были произнесены и совершены доктором Риттельмайером; затем к собравшимся обратился с речью Альберт Штеффен.

Рано утром в пятницу земная оболочка Рудольфа Штейнера была доставлена в Базель.

<...>

День погребения

Теплое весеннее солнце озаряло своим светом некрасивые ряды домов и голые стены кладбища Хорбург, за которыми возвышались окутанные дымом фабричные трубы; аромат цветов преодолевал запахи химических продуктов. Вскоре после девяти часов перед крематорием собралось несколько сот человек, ожидающих своего почившего Наставника. Около 9:30 подошла колонна автомобилей: впереди катафалк, утопающий в цветах.

В крематории

Пока в помещение вносились цветы и венки, члены дорнахской общины, озаренные солнцем, смотрели на колесницу, где покоился их Учитель. В простом черном гробу был вынесен почивший, и поставлен на катафалк. На гробе было черное покрывало; вскоре на нем зажглись красные розы, положенные женской рукой. Выбритые мужчины с задумчивыми глазами и тонкими лицами ученых, женщины — вскоре заполнили крематорий, в то время как еще сотни остались при открытых дверях на ступенях лестницы и на улице, принимая участие в обряде. Через полчаса, с десятью ударами часов, вошли три священника Христианской Общины, основанной благодаря Рудольфу Штейнеру. Поверх белых священнических одежд на них были черные мантии.

Один из них держал в руке молитвенник; швейцарская священница несла сосуды со святой водой и ладаном. После исполнения музыки перешли к торжественному обряду: были прочитаны молитвы, гроб был окроплен святой водой и осыпан ладаном. Затем, на глазах всей стоящей массы людей, гроб с грудой цветов погрузился в глубину; это выглядело,

точно исчезала величественная фигура, всенаправляющий центр. И в то же время к сводам поднимались торжественные звуки музыки.

***

<...> Он нам снова показал мир таким, что мы смеем верить тому, что мир изшел от Бога. И он умер так, что мы чувствовали присутствие Христа в его смерти. Пусть он воскреснет в наших делах, пусть его дух воскреснет в наших делах и мы постараемся, насколько сможем, освящать наши дела. <...>

Речь Альберта Штеффена

Двадцать пять лет тому назад Рудольф Штейнер обосновал Антропософию.

Он учил нас преодолевать агностицизм, духовную смерть.

Он вернул нам религиозность, стоящую вне всяких сект. Сегодня, когда нам было дано пережить вместе этот святой торжественный обряд, вспомним, как к Рудольфу Штейнеру пришли пятьдесят богословов, прося его дать им возможность связать снова их богословие с жизнью духа. В белом зале Гетеанума, из которого впоследствии распространился огонь, Рудольф Штейнер установил тот обряд, который теперь совершается над ним самим — священниками Христианской Общины.

Мы знали Рудольфа Штейнера — самого правдивого, самого внутренне прекрасного, самого доброго и самого святого человека из встречавшихся нам в течение десятков лет. При помощи всех способностей, данных нам самым трезвым веком мира, исследовали мы его дело. Мы не могли обнаружить ни одного пятна на этом человеке. И все же его поносили и клеветают на него даже теперь, когда он еще не предан земле. Но Рудольфу Штейнеру обязаны мы также и тем, что мы никого за это не осуждаем.

К выявлению истины — науки о духе — Рудольф Штейнер присоединил еще выявление красоты. Он дал нам эвритмию, он дал вместе с Гетеанумом новую архитектуру, новую пластику, новую живопись. Данное им нам в Гетеануме мы не сможем охватить словами. Разрушение Гетеанума разрушило и его жизненные силы. С тех пор он перестал быть от природы жизненно-сильным человеком, а продолжал им быть только благодаря своей необычайно укрепленной воле, той воле, которая непрерывно возобновлялась мудростью сверхчувственного.

В день Михаила он, уже больной, в последний раз пришел к нам. После этого он лежал в своей мастерской в ногах статуи Христа, которую он сам создал, и работал там с утра до поздней ночи. Он поручил доставлять ему каждую новинку книжного рынка, и в его мастерской скоро составила большая библиотека; это указывает на то, что Рудольф Штейнер до последней минуты любил мир.

Я хотел бы говорить также и как швейцарец. Многие швейцарцы, любившие Рудольфа Штейнера, хотели, чтобы он стал гражданином их страны. Одна швейцарская община предназначила для этого Дорнах (и Дорнах наверняка принял бы его) и предложила ему по единогласному решению право гражданства. Но Рудольфу Штейнеру не суждено было стать швейцарцем.

Я хочу сказать еще несколько слов о болезни нашего Учителя. Ему становилось очень трудно ходить оттого, что прежде всего жизненные силы покинули его ноги. Также и питание становилось все затруднительнее. Но это не мешало его сердцу биться все с той же любовью, а голове думать все столь же ясно — до последней минуты. Еще в последнюю пятницу Рудольф Штейнер оставил кровать и пересел на кушетку, потому что на ней ему было легче. Он оживленно беседовал с окружающими, мы говорили себе, что кризис миновал. На следующий день я его опять застал на кушетке, но он был молчалив и грустно смотрел на нас. Я спросил врача [доктора Иту Вегман], почему Доктор так печален; она

сказала мне о своих опасениях. В воскресенье произошел возврат болезни, решительно лишивший его физических сил. Но и эта потеря сил не затронула ни его сердца, ни мышления. Рудольф Штейнер до самого конца сам давал указания относительно того, что надо делать. Даже борьба со смертью не была для него борьбой. Не было того, что обычно видишь при умирании, не было агонии, было лишь тихое дыхание. И в его устремленном взгляде читалось глубокое размышление. Нам казалось, Рудольф Штейнер погружен в глубокую божественную проблему. Он думает над божественной истиной. И это мышление переходило — все больше — в молитву. Впечатление было такое, что Доктор в духе царит над своим телом, становящемся все бестелеснее. Он в духе смотрел вниз на это тело. Иначе думать было невозможно; и в тот момент, когда он в последний раз вздохнул, показалось, что разорвалась нить, которую слабо потянули: это было совсем слабое, — нельзя сказать «болезненное» содрогание, — но совсем нежное, нежное высвобождение. И в этот момент Рудольф Штейнер закрыл глаза. <...>

Ф. Цейльманс ван Эммиховен

<...> Он лежал в мастерской на своем смертном ложе. И я хочу попытаться сказать о том, что открыл мне его дух в образе смерти. Это будет лепет. Ибо лишь одаренный творец может сказать несказанное. Это был образ радости богов и горя людей. «Друг Божий и Наставник человеческий» — так его назвал Альберт Штеффен, — умер.

Там снаружи в природе боги праздновали праздник, потому что к ним пришел великий Наставник человеческий. Здесь внутри у смертного ложа печалились люди, ибо у них был отнят любимый друг Божий. Там снаружи была весна. Внезапно запели птицы. В растениях и животных жила радость воскресения. Радость воскресения искала путь к людям, входила в их чувства, опускалась в их сердца... Здесь внутри у смертного ложа печальные лица с болью смотрели на дорогой облик. Вставали воспоминания — самые благородные, самые прекрасные в их жизни. И все они были связаны с этим обликом. Боль пронизывала их души, поднималась в их сердца.

Так встречались радость воскресения и боль смерти. Радость богов и горе людей.

Какое удивительное было у него лицо в первый день после смерти — словно в летнем сне, спокойное и размышляющее. Как будто в каждую минуту он мог проснуться и рассказать нам о том, что пережил его дух — там наверху, у богов.

Его умирание было молитвой — так рассказывали нам. Несколько часов лежал он в глубоком размышлении, смотрел вдаль. И все больше и больше его размышление становилось молитвой. Он лежал недвижимо тихо, со сложенными руками. Он только сказал еще несколько милых слов своему другу, ходившей за ним фрау доктор Вегман, внутренне с ним связанной. И лишь после ряда часов он закрыл глаза и умер. Без борьбы со смертью. Его молитва на земле была окончена.

А для нас было — словно молитва его духа продолжалась. Как будто его могучая молитва шла через наши печальные души. И там, где в наших сердцах встречалась радость воскресения и боль смерти, там что-то расцвело и воспарило, унесенное ввысь его молитвой. И то, что для каждого из нас было благодарственной молитвой, для всех вместе стало несомненным образом будущего.

На второй день он показался мне иным. Теперь на его прооухотворенном лице лежала тень страдания. Словно в этом лице отразилось нечто от боли многих сотен друзей, притекших из разных стран. Теперь было трудное переживание радости воскресения. Но из его блистающего лба торжественно исходили серьезно-радостные мысли.

Затем наступил третий день.

Опять произошло изменение. Теперь перед нами был лик святого: без боли, без греха. Лик сверхчеловечески великий, но в то же время в малом содержащий все, что прекрасно,

хорошо и истинно. Непостижимо далекий от нас — и в то же время совсем близкий. Божественный, но несущий все человеческое.

Его благородный лоб стал более сверкающим, чем раньше. Глубоко лежащие глаза таили тайны Вселенной. Языком Вселенной говорил его прекрасный рот.

Никогда еще не видели таких рук. Они были крепкими, как у человека, привыкшего к трудной работе. Но они были проодухотворены до последнего мускульного волокна. Ими работал он в твердом дереве. Ими он писал свои ясные, легкие рукописи. Бесчисленным людям снова и снова подавал он свою руку, и все ощущали это как благословение.

Каждую ночь у смертного ложа стояла стража любящих друзей. Шесть врачей и четверо других его близких должны были в последнюю ночь по двое держать стражу. И часы, проведенные там нами, были незабываемой красоты и святости.

Была тихая мирная весенняя ночь. Луна светила, как солнце. Черные демонические облака все старались закрыть её сияние, но все ярче бросала она на землю солнечный свет.

А в мастерской, теперь в гробу, священное тело. Вокруг горели свечи, бросая свой золотой блеск на черный гроб. Поднимался аромат цветов, говоря нежным языком души. Немного в стороне на своем ложе бодрствовала фрау доктор Вегман, ходившая за ним врач. А в ногах стояла великая молчаливая статуя Христа — с жестом, указующим на судьбы Вселенной.

Слева и справа от гроба стояли мы, два врача, как стражи, охраняя пламя свечей, чтобы они горели спокойно и ровно.

Какой все имело чужой и таинственный вид... И в то же время такой знакомый. Вставали образы древнего прошлого, серебром вспыхивали в сиянии свечей и исчезали. Когда-то это уже было... И раз навсегда знали мы: это — вневременное событие. Оно указывает на древнее прошлое, оно указывает на далекое будущее. Здесь сплавляются прошлое и будущее, образуя вместе вечный космический образ. Образ божественного водительства и мирового предназначения человека.

Приходили друзья снимать маску. Молча мы стояли вокруг. А когда узнали, что маска вышла хорошо, то радостно подумали: слава Богу, теперь даже через столетия люди смогут увидеть это выражение самой глубокой мудрости, самой проникновенной любви, самой горячей святости.

Во мраке раннего утра уже запели птицы. И когда пришла фрау доктор Штейнер, чтобы последний час провести около открытого гроба, мы благоговейно приветствовали мужественную женщину, с такой силой духа переносящую свою великую скорбь, и тихо ушли.

Мы знали — придут тяжелые времена. Но нас поведут пятеро, избранных им, и мы знали, что в них может проявляться его дух.

И когда придут тяжелые времена, для каждого, кто вместе пережил в своем скорбном сердце этот праздник воскресения — трудные времена станут испытаниями.

Испытаниями души, которые он победит.

Фридрих Риттельмайер

Его самоотверженная помощь людям стоила ему жизни.

<...>

Через полгода я стоял у его гроба. Никто из нас не ожидал, что Штайнер поддастся болезни. И вот его брэнная оболочка, только что покинутая духом, покоилась на смертном одре у подножия изваяния Христа, которое он почти завершил. Тот, кто всматривался в лицо покойного, видел, как дух преображает плоть великого человека. Духовная высота и чистота черт выдержала бы любое сравнение и любое испытание. Возможно, посмертная маска, если ее когда-нибудь запечатлеют на полотне, произведет на многих людей незабываемое впечатление и убедит их в его правоте. Мой взгляд снова и снова перемещался от брэнной

плоти к высокой фигуре Христа, изображенной в энергичном движении к будущему. Ученик упал к ногам Мастера. Казалось, что Христос, неудержимо шагающий навстречу грядущему, бережно принимает его в Себя. Миссия ученика завершилась. Божественные мировые цели светились на челе Мастера.

По желанию г-жи Марии Штайнер я совершал похоронную требу по ритуалу Общины христиан в благоговейно убранном зале, где Рудольф Штайнер прочел большую часть своих лекций. Капля ритуальной воды, упавшая на чело усопшего, сияла, как бриллиант, в течение всей церемонии. Свет множества свечей отражался в этом сияющем бриллианте — так откровения высших миров всю жизнь отражались в этом духе. И с этим драгоценным камнем на челе тело опустили в саркофаг.

Карл Унгер

У смертного ложа Рудольфа Штейнера

...и вот я стоял перед видимой оболочкой, которую его дух нес на себе в земной жизни. Теперь он, Рудольф Штейнер, сложил с себя эту оболочку. Пусть имя его никогда не изгладится из памяти людей. Оболочка земная лежала еще не тронутая на последнем ложе так, как он сам закрыл глаза, как сложил руки... В головах у него — Мария Штейнер, олицетворение чистейшей духовной любви: она мне передала священнейшее завещание, придавшее мне бодрости, и у меня на устах умерли слова, которые я мог бы сказать ей в утешение. Бесконечная благодарность великой женщине, которая так несет в своих руках и в своем сердце самое дорогое наследие человечества. Всякий, встретивший ее взгляд, уходил оттуда утешенным.

И вот я смог погрузиться в созерцание его при ярком свете позднего утра, проникавшего через верхний просвет в комнату, полную свидетелей его неутомимого творчества вплоть до последнего часа; и если надо сказать то, чего нельзя выразить словами, то попробую сделать это при помощи образа и сравнения.

Так говорил рот: мудрость умолкла для земного слова, но глубина этого священного молчания есть красноречие духа.

Так говорили глаза: бесконечная доброта светит сквозь сомкнутые вежды; кто когда-либо видел взгляд этот, тот снова встретит его в вечности.

Так говорил лоб: наивысшая сила сияния любви проистекает оттуда, где высшая мудрость вес снова и снова зажигалась о пламень сердца.

Так говорили руки: освященные силою слова на творчество, они отдыхают от работы, но в себе они хранят высокую силу благословения.

И на это отвечал невыразимо длинный ряд образных воспоминаний более чем за двадцать один год, которые все свидетельствовали о личном общении с милым, добрым Учителем и Наставником, заслуживающим бесконечного почтения. Его дело продолжит жизнь — может быть, более грандиозная, чем мы подозреваем сегодня. Его творчество непрерывно продолжается среди людей во всех мирах, но личное человеческое воспоминание возлагает обязанность давать от его доброты всем тем, кто подходит к ней с открытым сердцем. Я знаю, что многие это чувствуют, питаюсь от своей безграничной благодарности.

Тот, кто встречался с ним, знал, что перед его взором, проникающим в сердце, можно было обнаружить свои слабости, которых не надо было стыдиться, и смущение перед его неизмеримой, непостижимой добротой несли как драгоценное сокровище на протяжении всей последующей жизни. Как часто его неправильно понимали; и как часто снова всплывало после многих лет из души слово истины — мысль, полная силы, — и тогда оно, возродившись из своей собственной сущности, говорило громко, подобно голосу совести; и как часто бывало уже слишком поздно, чтобы воплотить его в действии.

После обеда я опять был в этой комнате в длинной веренице друзей, собравшихся вместе из разных стран. Теперь дневной свет сменился тьмой, и при свете свечей этот почитаемый нами лик казался еще просветленнее и священнее, чем утром. А надо всем высоко возвышалась статуя Христа, которую его руки оставили хотя и незаконченной, но полной величественного выражения. Освещенная сбоку свечами, левая сторона Его Существа выражала сильнейшую боль, но рука указывала ввысь. Тут я увидел и Иту Вегман, которая верным стражем стояла в ногах. Как безгранично боролись её самоотверженность и любовь на протяжении месяцев за дорогую жизнь, доверенную ей как врачу. Как многим обязаны ей все в смысле завещания Рудольфа Штейнера, оставленного им Гетеануму.

До вечера следующего дня приходили все новые толпы членов Антропософского Общества, — его ученики. Делегации от рабочих и с новой стройки Гетеанума, которые хотели еще раз увидеть «милого доктора Штейнера»; они пришли с цветами. Делегации от старших классов его свободной Вальдорфской Школы, являющейся его любимым детищем, и все ее учителя явились проститься со своим главным Учителем. И друзья, встречавшиеся часто впервые после многих лет, безмолвно смотрели друг другу глубоко в глаза, и каждое пожатие руки было клятвой.

Вечером третьего дня члены Антропософского Общества собрались на поминовение, причем душа Альберта Штеффена служила посредником между ним и нами. Полный благоговения, повторил он нам последние слова Рудольфа Штейнера, произнесенные им в день Михаила в широком кругу присутствовавших, и в этот момент пробились новые почки будущего роста и цветения.

Теперь, мир, проснись. Вглядишься в дело покойного, если ты не мог познать живого. Не один человек переживал, как страх переходит в благоговение. Этот великан выковал свой молот на твердейшем сопротивлении потерявшего дух времени, на жесткой мысли, и этим молотом он могущественно ударил по вратам Духа. И они распахнулись для того, чтобы никогда больше не закрываться; и если вы и ослеплены еще яркостью света, то все же — помните твердо:

ВРАТА РАСКРЫТЫ.

*1 апреля 1925 года
Дорнах*

Оглядываясь на жизнь и творчество Штайнера, хочется крикнуть людям и всему современному миру, ощутившему себя на краю пропасти: кого и чего вы ищете — преодоления материализма? решения социального вопроса? возрождения науки, искусства, религии? — Пути разрешения всех этих проблем указаны Рудольфом Штайнером. Они не соответствуют устоявшимся представлениям. Надо ли их отвергать за это? Пренебрегать ими из-за непривычности языка? Или потому что некоторые ученики не обладают силой убеждения? А разве иначе было в древности, во времена великих пророков и водителей человечества? Дало ли себе наше время труд вникнуть должным образом в наследие Рудольфа Штайнера? Попыталось ли оно взвесить его слова, воспринять и оценить его бесчисленные начинания? Книга о жизни Рудольфа Штайнера, написанная сегодня, не может не заканчиваться столь горькими словами.

Йоханнес Хемлебен (1960-е годы)

Пасхальная неделя

Когда из далей мира
Сознанию Солнце говорит
И радость из глубин душевных
Сливается со светом —
Тогда мышление прорастает
Из самостности в даль пространства,
Соединяя
Суть человека с Духа бытием.

Frühling.

A. Osterstimmung (7. — 10. April).

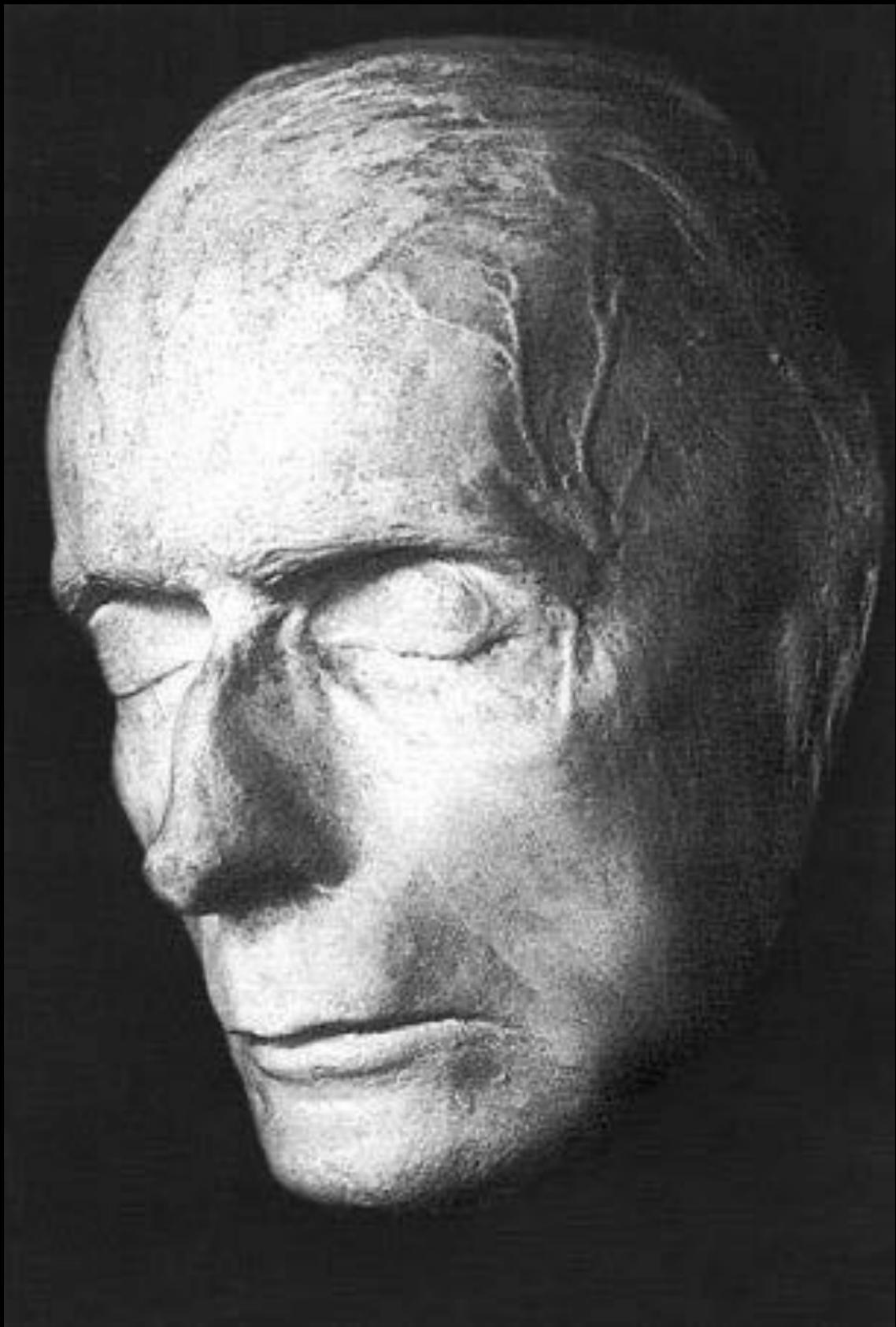
1. Wenn aus dem Weltenweiten
Die Sonne ~~spricht zum~~ ^{spricht zum} Menschenpin
Und Freude aus Seelentiefen
Dem Licht sich eint im Schauen
Dann ziehen aus der Selbstheit Hülle
Gedanken in die Raumes fernem
Und binden dumpf
Des Menschen Wesen an des Geistes Sein.

Ich möchte jeden Menschen
Aus des Kosmos' Geist entzünden,
Daß er Flamme werde
Und feurig seines Wesens
Wesen entfalte. —
Die andern, sie möchten
Aus des Kosmos' Wasser nehmen,
Was die Flammen verlöscht
Und wäss'rig alles Wesen
Im Innern lahmt. —
O Freude, wenn die Menschenflamme
Lodert auch da, wo sie ruht! —
O Bitternis, wenn das Menschending
Gebunden wird da, wo es regsam sein möchte.

***

Я каждого хотел бы
Духом Космоса возжечь, чтоб
Сам он стал огнем — и
Из глубины душевной
Воспламенился. —
Другие — мечтают
Угасить в водах Вселенной
Пламя Духа, веля
Всему живому в мире
Застыть в себе. —
О радость, если в человеке
Вспыхнет тлеющий огонь!
О бедствие, если в человечестве
Застынет то, что изначально — движенье.

R.S., GA 40

«То, что мы в душах насадили,
Чтоб возрасти, умрет на время;
Но вновь на землю возвратятся люди,
Что здесь дышали светом нашим, —
И дело наше в мир внесут они». —

Так часто говорит со мной
Из вечности любимый наш учитель,
Когда я в душу погружаюсь
В часы моих раздумий тихих
И пробуждаю силы
Для пребывания в царстве Духа.
Учителя я чувствую тогда,
Его словам я внемлю,
Как часто я внимал им
В земном существованье.
Не о конце для нас он говорит,
А только об осуществленьи
Во временах грядущих.

R.S., GA 14, из драмы-мистерии «Испытание души» (картина седьмая)

Мы должны с корнем вырвать из души страх и ужас перед тем, что приходит к нам из будущего. Человек должен научиться невозмутимости всех чувств и ощущений в отношении будущего. С абсолютным хладнокровием ожидать всего того, что может прийти из преисполненного мудрости Мирового руководства. Это суть то, чему должны люди научиться сегодня: жить в доверии, без какой-либо гарантии бытия, в доверии к постоянной помощи духовного мира. Поистине, сегодня иначе невозможно. Чтобы не пасть духом, мы должны как следует воспитать свою волю и искать пробуждения изнутри каждое утро и каждый вечер.

R.S.

1920

Солнечную улыбку его знали многие;
о ней говорили;
о ней — сказать надо;
ни на одном портрете не запечатлелась она.

Андрей Белый

1908

Что за дело вашим обманам и вашим мертвенным ликам
До того подвига, что я должен совершить,
Когда этого хотят от меня Духовные силы?
Я стану врагом собственной души моей,
Принуждая себя к мощной мысли,
Побеждающей робкое сердце.
Ибо она моя истинная опора — если я этого пожелаю.

R.S., GA 40

...не достигший полной невозмутимости относительно любого опыта в физическом мире, не может держаться прямо в духовном мире, и для своей повседневной жизни он рискует заработать обращение любви в ненависть, мужества в страх и так далее.

R.S., GA 266-3

Наше сопротивление неправильному имеет гораздо меньшее значение, чем наше служение правильному.

R.S., из письма 29.08.1904

...Какая это была ровная, тихая, поющая, домашняя, рождественская радость:
видеть, как он смотрит в огонь!

А тогда он всегда смотрел в огонь.

Днем. Ночами.

Укладывая чемодан,

говоря с людьми,

рисуя на подвернувшихся листках.

В бурном общении и в глубоком одиночестве.

В горячей смешливости и в непреклонной печали.

Всегда он смотрел в огонь,

он жил в этом огне,

он был глазами огня,

древний Сатурн и только еще снящийся Вулкан объединились,
породив его,

и когда огонь добежал по шнуру его жизни с двух сторон
до самого сердца —

вспыхнул рождественский цветок Храма,

воспел свою священную песню всеми органами гортанями,

взмыл Словом в самую тьму Мировой Полуночи! —

и отцвел,

осыпался нежными пепельными лепестками,

оставив в сердцевине — плод, спекшийся шарик, сгусток,

завязь тутовой ягоды — Камень Любви,

зерно будущего Космоса,

мягко зарывшееся в жертвенный пепел,

надежно скрытое от глаз и рук.

.....

И стало глазам больно смотреть на него,

потому что теперь он смотрел прямо в Свет.

Упорствуя выговорить его неподъёмные скрижали.

Перебрасывая людям солнечный мост Михаэля.

Надиктовывая космически срочные телеграммы.

.....

И обратились симфонии Рождества

в звенящее Пасхальное молчанье.

И окончился Календарь души тридцатым марта,

обратившись в Календарь духа,

и как, как благодарить — за то, что по-прежнему здесь

эта ровная, мощная, поющая, космическая, пробуждающая радость:

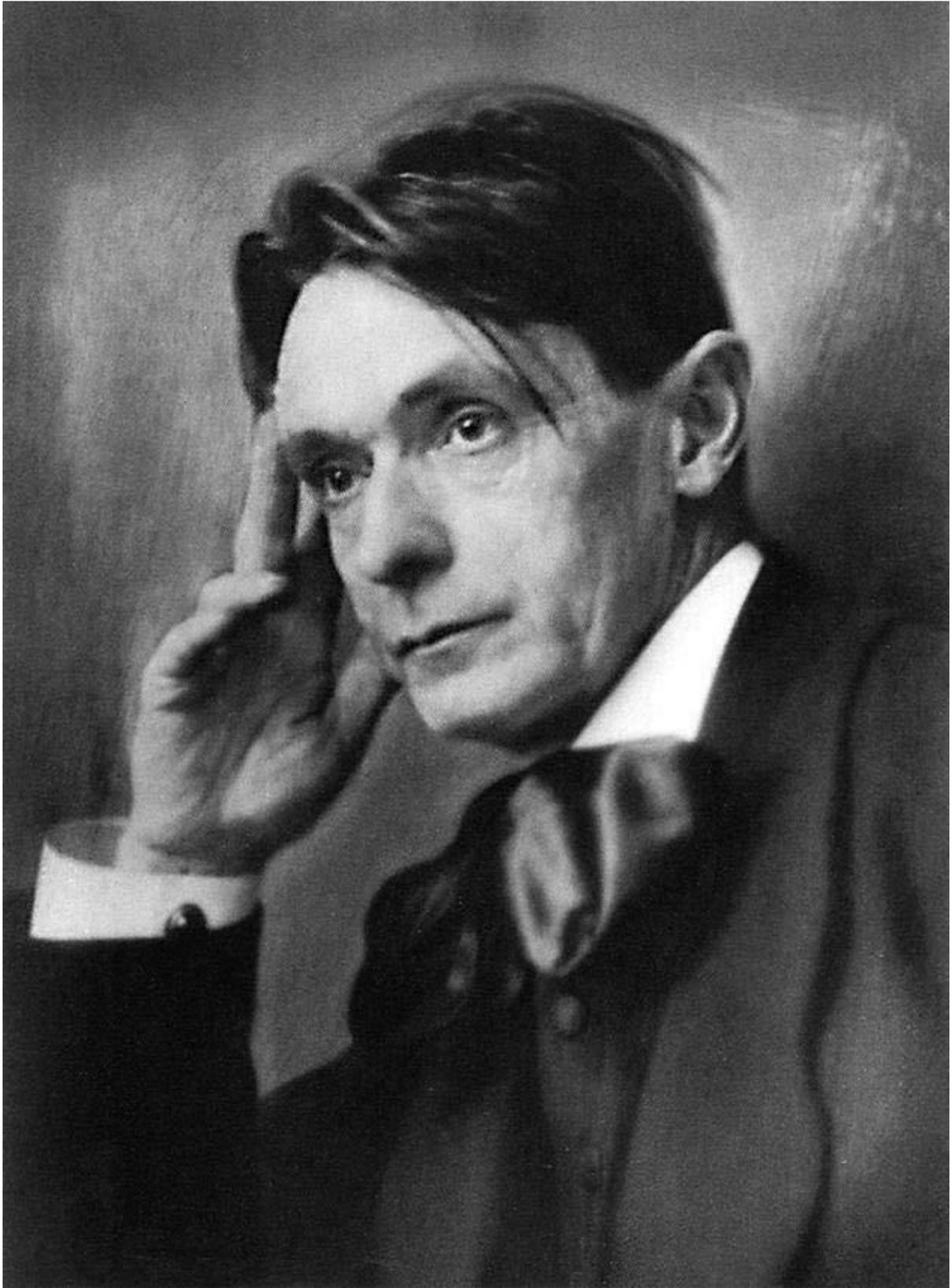
видеть,

как сквозь Свет — неотступно — он

смотрит

в Огонь?

К.Е.

1918

Мария Яковлевна Штайнер

1. 4 октября 1925 г.

Его оболочка сгорела в огне силы его творчества и любви. День ото дня видели мы это сгорание организма. Было известно, к чему это должно привести — и все же этого нельзя было изменить. Из огня его одухотворенности и его любви все снова приходила сила, которая принуждала истощенное тело к высочайшим, сверхчеловеческим трудам. Пока наконец не наступило то, что должно было наступить: благородное орудие его воли лишилось сил, и он слег — 23 сентября. Накануне Михайлова дня он в последний раз говорил с друзьями. Опаленный, выжженный тем неопишущим, что он совершил в последние месяцы, что примкнуло последним звеном к непрерывной цепи таких же трудов.

В июне состоялся сельскохозяйственный курс в Силезии. Была открыта новая область, дана полнота знаний, восхитившая сердца практиков, открывшая им будущие перспективы. Самое насущное для уже разработанной, испытанной области, излившее из себя невероятные возможности совместного действия практики и духовного познания.

Затем в июле — педагогический курс в Голландии. В августе — чисто духовноведческий курс в Девоншире. Последний. Все это одновременно с побочными курсами, с бесчисленными переговорами, с писательской работой и, так как не хватало дневных заседаний, — с убийственными ночными заседаниями по хозяйственным и общественным делам.

Приближался сентябрь. Уже надвигался Лондон и связанные с ним мероприятия. Второго должно было начаться собрание в Дорнахе при громадном стечении народа. В то же время были нужны заседания для учреждений в Штутгарте. Утомленный приехал он в Дорнах, чтобы тотчас же ночью уехать в Штутгарт и там проводить ночные и дневные заседания. В это время в Дорнахе я предприняла доклады для уже прибывших слушателей курса о языке, и пятого он мог сам начать прекрасное выступление. Не отдохнув и самого малого времени после штутгартских трудов, приступил он к работе. В это же время он прочитал курс о медицине и курс для Общины христианских священников, достигающий высочайших высей откровения. Ежедневно три курса несказанной силы духовного полета, удивительной полноты детализации и практических указаний. При этом — по крайней мере три доклада в неделю об Антропософии и прекраснейшие доклады для рабочих Здания.

У нас кружилась голова: нельзя слова было сказать, чтобы он поберег себя. Просить об этом — значило препятствовать. Так должна была исполниться судьба. Он сам часто говорил нам, что многочисленные частные разговоры — они-то и уложили его. Доклады, по его мнению, он мог распределить сообразно своим силам, и в них самих содержалась поддерживающая сила для него. Остальным, уступая просящим, он уже не мог управлять, уже не мог соразмерять с остатком своих сил. Четыреста посетителей насчитал привратник, в то время как он давал в день четыре доклада. Уже давно не было ни мгновения покоя, чтобы восстановить то, что было разрушено в силовом организме. Так разразилась над нами судьба.

Так появился он перед нами в последний раз 28 сентября — усталыми, слабыми шагами, — он, который входил почти всегда энергично, как юноша. Он говорил тихо, медленно, с трудом. Голос звучал на выдохе. И он не довел сообщения так далеко, как намеревался.

Он дал нам первую часть Мистерии Лазаря, сказав не только мне, но потом также написав на обложке первой записи: «Не передавать дальше, пока я не дам второй части». И все-таки ее взяли от него, как и многое другое. Теперь он уже не даст нам этой второй части. И по-прежнему нашим силам познания будет предоставлено различать истинное между тайнами инкарнации и инкарнации, в пересечениях линий [бытия] индивидуальностей.

Он закончил на том, что прошло красной нитью через откровения его мудрости: мистерии Новалиса–Рафаэля–Иоанна. Будет ли нескромно, если я здесь расскажу, как эта нить проявилась впервые? Может быть. Но столь многое стоит в прошлом как письмена

судьбы. Они складываются в картину, которая лежит вне времени, как и весь его труд. И в том, чтобы связывать великое с дружественно-человеческим, был весь он.

Это было в то время, когда он меня все больше побуждал выступать с рецитацией. Я пыталась тогда проработаться к Новалису. Я сказала ему, что мне это нелегко, что я еще не нашла ключ к существу Новалиса. Он дал мне совет погрузиться в настроение святых монахинь. Монахини мне не помогли. Наоборот. Я не знала, что с ними делать. И вот однажды прояснилось. Образы Рафаэля окружили меня. Дитя сияло на руках матери очами, глубокими, как миры. «Я вижу тебя в тысяче образов, Мария — кротко-явленная», — звучащее мировое море вокруг, гармония красок. Я сказала ему: «Монахини ничего не свершили. Но помог другой — Рафаэль. Теперь для меня Новалис стал совершенно ясен». Сияние прошло по его кроткому лицу. Через несколько дней он впервые открыл нам тайну: Новалис–Рафаэль–Иоанн–Илия. Он все снова, с разных точек зрения приводил нас к этой тайне. Последнюю, труднейшую, на пересечении линий другой индивидуальности, он дал нам накануне Михайлова дня — и прервался.

Мы не могли поверить. Мы думали, что он выступит еще раз. Что он будет давать дальше. Он, никогда не устающий давать. Мы рассчитывали на целительные силы весны. Это была слепота. Слишком износил он свое орудие — физическое тело. Слишком сильным стал его дух в своей самостоятельной освобожденности от физической оболочки. «Я недостаточно удерживал связь с телом в последний год», — неоднократно говорил он во время своей болезни. И как же он мог это делать. Меч Михаила, который он нам давал, был весь из иного металла, требовал полного высвобождения из оболочек.

Итак — меч выкован. Лишь наша слабость может стать его изъяном. Но тогда он обратится в огонь и изгонит нас из Царства Божьего, которое нам открыл.

О, человек,
Ты образуешь его на службу себе,
Ты распознаешь его по его веществу
Во многом, тобой созданном.
Но исцелением он будет только тогда,
Когда тебе откроется
Высокая сила Его духа.

II. 25 октября 1925 г.

Полосы света и кучевые облака

Судьба связала биение пульса и сердце нашего движения со страной, где претворенное в дерево видение красоты нашим Учителем могло быть осуществлено, могло сиять, три года служа своему назначению, освещая работу и давая импульс, чтобы потом со всеми своими жизненными силами вознестись пламенем в те миры, из которых к нам все мощнее будут возвращаться инспирации с той силой жизни, которая зерну дает возможность стать полным колосом, которая действует как сила природы, как произрастание посева из обработанной почвы.

Твердой была почва, которую представляла человеческая душа, иссушенная материализмом, тернистая и каменистая. До основания должны были быть перелопачены глыбы. Но посев был так богат, что теперь он мощно поднимается в душах, и он сделает их способными воспринимать уже в недалеком будущем то, что сейчас побеждалось и уничтожалось. Дух никогда не будет уничтожен: он извлекает из каждой смерти новую жизнь. Так пусть же памятный сияющий образ среди ландшафтов Швейцарской Юры, что погрузился в тысячи душ, способствует тому, чтобы тысячи рук стали действовать, когда инспирации, пронизанные мировыми силами становления, вернутся и уплотнятся до

имагинаций. Столетие не кончится без того, чтобы восстали такие строения, как утраченное нами, если только мы сделаем то, что должны сделать.

Это вера в будущее дает нам возможность все снова взирать с благодарностью к началу, к мужественным пионерам, которые вели свою работу с радостью и уверенностью, создавая будущее. Историческое становление связано с человеческим делом и с человеческой судьбой. В известный момент Провидение пользуется новой личностью, которая должна вступить в ход событий, — к этому ее склоняет внутренняя активность. И — конечно — из свободного решения. Через это она может служить тем целям, которые иногда лишь позднее может познать сама, будучи подчинена высшей необходимости, как бы отвечая некоему мудрому водительству. Она дает толчок, приводит колесо в движение так, что, может быть, кто-нибудь другой должен будет взяться более сильной и мудрой рукой, чтобы оно докатилось до правильной цели.

Провидение должно пользоваться многообразными орудиями и разнообразными человеческими способностями. В особые известные мгновения силы человека могут служить высшим целям и произвести решительные повороты, которые позже могут препятствовать и разрушать, если они не будут направлены по правильным путям. Водопад, мудро направленный и контролируемый, может привести в движение мощные рычаги; предоставленный же сам себе, он может от избытка сил разорвать плотину и произвести опустошения. Так же дело обстоит и с деятельностью людей. Чем мощнее движение вперед, тем больше опасность отклонения, если мудрое водительство не держит управления. Но и в игре самых скромных сил выявляются те же законы, только приглушенно и не столь значительно.

Чем скромнее человек, тем у него появляется более живое созвучие с деятельностью другого, которое оживляет его и делает активным. Там, где такой импульс действовал бы, может быть, слишком избыточно, — там опять вступает то, что исправляет и сдерживает. Так возможно для нас, при разумном познании наших способностей, создавать то, что приносит пользу и служит всем, нежели выдвигать на передний план личное желание и тщеславие, уводящие далеко от истины. Так могут силы увеличивать друг друга во взаимодействии, когда воля подчиниться высшему остается чистой и незатемненной, когда никакой спекулятивный, оппортунистически-уступающий элемент не оскверняет жертвенную чашу воли к служению... И здесь неприемлемы никакая тактичность, никакое искусство дипломатии. Они никогда не приводят к добру в движении, основанном на духовных реальностях.

Покажется удивительным, что я беру эти рассуждения за исходную точку описания истории нашего становления как общества. Но на каждом повороте эти вопросы оказываются снова актуальными. Известные явления возникают с симптоматической закономерностью, подобно картинам болезни, если признать их за таковые: лихорадка ведет к очищению, к отторжению элементов, вредящих здоровью.

Познание требует чистоты и мужества. Но познание необходимо. Никакая цена не будет слишком высокой платой за познание. К познанию побуждает все, даже то, что сначала из бессознательных побуждений становится препятствием на дороге. Камни, брошенные на дорогу, могут быть обращены в зеркала, из которых нам звучит: «О, человек, познай себя». И если мы обтачиваем или полируем камни до такой зеркальности, то они могут стать фундаментом для Здания будущего — иначе же они останутся помехой, лежащей на пути.

Упрямое перо все еще не хочет вернуться к исходной точке, водимое, как кажется, мыслью руки, а не мыслью головы. Оно хочет затронуть другую проблему. Оно хочет остановиться на бесконечной трудности образования совести в существе общества. Чего следует желать, чтобы совесть группы людей была бы такой же остроты, как совесть отдельного человека?

В далеком прошлом вместо этой совести действовала направляющая воля Учителя, простирающаяся вплоть до созревания мыслей в голове каждого. Потом пришел закон;

закон, приведший ко греху. И власть; власть, пользовавшаяся насилием: за ней шел ужас. Тогда возник параграф, определяющий сумму штрафа. Он привел к порядку, к дисциплине. Но также и к банальности, к иссыханию чувства ответственности, к автоматическому послушанию. Огорченное «Я» искало источников жизни. Оно искало их и в скрытом. Оно нашло тайные общества, их обычаи, законы, строгие формулы обрядов, жертву отдельной воли в пользу воли общей. Здесь манил некий идеал. Но сознавали, что этот идеал недостижим для воли отдельного человека. Там была несущая сила, сила действенного внешнего толчка вместо недостающей силы собственного стремления. За это были благодарны, связывали себя с высшей волей. А если эта высшая воля шла под гору, к человеческой несостоятельности, к упадку, обусловленному изживанием власти, то за это не отвечали. Прикрывались общностью, прятались за преступным послушанием. Можно было успокаивать свою совесть.

И пришел человек, который с неумолимо острым чувствованием свободы и правды сорвал покров самообмана с глаз людей.

Как они его ненавидели. А те, которые любили, понимали его немногим лучше. Они все же тосковали по костылям, которых он им не давал, они все же создавали себе клапаны для культа личности и стремления к каждению ладаном. В его присутствии такие стремления вынужденно смолкали. Достаточно было одного его строгого или ласкового взгляда — и тотчас прятался уже было высунувшийся язык ехидны. Часто отсюда возникала самая острая вражда. Но и верные его также не понимали. Ни меры его кротости, в чьем отблеске они казались лучше самим себе, ни степени его радости по поводу даже самой малой принесенной ему навстречу доброй воли, при дарах и способностях, которые он так любовно старался развивать. Они тоже становились выше, когда на них падал его свет. Теперь они нуждаются в ограждении, дабы не поблекло действие света, иначе близка опасность падения.

Самым трудным было воспитание ответственности, оно велось ценой всех его сил, отказом от последнего, что еще оставалось личного. Это не было особенно замечено.

Мы еще стоим перед этой проблемой. Перед проявлением ответственности из любви к свободе. Перед строгой чистотой в правдивости. Перенести это в общую жизнь было бы достойно идеала, в таком чистом сиянии подаренного нам, — и это было бы указанием пути в будущее. Он ждет этого от нас.

III. 1925 г.

Поворот года

Два заседания остались позади. Настроение «ликования», так сильно поднявшееся нам навстречу из сиротства первого месяца, звучавшее подобно детскому ликованию, долженствующему изгнать подкрадывающееся во тьме ощущение страха, — это настроение уступило место самому серьезному углублению. Много было знаков того, что мы отважились в нашем общем ощущении вполне осознать, чего мы лишились. В этом нас не должны обманывать никакие мистические обнадеживающие сны, как бы соблазнительно ни раскрывали они свои обманчивые крылья.

С тем, чей голос погас для нашего круга вечером 28 сентября, — с ним ушел тот напоминающий, кто предостерег бы нас от каждого ложного шага, и чьего пронизывающего взора было достаточно, чтобы уничтожить имажинативную пену наших фантазий. Ушел тот, кто все снова говорил нам: «Кто хочет сделать один шаг на пути эзотерического развития, должен сначала сделать три шага на пути морального совершенствования». Эта мысль должна быть нашим щитом против всех попыток соблазнительей ослепить и обезумить нас. Это присноповторяемое предостережение служит строжайшей правдивости. Будем ли мы всегда держать перед глазами это основное, по видимости столь простое, и все же столь далекое?

Того, что дано нам, достаточно, чтобы воспламенить все наше оставшееся существование. Сознание того, что мы потеряли, спасает нас от донкихотства и от опьянения звоном слов, которые не подтверждены фактами. Дела, которые мы сможем совершить, наполняясь мыслью нашего Учителя, никогда не смогут быть ничем иным, кроме снопа цветов на алтарь того, кто связал миры.

Если мы не осознаем этого в полном объеме, то рискуем потерять всякий масштаб, всякое ощущение расстояния, уровня и различения.

И третий идеал он дал нам: уважение к свободе. Он строго запрещал дурные привычки оккультных обществ и эзотерических кругов, проявляющиеся в том, что люди для той или иной цели собирались и посылали друг другу свои «потoki мыслей», с умноженной силой и с добрым намерением, но в наивной переоценке себя. В его окружении никогда не смело быть ничего подобного: он не допускал никакого влияния на людей даже дуновением мысли. Но как сильно люди этого хотят, узнаешь лишь в тех взаимоотношениях, которые несет с собой духовное движение. Нет ничего легче, как залучать людей и управлять ими, если вовсе не имеешь уважения перед внутренней свободой. Ставить людей на их собственные ноги — это самая неблагодарная задача, которая может выпасть на долю учителя. И эта задача в полной мере выпала тому, кто был Учителем для нас. Большая часть вражды к нему выросла из этого. Люди хотят, чтобы их вели. Поэтому церкви, а также иным организациям с их строго связующими обетами, было легко приобрести власть. А тот, кто хочет воспитать людей хранить верность лишь своему высшему «Я», тот должен знать, что от него отойдут те «Я», которые тоскуют об оковах. А таковых — большинство.

Воспитание «Я» в свободе и ответственности — это задача будущего. Тот, кто это берет на себя в настоящем, платит за это ценой самопожертвования. — «Ядуший Мой хлеб — попирает Меня пятой».

Так становится и он: памятью, от которой питаются тысячи, которая лишь одна питает человечество, и которой достаточно для того, чтобы человечество стало способным принимать пищу — эта память через очищающий огонь должна обратиться в железо, которое станет мечом Михаила.

Но внизу подстерегает дракон. Переданный нам меч может его побороть, если мы минуем три зла: самоослепление, недобросовестность, желание власти.

Он нас учил, как становятся победителями над всеми тремя. Будем ли мы иметь силу следовать по его стопам?

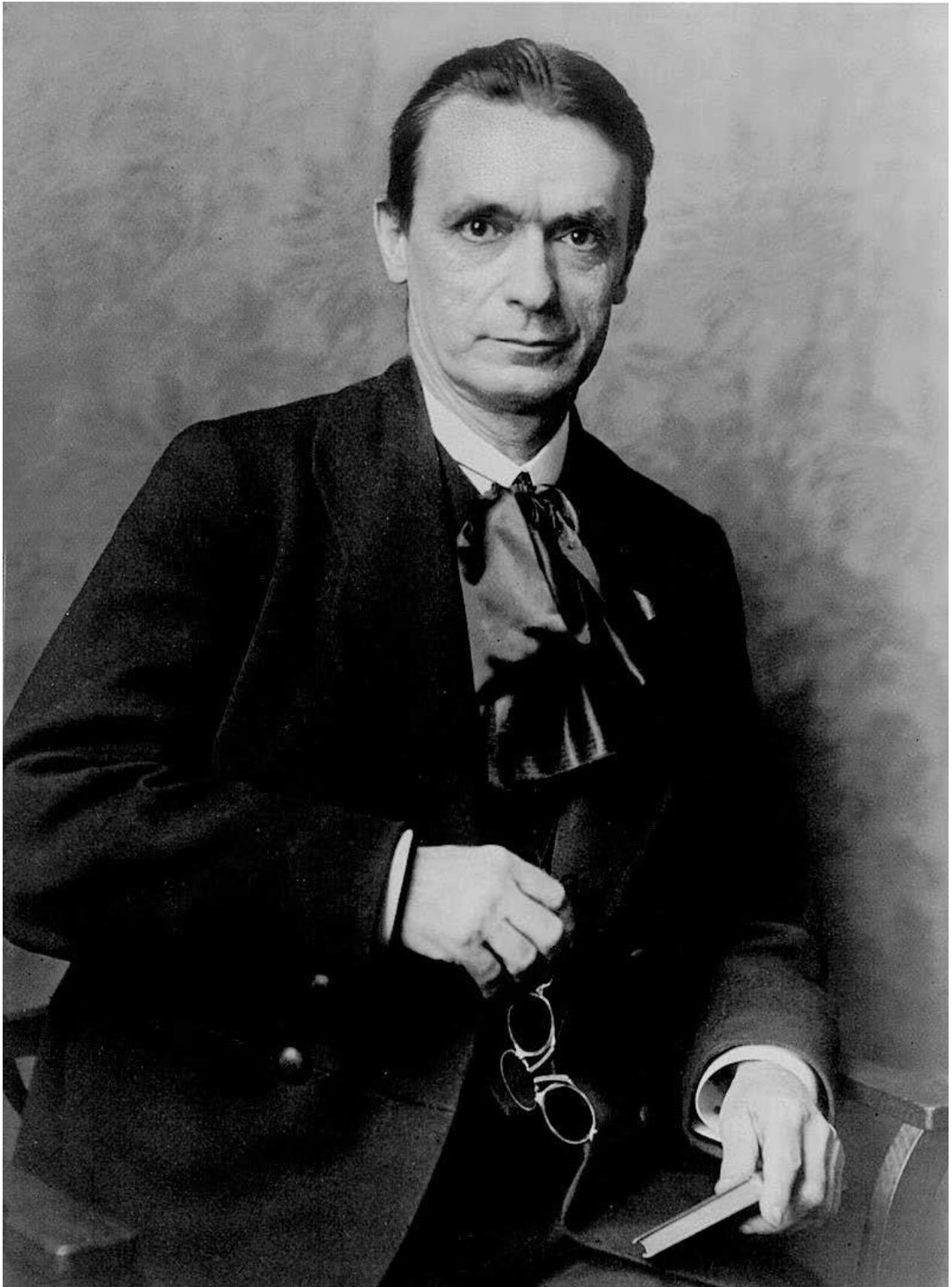
Этот ежедневно к нам направленный вопрос должны мы возносить в каждый Михайлов день, как могучую клятву воли, — из нашего общего переживания и как обет верности духу того, кто указывал нам на наше высшее «Я», дабы мы могли стать подлинно людьми.

У него уже не было времени дать нам указания для достойного празднования Михайлова дня, как он видел это. Наше сознание для этого должно еще созреть.

Вместо этого он отдал: себя, сам себя прокалил в этом.

И теперь в духе жизнедарующей смерти он — связан с этим днем, мы с ним — в его духе.

1916

1. Антропософия есть путь познания, стремящийся духовное в существе человека вести к духовному во Вселенной. Она выступает в человеке как потребность сердца и чувства. Оправдание свое она должна находить в том, что дает удовлетворение этой потребности. Признать антропософию может только тот, кто находит в ней то, что он ищет из своих душевных побуждений. Поэтому антропософами могут быть те люди, которые известные вопросы о существе человека и мира ощущают как жизненную необходимость, как голод и жажду.

2. Антропософия сообщает познания, приобретаемые духовным путем. Но она делает это только потому, что повседневная жизнь и наука, основанная на чувственном восприятии и на деятельности рассудка, ведут к границе жизненного пути, где человеческая душевная жизнь должна была бы замереть, если бы невозможно было переступить эту границу. Эта повседневная жизнь и эта наука не потому подводят к границе, что на ней необходимо было бы остановиться, но на этой границе чувственного восприятия открывается благодаря самой человеческой душе перспектива в духовный мир.

3. Есть люди, которые полагают, что с границами чувственного восприятия даны также границы всякого понимания. Если бы эти люди обратили внимание на то, как они приходят к осознанию этих границ, то открыли бы в этом осознании также и способность переступить границы. Рыба доплывает до границ воды; она вынуждена вернуться, так как ей недостает физических органов для существования вне воды. Человек приходит к границе чувственного восприятия; он может осознать, что на пути туда он приобрел душевные силы, дающие возможность душевно жить в стихии, не охватываемой чувственным восприятием.

4. Для уверенности в своем чувствовании, для энергичного развития своей воли человек нуждается в познании духовного мира. Он может ощущать в самом большом объеме величие, красоту и мудрость природного мира, но этот мир не дает ему никакого ответа на вопрос о его собственном существе. Собственное существо человека до тех пор удерживает вместе вещества и силы природного мира в живом и подвижном человеческом образе, пока человек не переступит врата смерти. Тогда природа принимает в себя этот образ. Она не может удержать его, она может его только рассеять. Великая, прекрасная, исполненная мудрости природа дает, может быть, ответ на вопрос, как распадается человеческий образ, но не на то, как он удерживается. Никакое теоретическое возражение не может загасить этот вопрос в чувствующей душе человека, если она не хочет сама себя усыпить. Присутствие этого вопроса должно неустанно и деятельно поддерживать в каждой действительно бодрствующей человеческой душе тоску по духовным путям познания мира.

5. Для внутреннего покоя человеку нужно самопознание в духе. Он находит самого себя в своем мышлении, чувствовании и волеии. Он видит, насколько мышление, чувствование и воление зависят от природного существа человека. В своих проявлениях они должны следовать за здоровьем, болезнью, укреплением и повреждением тела. Каждое погружение в сон угашает их. Обычный жизненный опыт обнаруживает величайшую, какую только можно себе представить, зависимость духовного переживания человека от телесного бытия. Тогда в человеке просыпается сознание, что в этом обычном жизненном опыте могло быть утрачено самопознание. Прежде всего, возникает тревожный вопрос: может ли существовать самопознание, превышающее обычный жизненный опыт, а с ним уверенность в истинном «Я»? Антропософия хочет на основе достоверного духовного опыта дать ответ на этот вопрос. При этом она опирается не на какое-нибудь высказывание или верование, а на переживание в духе, которое в существе своем так же достоверно, как переживание в теле.

R.S., GA 26, 1924-25

<...> То, что сегодня господствует так много заблуждений, то, что царит такой хаос, связано с тем, что человечество пришло к мышлению, о котором хотя и думают, что оно практически для жизни, но которое на самом деле совершенно отстранено от истинной реальности. Соединиться с истинной реальностью, действительностью, в энергичном мышлении, развивающем мощные силы, чтобы проникнуть к реальности, — вот то, что как идеал должно прийти к человечеству от духовной науки. Но для этого надо начать с мелочей. Мы должны развивать ум и чувство ребёнка, ориентируясь не на абстрактное, а на реальное, на то, что можно представить. Но сначала мы должны установить связь с этой реальностью. Тот, кто хочет донести до ребёнка идею бессмертия, используя образ бабочки, выходящей из куколки, но сам в это бессмертие не верит, тот до ребёнка ничего донести не сможет. Но тот, кто стоит на позициях духовной науки, знает, что бабочка является настоящим образом бессмертия, образом, который был создан Мировым Духом. Мы сами верим в этот образ. И мы выбираем не иное, как то, во что мы сами верим, ибо мы это знаем или стремимся узнать. Тем самым мы погружаемся в действительность, в реальность, стараемся преодолеть эгоизм, который хотел бы иметь в мышлении лишь нечто абстрактное.

Мы пытаемся проникнуть в дух действительности и тем самым находим путь, столь необходимый новому человечеству, поскольку оно по большей части утратило тех, кого можно было бы назвать практичными людьми. Они — не практики, но те, кто обнищал, обеднел, и грубым образом навязывают своё обнищание всему человечеству. Помочь в этом тяжёлом положении может только одно: если человечество будет искать дух, а с помощью духа — действительность.

Это я хотел сказать вам сегодня; это мы должны усвоить как ощущение отношения человеческой души к миру, ощущение, которое даётся духовной наукой как основное настроение души. Это основное настроение важнее, чем отдельные духовнонаучные истины, настроение, с которым мы идём по жизни, если оно, благодаря духовной науке, воспламенилось в нас.

R.S., GA 182, лекция №3, 29 апреля 1918 г.

Философское творчество Штайнера мало изучено... Свое место в традиции философского мышления Штайнер представлял в 1922 следующим образом: «Я связал два принципа. У Иоганна Готлиба Фихте я научился тому, что такое чистый акт, деятельность Я, отвратившаяся от внешнего мира, а у Аристотеля я взял полноту всеобъемлющего эмпиризма. Лишь тот, кто способен дополнить Фихте с помощью Аристотеля, находит полную действительность, таков и был мой путь» («Anthroposophical Movement» (L.), 1934, vol. XI, N 3, p. 19). Первое его сочинение «Очерк теории познания гётевского мировоззрения» (1886, рус. пер. 1993) содержит программу перегруппировки опытных фактов частных дисциплин с целью построения феноменологической научной картины мира. Так, в каузальном объяснении процессов неорганической природы Штайнер ставит во главу угла систему прафеноменов, роль которых аналогична функции теоретической модели в традиционном естествознании. Диссертация «Истина и наука» (1892, рус. пер. 1913) посвящена анализу акта познания и восхождению к беспредпосылочному началу философии. «Философия свободы» (1894, рус. пер. Париж, 1932-33) строится на контрапункте встречных лейтмотивов: с одной стороны, познание есть продолжение эволюции, с другой — свобода поступка мыслима лишь с точки зрения радикального этического индивидуализма. Из дальнейших философских публикаций выделяются «Мирозерцание Гёте» (Goethes Weltanschauung, 1897), фундаментальный обзор «Эгоизм в философии» (Der Egoismus in der Philosophie, 1899), анализ типа познания, присущего спекулятивному мистицизму от Экхарта до Ангелуса Силезиуса («Мистика на заре нового времени», 1901, рус. пер. 1917), истолкование языка античной и евангельской символики («Христианство как мистический факт и мистерии древности», 1902, рус. пер. 1917), доклад на IV философском конгрессе в Болонье («Психологические основы и теоретико-познавательная позиция теософии» — Die psychologischen Grundlagen und die erkenntnistheoretische Stellung der Theosophie, 1911), реконструкция четырех периодов становления западного сознания («Загадки философии, изложенные в очерке ее истории» — Die Rätsel der Philosophie in ihrer Geschichte als Umriss dargestellt, 1914) и опыт разрешения психофизической проблемы («О загадках души» — Von Seelenrätseln, 1917). Философским вопросам посвящены курсы лекций: «Антропософия, психософия, пневматософия» (Antroposophie, Psychosophie, Pneumatosophie, 1909, 1910, 1911 — о процессах восприятия и образования суждений, о Brentano и пневматологии Аристотеля), «Человеческая и космическая мысль» (1914, рус. пер. 1999 — типология мировоззрений), общедоступная «Философия Фомы Аквината» (Die Philosophie des Thomas von Aquino, 1920), «Время зарождения естествознания во всемирной истории и его дальнейшее развитие» (Der Entstehungsmoment der Naturwissenschaft in der Weltgeschichte und ihre seitherige Entwicklung, 1922-23) и др.

Сергей Казачков, фрагмент статьи из Новой философской энциклопедии

Что здесь ни при каких обстоятельствах не укладывается в голове, так это «теософия», причем, теософия sui generis: очень странная теософия, в которой можно было вполне обойтись без Блаватской, но никак нельзя было обойтись без Геккеля; если о творце антропософии и по сей день судят еще по переписываемому из книги в книгу трафарету, что его духовная наука коренится-де в буддизме (по другой версии — в западной эзотерике), короче, в некоей традиции, то это не больше чем рецидивы ствердевшего в струп старого непонимания. Насколько глубоко это непонимание пустило корни даже среди антропософов, видно уже из текстов на суперобложках некоторых книг Штайнера, где среди прочего можно прочесть и следующее: «Антропософия являет ищущему человеку XX века новое спиритуальное миро- и человековоззрение, которое в отличие от восточных традиций коренится в западной духовной жизни и в центре которого стоит событие Христа». Хуже, при благих намерениях, и не придумаешь. Антропософия не коренится в западной духовной жизни; ее корни обнаруживаемы единственно в философском творении Штайнера,

озаглавленном «Философия свободы», конкретно: в интуитивно переживаемом, беспредпосылочном, мышлении, имеющим основание в себе самом и *in se* дающем (в том числе и западной духовной жизни) смысл и оправдание. Если в центре ее стоит событие Христа, то не оттого, что она ко всему прочему уходит корнями еще и в христианство, а оттого, что в своей центральной интуиции, которая уже оттого не имеет ничего общего ни с какой традицией, что извечно свершается в «здесь и теперь», она опознает *являющегося в настоящем* космического Христа.

Карен Свасьян, послесловие к публикации «Эгоизма в философии» Р. Штайнера

Следует приобрести мужество к антропоморфизму — мир должен быть найден из человека.

R.S., из записной книжки 1923 года

Где личный интерес, субъективность, себялюбие человека настолько облагорожены, что он заинтересован не только в собственной персоне, но и в целом мире, там единственно и лежит истина; если же человек столь убог, что он лишь через отрицание своего личного интереса, своей субъективности в состоянии заботиться о больших гешефтах мира, то он живет в злейшей лжи существования. <...> Не отречься от себя должен человек; он не может этого. И кто говорит, что он может это, тот лжет. Но себялюбие способно вознестись до высших интересов мира. Я могу заботиться о делах всего человечества, потому что они в такой же степени интересуют меня, как мои собственные, потому что они стали моими собственными. <...> Расширьте лишь прежде вашу самость до самости мира и поступайте затем все время эгоистично.

R.S., GA 30

Свобода должна быть углублена через любовь,
иначе она превращается в произвол...
Наука должна быть углублена через любовь:
тогда она становится мудростью...
Самостоятельность должна быть соединена с любовью,
иначе она становится лишь слепым эгоизмом.

R.S., GA 54

Ты встречный, ты иной,
Но иногда мне кажется,
Что ты —
Я сам.

Максимилиан Волошин

«Высшее „Я“ человека — это то, что живет не в нас, но вокруг нас... Если бы человек искал его в себе, он бы его никогда не нашел. Мы должны искать его у тех, кто уже прошел по пути, которым мы хотим идти... То, что через несколько тысяч лет будет нашим „Я“, сегодня является нашим высшим „Я“. Но чтобы по-настоящему встретиться с высшим „Я“, мы должны искать его там, где оно уже имеется сегодня, у более высоких индивидуальностей. Это знакомство ученика с Мастерами. <...> Высшее „Я“ [человека] — это высокоразвитые индивидуальности (GA 93a, 18.10.1905)».

<...> Это познание может открыть нам совершенно новую перспективу в связи с отношением к Рудольфу Штайнеру, и наша любовь к нему как носителю высшего «Я» для всех тех его учеников, которые хотят идти в духовном мире его путем, может быть совершенно объективной и свободной, как бессамостная любовь к тому, кто дает нам возможность уже сегодня сознательно воспринять в нем наше высшее «Я» как возвышенный идеал будущего. Потому что высшее «Я», которое мы должны развить как цель всех наших устремлений, уже всецело присутствует в нем, так как он уже прошел по тому самому пути, который нам еще предстоит.

Сергей Прокофьев

Всегда при встрече с Рудольфом Штейнером, когда он с вами здоровался и вы встречали его дружелюбный взгляд, вам чудилось, что этот миг — из будущего. Вы чувствовали: того, кого он сейчас приветствует и кому дано его приветствовать, того, собственно говоря, здесь еще нет. И вы отвечали ему, давая внутренний обет стать некогда тем, кого он в вас видел.

Маргарита Сабашикова-Волошина

Того, что дано нам, достаточно, чтобы воспламенить все наше оставшееся существование. Сознание того, что мы потеряли, спасает нас от донкихотства и от опьянения звоном слов, не подтверждаемых фактами. Дела, которые мы сможем совершить, наполняясь мыслью нашего Учителя, никогда не смогут быть ничем иным, кроме снопа цветов на алтарь того, кто связал миры. Если мы не осознаем этого в полном объеме, то рискуем потерять всякий масштаб, всякое ощущение расстояния, уровня и различия.

Мария Штайнер, 1925

Небо и земля Дорнаха

Источники

Индекс GA ко всем высказываниям Рудольфа Штайнера означает указание на соответствующий том Полного собрания трудов (Gesamtausgabe), издаваемого Rudolf Steiner Verlag.

Белый А. Воспоминания о Штейнере.

<http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=220>

Белый А. Эпопея Я. Часть I. — Цит. по: С. Прокофьев. Рудольф Штайнер и краеугольные мистерии нашего времени. — Ереван, Ной, 1992. — Стр. 180, 460.

Бондарев Г. Anthropos. Энциклопедия духовной науки. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера.

<http://bdn-steiner.ru/a1/index.php>

Бугаева К. О том, как образ Рудольфа Штайнера отразился в одной душе. — Цит. по примечаниям к книге М. Сабашниковой «Зеленая змея» (прим. к стр. 205). Составители примечаний: С.В. Казачков, Т.Л. Стрижак.

<http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=5703?name=Books&go=page&pid=5703>

Давыдов З., Купченко В. Публикация посланий Максимилиана Волошина — Наше наследие, 1989, №1.

<http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Poezia&go=page&pid=10404>

Казачков С. Статья о Рудольфе Штайнере в Новой философской энциклопедии.

<http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0139aada6d501c7186199339>

Линденберг К. Рудольф Штайнер. Биография. — Москва, Парсифаль, 1995.

Мещеряк-Булгакова С. Самиздат, архив.

Прокофьев С. Да услышат это люди. — Новалис, 2013.

Прокофьев С. Об отношении к Рудольфу Штайнеру. Мистерия закладки Камня Основы. — Пер. с нем.: И. Король. — Издательство Бартенева, Одесса, 2011.

Риттельмайер Ф. Встречи с Рудольфом Штайнером. — Пер. с нем.: П. Снегирева. — Москва, Энигма, 2011

Руэ-Короз С. Эпопея духа XX века.

<http://bdn-steiner.ru/modules.php?go=page&name=Books&pid=11601>

Сабашникова (Волошина) М. Зеленая змея. — Пер. с нем.: М.Н. Жемчужникова. Вступ. ст. С.О. Прокофьева. — Москва, Хуманус, 2015.

Самвебер А. Из моей жизни. Воспоминания о Рудольфе Штайнере и Марии Штайнер-фон Сиверс. К изучению истории антропософского движения и общества. — Издано под редакцией Якоба Штрайта. — Базель, Врата, 1982. — Из самиздатского наследия С.П. Мещеряк-Булгаковой

<http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=12001>

Свасьян К. Послесловие к «Эгоизму в философии» Р. Штейнера. — Москва, Evidentis, 2004.

Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума.
<http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=7501>

Хаан Г. Рудольф Штайнер, каким я его видел и знал. — Пер. с нем.: Виктор Медведев. — Москва, Старклайт, 2006.

Хемлебен Й. Рудольф Штайнер. Биографический очерк, сопровождаемый 103 иллюстрациями и отзывами современников и потомков, дополненный хроникой жизни Рудольфа Штайнера. — Санкт-Петербург, изд. им. Н.И. Новикова, 2004.

Штейнер Р. Антропософские руководящие положения. Путь познания антропософии. Мистерия Михаила (GA 26). — Москва, АНТРОПОСОФИЯ, 1996. — Редакция перевода выполнена с издания: Rudolf Steiner. Anthroposophische Leitsätze der Erkenntnisweg der Anthroposophie. Das Michael-Mysterium. Rudolf Steiner Verlag; Dornach/Schweiz, 1989.

Штейнер Р. Переписка: письма — изречения — рисунки, 1912–1924 гг. /Рудольф Штейнер, Эдит Мэрион/. — Пер. с нем.: А. Локтев. — Санкт-Петербург, Деметра, 2014.

Штейнер Р. Четыре Драмы-Мистерии (GA 14). — Пер. с нем.: Н.Н. Белоцветова, редакция перевода А.А. Демидова.

http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Rus

Штейнер-фон-Сиверс М. Три письма. — Из самиздатского наследия С.П. Мещеряк-Булгаковой.

<http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=4305>

Steiner R. Wahrspruchworte (GA 40). — Dornach/Schweiz, Rudolf Steiner Verlag, 1991.

<http://bdn-steiner.ru/cat/ga/040.pdf>

Steiner R. Sprüche, Dichtungen, Mantren. Ergänzungsband (GA 40a). — Dornach, Schweiz, 2002.

<http://bdn-steiner.ru/cat/ga/40a.pdf>

Wegman I. An die Freunde. Natura-Verlag Arlesheim (Schweiz), 1968. — Пер. данной статьи с нем.: К. Езерская, 2016.